

**Весной 45-го первыми в Берлин
вошли советские танковые армии**

Литературно-публицистический альманах

**НЕ СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

В номере:

- ★ Сегодня все материалы альманаха посвящены 65-й годовщине Великой Победы, подвигу земляков, воинов Мелекесса-Димитровграда
- ★ Александр НИКОНОВ.
«Ковчег острова Альмендралехо». Приключенческий роман

НЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Патриотический,
литературно-
публицистический
альманах

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ
май-июнь-июль 2010

Ульяновский региональный
благотворительный общественный фонд
поддержки ветеранов и офицеров
запаса КГБ, ФСБ, МВД
«Эгида»

Великой
Победе

С Победой, сыночки!

Победа осталась за НАМИ!

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года. 22 июня 1941 года война хлынула на территорию нашего государства СССР. И только 9 мая 1945-го на весь мир было объявлено, что с фашизмом покончено. Солдаты, офицеры, генералы и маршалы войск-союзников из Англии, Франции, США и СССР салютовали окончанию Второй мировой войны в поверженном Берлине...

Для нашего же народа Великая Отечественная война закончилась ПОБЕДОЙ лишь 2 сентября 1945 года, когда поверженная милитаристская Япония также подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Кровавая и смертельная битва народов планеты под названием Вторая мировая длилась ровно 6 лет.

Наше ЗНАМЯ ПОБЕДЫ было водружено над поверженным рейхстагом в Берлине 30 апреля 1945 года и с тех пор гордо реет над миром, прославляя вклад советских воинов во Вторую мировую войну. Страны, в которых ныне живут ветераны Великой Отечественной, скорбят по погибшим в ее ходе сыновьям и дочерям своим. Армяне и грузины, прибалты и украинцы, казахи, туркмены, узбеки, киргизы, азербайджанцы, молдаване, таджики и, конечно, в первую очередь, белорусы и русские, понесшие самые страшные потери. Всего и всех потерь не подсчитано точно до сегодняшнего дня. Цифры эти – от 20 миллионов жизней соотечественников – до 50-ти все равно необратимы, невозполнимы. Для нас павшие символически проступают сквозь Вечный огонь у тысяч обелисков по всему миру. Мы до сих пор откапываем и собираем по полям, лесам и болотам останки солдат, отдавших жизни за Родину. Чтобы предать их земле. Вписать в Памятную Летопись Победы...

Черные крылья военной беды не коснулись непосредственно старинного Мелекесса. Далеко за его околицами – в сталинградских и саратовских степях гремели залпы орудий, предсмертным криком захлебывались в атаках солдаты, бомбы и снаряды в клочья разносили города и села, дома и судьбы людей. Но общая Беда, как и общая Победа, не могут обойти стороной ни одного человека, тем более в такой войне. В первый же день войны мелекесский военкомат послал на фронт около тысячи человек, половина из них были добровольцы...

Кроме наших воинов-земляков, которых город поставил в действующую армию, мелекесцы всецело работали все эти годы на фронт. Было развернуто три госпиталя, в которых не одной тысяче бойцов и офицеров врачи возвращали жизнь и здоровье. Умерших же от ран и калечий всем миром хоронили на городском кладбище, ухаживали за этими могилами по родственному.

Мелекесс, отдавая последнее, сформировал и обеспечил запасами четыре боевые дивизии, несколько бригад, содержал курсы по обучению командиров, выпускал снаряды и мины, ремонтировал оружие. Курировал Кошкинскую авиабазу по переподготовке кадров морской штурмовой авиации. Мелекесцы вскладчину покупали для фронта танки, самолеты, вооружение. Шили шапки, варежки, ткали шинели, валяли валенки, делали сани и стлани, лыжи и сухпайки, заготавливали хлеб, мясо, фураж, кожи, крупы, фрукты и овощи, грибы и ягоды, сыр, масло, яйца. Каждая семья считала необходимым раз в месяц посылать на фронт посылки с товарами первой необходимости солдатам.

Три детдома на территории района принимали и выхаживали детей эвакуированных с захваченных врагом территорий, из блокадного Ленинграда. Город приютил у себя житомирский театр оперетты, 12 вагонов редких книг и сотрудников госбиблиотеки имени Салтыкова-Щедрина, витебскую чулочно-носочную фабрику, экспериментальные мастерские НИИ наркомата химпрома, около десяти тысяч беженцев – почти такое же население города!

Сегодня уже не назвать поименно всех наших земляков, уходивших на фронт из Мелекесского района и города. Кто-то числится среди погибших или без вести пропавших, кто пал в фашистских концлагерях, кто умер от ран в госпиталях или, искалеченный, был определен на послевоенное жительство в санатории для «савомаров» и не захотел тем самым пугать и напрягать семью и родственников.

Комсомолец-доброволец призыва 41-го П.Павлов, сражавшийся с фашистами в составе лыжных батальонов спецназа под Москвой. После Победы работал в НИИАРе.

Герой Советского Союза К.Шулаев, призванный на фронт из Мелекесса, свою высшую награду родины получил за форсирование Днепра и налаживание под огнем врага бесперебойной связи при штурме Киева.

Старшина А. Милюшов один из мелекесских воинов – участников штурма фашистской столицы Берлина. После победы – известный в городе работник печати, писатель-историк. Входит в руководство организации ветеранов войны.

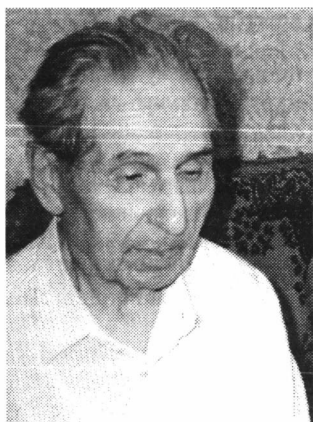
Один из сотен памятников героям партизанского движения в братской Беларуси. Раньше в день Победы туда съезжались ветераны войны со всей страны. Среди них было немало и мелекесцев.

Имена многих ветеранов уже стерты в нашей памяти.

Городу, не побывавшему в прифронтовой полосе, есть чем гордиться. Подвиги и отвага прославленных воинов из Мелекесса и по сей день венчают историю нашего края Причеремшанья. И, прежде всего, это генералы-военачальники, имевшие отношение к Мелекессу (далее в альманахе идет отдельный рассказ о них). Это обессмертившие свои имена подвигами на фронте 13 наших Героев Советского союза: Николай Козлов, Константин Шулаев, Петр Шильдин, Иван Можиевский, Аркадий Барышев, Иван Мытарев, Владимир Маркелов, Борис Юносов, Виктор Ерменеев, Матвей Чернов, Алексей Яшнев, Георгий Захаров, Петр Коломин. А зам. наркома вооружения генерал Иван Барсуков стал Героем Социалистического Труда. Это кавалеры солдатского ордена «Слава» трех степеней: Абдулла Бильданов, Иван Голиков, Михаил Симонов, Георгий Семенов, Иван Журавых. Мы гордимся, что один из воспитанников нашего детдома – Александр Матросов известен своим подвигом на всю страну.

Но, несмотря на особые заслуги героев, вклад в нашу Победу считается общим для всех. Слава и почести достаются и маршалу, и солдату-обознику или санитару поровну. Они вместе на передовой или в тылу ковали эту ПОБЕДУ!

Конечно, работа в военной разведке, особенно в дальнем зарубежье, в тылу врага, в оперативном поиске за линией фронта, - трижды опаснее, смертельнее и ценнее, чем служба водителя военного автомобиля или трофейщика. Но, вспоминая сегодня мелекесцев-разведчиков: полковника, начальника разведки полка, прихватившего после Победы в Берлине еще и войны с японцами на Сахалине, – И.Илялова. А.Андреева – работавшего в Японии от ГРУ, диверсантов - Н.Аношкина, А.Храмова, смершевцев А.Гарипова, Е.Судакову, главстаршину М.Скряби-

А.Гарипов на передовой был сапером и комсоргом. Закончив спецкурсы, стал талантливым военным контрразведчиком. Эту работу продолжал и в Димитровграде. Член Союза писателей России.

Памятник воинам Великой Отечественной в пригородном селе Сабакаево.

на, десантников Н.Совалева, А.Жукова, - мы должны помнить и о простых «тружениках» этой страшной войны. Поклониться им за добытую такую жданную и радостную, но страшную подлинным ликом Победу.

Участниками парада в честь нее - долгожданной - в Москве были солдаты из Мелекесса А.Гареев и П.Жулин. А участником парада в Москве в 1941-м пехотинец Г.Зилитдинов. Среди «наших» брал Берлин и танкист из 7-й танковой бригады Л.Латыпов.

Погиб, не дожив до НЕЁ в небе над Волгой, тараня немецкий бомбардировщик, летевший кромсать наш край, уроженец Новой Майны, 21-летний пилот-истребитель Николай Шутов. Награжден орденом Ленина посмертно.

Свои «фронтовые будни» в смертельной схватке с врагом были у артиллеристов Г.Струнникова, Г.Шевченко, Н.Петрова, Б.Садикова, И.Тихонова, танкиста, штурмовавшего Берлин Н.Майорова, радиста В.Галанта, командира торпедного катера, тихоокеанца Н.Карлова, связистки В.Бычковой и кавалериста Р.Радецкого, дравшихся с фашистами в Заполярье, бойца аэродромного обслуживания А.Саначевой, пилота-истребителя А.Миронова, зенитчиков И.Русакова, А.Садиковой, В.Соловьевой, М.Долгова, И.Пилипенко, Н.Фролова, А.Бикиннеева, саперов Е.Дубровского, А.Акимова и П.Алексеева, танкистов - катуковца Е.Катиркина, халхингольца - И.Чечнева, моряка А.Короткова, самоходчика А.Токтарова, разведчика И.Тимошкина, штурмана Б.Петрова, военврача М.Мусоровой, медсестры Х.Галиуллиной, автомеханика С.Совалева, пехотинцев В.Горностаева, А.Миронова, М.Бикиннеева, Т.Жеребчикова, М.Панюжева, Ю.Спиридонова, чекиста-политрука Г.Смолина, юнги А.Анненкова, матроса А.Бобиной...

Для фронтовых историй и 65 лет - не срок!

1

Связист А.Насыров был мобилизован прямо из ульяновского татарского педучилища в трудармию и только в 44-м попал на фронт в отдельный батальон связи. После штурма Берлина он оставил свой автограф Победы: «Здесь были волжские орлы, которых вел в Берлин И.Сталин» на рейхстаге, где его и сфотографировал фронтовой корреспондент Н.Мельников. А потом эти снимки публиковались в «Красной Звезде», «Огоньке» и в «Неделе».

После Победы Насыров служил телеграфистом в штабном узле связи маршала Г.Жукова. Затем – в Бабельсберге в штабе маршала В.Соколовского. На Нюрнбергском процессе нес вахту прямо во Дворце юстиции, где попал в документальный фильм, который снимали американские кинематографисты. Сегодня он – «Почетный татарин Самарской области».

2

Ветеран войны и трудового коллектива завода «Химмаш» Алексей Васильевич Смирнов стал знаменитым на всю страну еще в 1942 году. Артиллерист Смирнов в этом году прошел весь ад крошечный в кровопролитных боях под Харьковом, когда город по несколько раз переходил из рук в руки...

Окончательно немцы захватили бывшую столицу Украины в конце мая месяца. Нашим пришлось отступить под натиском немецких танковых армий, оставляя не только город, но и части сил Юго-Западного и Южного фронтов, окруженных на барвенковском выступе. Вот тут-то и пришлось артполку, в котором служил Смирнов, насмерть встать на пути рвущегося к Воронежу

врага, давая возможность окруженным товарищам прорываться из фашистских тылов. В одном из боев расчет 122-миллиметрового орудия старшего сержанта Алексея Смирнова уничтожил шесть немецких танков, заставив врага изменить направление намеченного прорыва.

О подвиге нашего земляка артиллериста, чудом выжившего в тех боях, написала газета «Красная Звезда» об этом упоминает в своих воспоминаниях ее бывший редактор генерал Ортенберг. А в июне 42-го уже газета «Правда» опубликовала списки девяти награжденных фронтовиков, ставших первыми в СССР кавалерами нового ордена - Отечественной войны. Вторым среди награжденных стал А. Смирнов.

Потом была еще очень долгая фронтовая дорога артиллериста к Победе. Еще один орден Отечественной войны уже первой степени, орден Красной Звезды, два ордена Славы II и III степеней отметили его ратные подвиги на передовой. Еще не раз, прославляя его на всю страну, о боевом пути мелекесца Смирнова писала Газета «Правда», еженедельник «Неделя» областные СМИ...

3

В 31-м отдельном Петрозаводском батальоне морской пехоты освобождал Петрозаводск от немецко-финских войск и наш земляк В.И. Табеев. Враг оказывал упорнейшее сопротивление – город горел, его кварталы были разрушены артиллерией и авиацией противников. Прямо под этими разрывами в горящий город в Петрозаводскую бухту и был высажен десант морской пехоты! Они и выиграли этот бой, заставив врага отступить из города. Первым комендантом Петрозаводска был назначен комбат морпехов И. Молчанов. Он вместе с В. Табеевым начинал боевую службу в одном флотском экипаже, оборонявшем восточный берег Онежского озера. Табеев служил в ВМФ еще в 20-х годах, восстанавливая советский флот. Демобилизовавшись, вступил в ВКП (б), работал в мелекесской школе военруком. На фронт пошел в первые дни войны. Операция в Петрозаводске была не первой, но к сожалению, последней в боевой биографии нашего земляка-краснофлотца, командира отделения морпехов главстаршины Табеева...

На следующий день после штурма Табеев с двумя своими подчиненными был послан комендантом на патрулирование и прочесывание окраин города от прятавшихся в развалинах фашистов. Там-то и пришлось принимать неравный бой троим морским пехотинцам с большой группой вражеских диверсантов, намеревавшихся подорвать портовые причалы. В. Табеев и двое его боевых товарищей погибли в том бою смертью храбрых, но сорвали планы гитлеровских диверсантов...

Морских пехотинцев похоронили

прямо за зданием комендатуры, там и прозвучал последний салют над их братской могилой. И сегодня у городского кладбища в Петрозаводске за сохранившимся зданием комендатуры можно найти могильную плиту с полустертыми строчками имен похороненных здесь морских пехотинцев, среди которых и наш земляк В.И. Табеев. Поклон вам, неизвестные нам петрозаводчане, что и сегодня ухаживают за этим захоронением, чтят память о воинах-освободителях!

4

В областной «Народной газете» опубликовано письмо фрау Элеоноры Дупуис, проживающей в Австрии. В нем она коротко изложила историю своего появления на свет. После завершения войны нашей Победой, в Австрии были размещены оккупационные войска союзников по антигитлеровской коалиции. В городке Санкт-Пельтен, что в 60 километрах на запад от Вены, жила фрау Стефания Нори. Один из солдат-фронтовиков расположенного здесь советского гарнизона пришел к ней во дворик и попросил напиток воды. Потом приходил не раз, приносил хлеба, другие продукты, помогал по хозяйству, работал в саду...

Через некоторое время солдат объяснил хозяйке, с которой у него возникла взаимная симпатия, что его отправляют на родину, предстоит операция на раненой ноге. С тем он и убыл. А вскоре фрау Стефания поняла, что ждет ребенка. Родилась в 1946-м дочка Элеонора. За свою жизнь они с мамой все ждали, что объявится ее советский отец-солдат, верили в новую встречу. Но из всего, что знала фрау Стефания о своем любимом, это, что фамилия его, записанная на слух: то ли Гроссман или Броссман... Кроман... Хроман... Громан, что-то подобное...

Нет уже на свете Стефании Норри, сама Элеонора Дупуис – почти ровесница нашей Победы, но многие годы она ведет поиск своего отца-солдата Второй мировой войны. И поиски эти привели в Ульяновскую область. Не наш ли земляк был возлюбленным и отцом австрийских женщин? Может быть, и в нашем городе кто-то знает о таком военном романе и истории? Фрау Элеонора и мы ждем отзыва фронтовиков...

И это еще не конец наших историй. Это только 65 лет нашей Победе. Мы уверены, что доживем и до следующих ее юбилеев. Что память и потомки сохраняют рассказанное фронтовиками и о них надолго. А если вам, ветераны Победы, есть еще, чем поделиться с земляками, о чем вспомнить, милости просим на страницы нашего патриотического издания!

Слава героям Великой Отечественной!

Поименный список фронтовиков-
дмитровградцев, членов организации
ветеранов ВОВ

(составлен на 1 января 2010 года)

Абзалов Г.А.
Абрамов А.А.
Авдеев П.С.
Агапов Д.В.
Агафонов Ф.Ф.
Агибалова Е.А.
Александрин В.П.
Алексеев Ф.П.
Алтухов П.Е.
Аникин А.С.
Анкилов П.В.
Анненков А.П.
Аргентова К.Н.
Аристов С.И.
Артамонов Г.Д.
Артюхин М.И.
Архипов А.Т.
Астраханкин А.И.
Афанасьева А.П.
Афанасьева М.И.
Ахметзанова М.Г.
Бабушкина Е.А.
Баннов П.В.
Барабанов Е.А.
Бардабаев А.В.
Барсуков В.Е.
Бахонина Е.В.
Бахтияров П.А.

Баязитова Д.Н.
Безюмкин Н.И.
Бекреев К.П.
Белейчев Н.И.
Беляков М.А.
Бикинеев А.П.
Биушев А.Ф.
Богданов Л.А.
Богомазов А.А.
Богомоллов А.С.
Богомоллов В.Н.
Бондаренко И.А.
Бордачев И.Ф.
Бузанкин П.К.
Булатов Х.Г.
Булычев П.Ф.
Бутузов Ф.И.
Бычинский А.В.
Бычкова В.Ф.
Вагайцев А.А.
Вахрушин Н.Н.
Вахрушина А.И.
Виноградов А.Н.
Винокуров И.Г.
Вишневский И.А.
Вишняков Ф.Ф.
Власов С.Ф.
Войнатовский А.А.

Волков С.П.
Волков П.П.
Воронков В.Н.
Гаврилов В.А.
Гаврычев В.И.
Гаврюченкова Н.М.
Гайдаренко И.П.
Гайнутдинова М.
Галактионов М.Е.
Галактионов М.К.
Галант С.И.
Галина М.Н.
Гальцев П.С.
Гарифуллов С.Я.
Гарнев В.М.
Гатина С.Х.
Глива Л.А.
Гоголев А.П.
Горбунов А.В.
Горбунов Ю.И.
Гордеева М.С.
Гордиенов М.В.
Горюнов М.Е.
Гришанов Б.И.
Гришов М.И.
Губанов В.И.
Губина М.В.
Гуреев В.П.
Давыдов И.И.
Давыдов В.И.
Данилов В.И.
Данилова Л.Е.
Дацкевич А.А.
Дедюева Н.М.

Денисов Г.К.
Денисов В.Е.
Дерябина А.И.
Димухаметов Н.Д.
Димухаметов Ш.В.
Дмитриев П.И.
Дмитриев В.Я.
Долгих А.Г.
Дубинкин И.А.
Дубков А.Н.
Дударев И.С.
Егоров В.А.
Елфимов И.М.
Ермаков А.А.
Ермилин Н.А.
Ермолаев В.Т.
Еренина Е.П.
Ерохина Е.К.
Ершова Е.И.
Желтов П.Р.
Жеребцов П.Е.
Журавлев В.Т.
Журов М.А.
Заболотная Г.И.
Загребина П.И.
Зазулин М.И.
Зайнуллин М.З.
Зайцев Н.Н.
Занов Г.Ш.
Захаров А.Д.
Захарова Н.П.
Захарова Н.А.
Захарова П.Ф.
Зверев И.Х.

Земсков В.И.
Зиатдинов Х.Х.
Золотухина А.Ф.
Зотов В.Т.
Зубков В.И.
Ибатулов Ф.
Иванов Г.И.
Иванов Ю.П.
Ивахненко А.Г.
Ивин Г.П.
Иксанов Ш.М.
Илларионова А.Н.
Ильдutow А.В.
Илюнгин Ф.И.
Инкин Н.И.
Иренев М.Г.
Исмагилов Ф.М.
Итрухин И.С.
Календаров И.Г.
Калимуллов Г.
Калугин П.И.
Каменских Н.А.
Каныгин В.М.
Каплинова А.С.
Карандашев С.В.
Карклинский И.Ф.
Карклинский В.Ф.
Карлов Н.Ф.
Карпов А.П.
Карпухин В.В.
Карпухин П.М.
Кахно В.Е.
Качалов О.А.
Кашицин В.И.

Киpюхин Г.И.
Киpсов И.М.
Климанов Н.Н.
Климентьев И.С.
Клипиков С.В.
Клычков Н.И.
Клянчин Н.Е.
Князькин М.Л.
Ковалева В.Ф.
Коваль И.М.
Ковригина Е.Я.
Ковтонюк А.Н.
Козлов М.В.
Козырев А.Г.
Козырева Т.Н.
Козырская К.В.
Коклеев Н.П.
Колодкин К.И.
Коломасов И.С.
Кондратов В.И.
Кончин А.А.
Копыльцов А.С.
Корнилов С.М.
Корнилова С.В.
Коробков Н.И.
Королева П.И.
Корсаков А.А.
Костюхин П.А.
Костюхин Н.Н.
Котельникова Т.П.
Котельникова Р.С.
Крайнов Н.В.
Крашенинникова М.И.
Кривопустов Г.Т.

Криулин В.П.
Крончев Н.И.
Кручинин Н.А.
Ксенофонтов В.В.
Куделькин Д.С.
Кузин Е.И.
Кузин В.И.
Кузнецов В.В.
Кузнецова Е.Т.
Кузнецова П.И.
Кулаков В.М.
Кульпина Т.А.
Курушин К.С.
Кытманов К.М.
Лапин Г.В.
Ларин Е.С.
Ларин И.К.
Лашманов А.П.
Лебедева Т.А.
Лещенко С.И.
Липатов А.Н.
Лобанова Н.Д.
Лобасов И.И.
Логинов В.И.
Логинова К.И.
Лукьянов Н.И.
Лукьянова Е.Ф.
Ляданов В.С.
Мавзютов Г.З.
Мазилин А.И.
Мазин Н.Н.
Мазуренко И.Н.
Макаров Н.Н.
Макарова О.С.

Макеев А.А.
Малиновский Б.Л.
Малоненкова В.А.
Малышев П.И.
Мамонов А.Г.
Мантрова Е.Т.
Мардышев В.Б.
Маркевич Ф.А.
Маркелов Ф.Ф.
Мартынюк Ф.К.
Марусева М.М.
Медянов И.Н.
Мельников А.Я.
Мельников Н.Я.
Мельников А.А.
Мельникова А.С.
Мефтахов А.Ш.
Мещанин Н.В.
Миллер Г.Ф.
Милюшов А.С.
Минаев Н.Т.
Мингазов М.Т.
Миронов В.В.
Мокеев Г.И.
Морозов С.Н.
Морозов Н.М.
Мукина Л.А.
Мусорин Н.А.
Мыжельский В.Ф.
Мышьяков В.С.
Мясников В.Я.
Нагорнова З.Г.
Назаров Л.Г.
Назарова А.Ф.

Насырова Х.В.
Натрусов П.И.
Наумкин Н.С.
Нежурин И.И.
Немов Н.В.
Ненашев Г.Г.
Нефедова Р.М.
Нигматулин М.К.
Нигметуллин Г.Н.
Никитина К.С.
Никифоров Н.Д.
Николаев И.Г.
Николаев Н.Ф.
Николаева А.И.
Никонова А.С.
Новикова М.И.
Носков А.М.
Осетров А.С.
Осин М.Ф.
Осипов Н.Г.
Осокина А.М.
Павлов А.А.
Павлов П.В.
Павлова Н.И.
Палий И.Г.
Пантелеев В.И.
Паньшина К.М.
Парфенов В.Е.
Первушин А.П.
Пилипенко И.Ф.
Пиядов А.С.
Платонов Н.Д.
Плетнев А.И.
Плешков П.В.

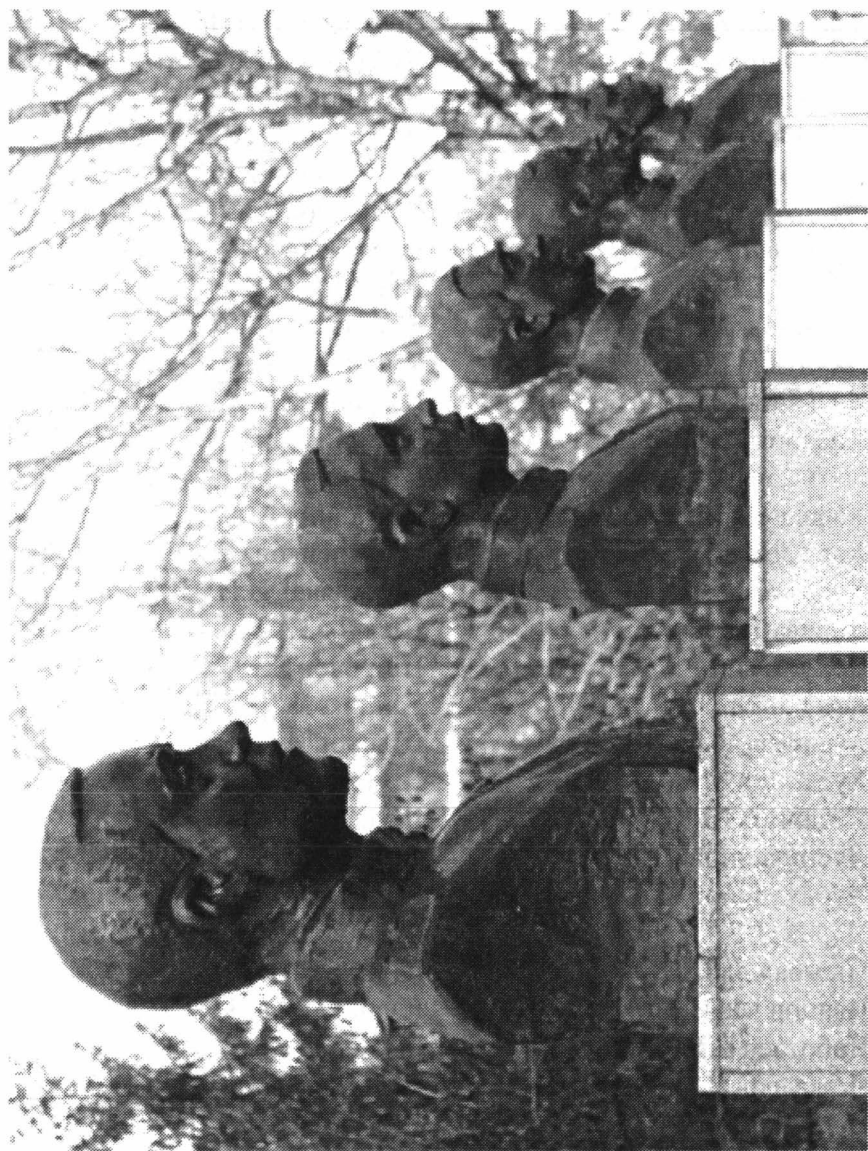
Плотников В.К.
Плужникова Е.В.
Покровская А.Г.
Полнов Г.Ф.
Поляков И.Н.
Потемкина М.Х.
Прахин В.И.
Прошкин Б.П.
Пуринг В.А.
Радецкий Р.А.
Разумный В.И.
Разумов В.И.
Рассохин Я.А.
Ревенко М.Г.
Резцов В.Ф.
Речнов М.В.
Рига В.И.
Рогожников В.А.
Романов И.В.
Романов Н.М.
Рубцов А.Г.
Рыбаков Ф.М.
Рыжова М.И.
Рябиничева Н.М.
Рябинов Д.Н.
Рябов В.П.
Рябов Н.А.
Саблин Г.А.
Садиков Б.Г.
Садикова А.Ф.
Сазонов В.М.
Салманов Б.В.
Сальников П.К.
Самаркина Н.П.

Саначева А. Е.
Сапельников С. З.
Сафаргалеев В. А.
Сафиуллоев Н. Х.
Сафронов Н. В.
Сахабутдинов Ф.
Семенов А. С.
Семеряга Е. Т.
Семикин В. И.
Сергеев Д. П.
Сернова Е. А.
Серов В. С.
Серозеев Г. К.
Сероштанов В. Н.
Серяков С. М.
Сидоров А. В.
Сидорова А. Г.
Силантьев А. Г.
Симиргин Ф. С.
Симонов Н. Ф.
Скобелева Н. А.
Скотникова З. И.
Скрябин В. В.
Сметании А. А.
Смирнов В. И.
Смолин Г. Г.
Соколова Л. К.
Соловей В. Д.
Соловьева В. И.
Солодилиев И. Г.
Солодянкина В. П.
Соломкин В. И.
Сорокин А. П.
Сорокин М. П.
Сороколетов В. Д.

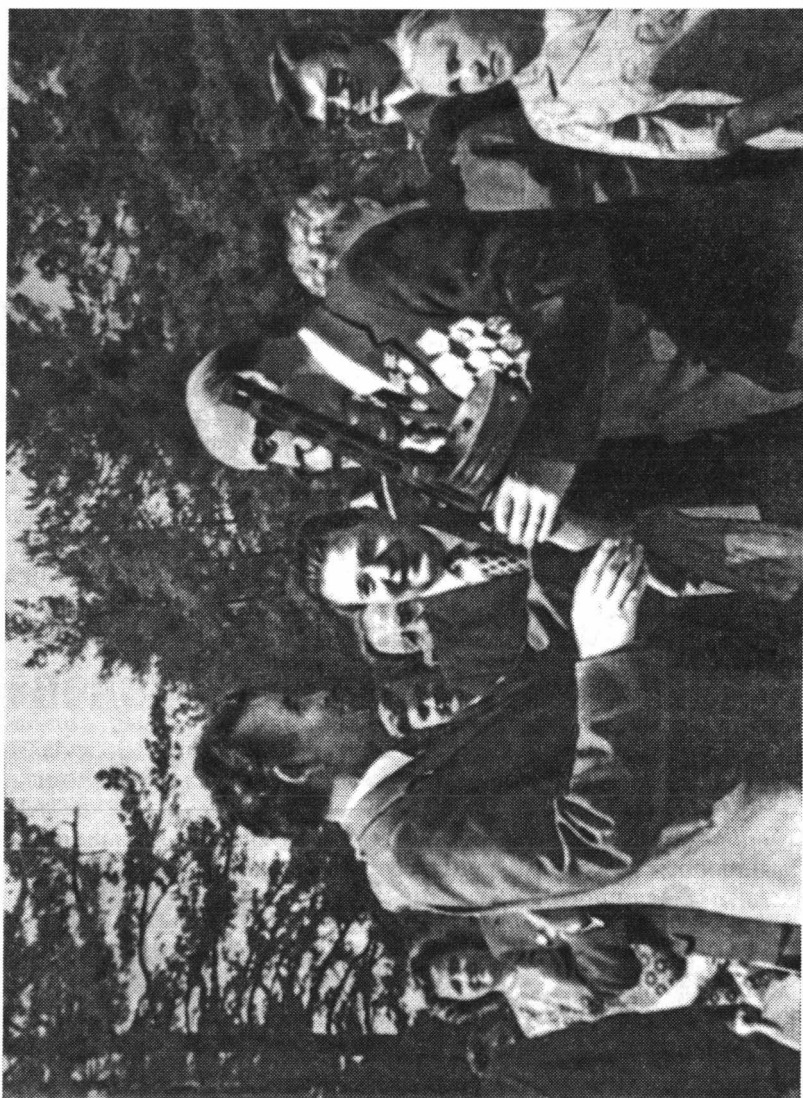
Спиридонов Ю. П.
Спирова Н. В.
Стариков Д. А.
Стариков В. В.
Старцев Н. И.
Страшнов И. С.
Стручков К. А.
Суханов В. Н.
Сыромятникова Е. А.
Талов М. Ф.
Тарасов А. Е.
Творогова М. В.
Теплов Е. Я.
Терентьев Н. В.
Терешкин Я. Ф.
Тетеревников В. М.
Тихоненко Н. М.
Тихонов И. Ф.
Тойгильдина А. В.
Толмачев Н. М.
Толочманов А. И.
Тонких А. А.
Торгашов А. С.
Торжиков И. Е.
Трифонов П. В.
Трофимов М. М.
Трудникова А. А.
Туктамышев А. Н.
Туркин Л. И.
Тюрина Е. Д.
Усманов С. М.
Устинова М. Н.
Ушанкина М. В.
Фадейкин В. Т.
Файзуллина Х. М.

Фастовец А.П.
Фахрудинов А.З.
Федоров М.Б.
Федоров М.Ф.
Федоров П.Т.
Федотов А.П.
Фомин Л.В.
Фомин Г.В.
Францов В.И.
Халиуллов А.А.
Хасьянова Р.И.
Хасянов М.М.
Хатямов М.Д.
Хафизов Г.Н.
Хафизов И.К.
Хафизов С.Н.
Хорева Т.С.
Хохлин И.Ф.
Храмов М.Е.
Худякова М.П.
Хусаинов М.К.
Хусаинов Ш.М.
Хуснутдинов Р.А.
Хуснутдинов К.Д.
Царев Н.С.
Цымбалюк П.И.
Чванов М.Н.
Чеботаев В.Я.
Чекрыгин И.А.
Червяков П.В.
Чердакчиев Н.Е.
Черевик Д.Ф.
Черкашин Р.С.
Черникова З.А.
Черноскутов И.Д.

Чертопятов И.Ф.
Чубаров С.Г.
Чуманов Е.В.
Шабалдин А.Е.
Шайдуллин Х.А.
Шайдулов З.Х.
Шамбазов К.Г.
Шамина К.А.
Шаповалов А.Ф.
Шарипов М.Ш.
Шаронова Е.И.
Шаталин П.В.
Шаталин А.П.
Шаталина А.А.
Шелепенков В.И.
Шелудяков И.И.
Шеянова А.И.
Широков Д.М.
Широкова Е.Н.
Шленов И.В.
Шутова А.М.
Шушарина М.Е.
Щербаков В.А.
Щербаков В.Г.
Щеточкин К.И.
Юдина В.И.
Юдинских Г.Я.
Юрченко К.П.
Якушевская В.В.
Янбиков Г.Х.
Яруллов Р.Н.
Яценко М.Н.
Яшин Н.М.
Яшников В.М.

*Мелекесцы - Герои Советского Союза,
своими подвигами прославившие наш любимый город.*

Димитровград, 9 мая 1975 года. Открытие монумента Вечной Славы. Первый секретарь горкома КПСС Г.Ф.Полнов вручает символическое оружие прошедшей войны председателю общинного Народного совета болгарского города-побратима Христо Шишкову.

В эти предюбилейные дни Георгию Федоровичу Полнову исполнилось 85! Мы от всего сердца поздравляем воина-юбиляра и желаем ему доброго здоровья и счастья.

Василий СТРЮЧКОВ

Наш коллега, член ДПО, действующий армейский офицер Стрючков в эти дни выполняет специальное задание Правительства на Ближнем Востоке...

Но перед отъездом Василий оставил в редакции альманаха свой новый очерк, посвященный малоизвестным страницам Великой Отечественной войны, и посвященный нашим землякам-фронтовикам, пилотам ВВС. Автор просил, чтобы этот очерк был опубликован к 65-летию Победы.

Немецкие «реактивные асы» против «Сталинских соколов»

Как ныне принято считать, фашистская Германия является прародителем современной реактивной авиатехники.

Первый полет немецкого реактивного самолета состоялся 29 августа 1939 года (итальянский самолет на реактивной тяге №1 взлетел чуть раньше, но дальнейшего развития он не получил).

После крупных поражений в 1941-42гг. руководство третьего рейха активизировало свои разработки в области реактивного самолетостроения и ко второй половине 1943г. практически полностью перешло на разработку реактивной летающей техники.

В это же время Адольф Галант, ставший инспектором истребительной авиации (главнокомандующим истребителей), добивается у Гитлера принятия решения о массовом выпуске первого реактивного истребителя в мире - Ме-262.

Для его освоения в 1944 году формируются учебные центры подготовки пилотов и первые боевые подразделения. С этого времени немецкие реактивные самолеты начинают принимать активное участие в боевых операциях. И продолжают их практически до самого окончания войны.

Конечно же, главной мишенью для реактивных самолетов люфтваффе были тяжелые бомбардировщики союзников (В-17, В-24, Ланкастеры и Веллингтоны), наносившие массированные удары по городам и промышленным объектам рейха, но и советские ВВС сталкивались с новейшими реактивными самолетами немцев. Случилось это, правда, в самом конце войны, когда советский танковый каток покатыл по германской территории, по ее аэродромам.

Первыми на Восточном фронте с реактивными самолетами встретились летчики 176 гвардейского истребительного авиационного полка (ГИАП).

Произошла эта встреча 14 февраля 1945года. Куманичкин в паре с командиром полка Чупиковым встретились в воздухе с необычным самолетом. Гвардейцы попытались атаковать противника, но немецкий самолет неожиданно быстро оторвался от преследователей. После проявки пленки фотокинопулемета (ФКП) стало ясно, что летчики 176-го ГИАП повстречались с новейшим реактивным истребителем Ме-262 «Швальбе» («Ласточка»). Это была первая, но не последняя встреча летчиков 176-го ГИАП с реактивной техникой немцев.

Первый сбивый на Восточном фронте реактивный самолет на свой счет записал прославленный ас Иван Никитович Кожедуб. Произошло это событие 19 февраля в небе над Одером и по описанию И.Н.Кожедуба происходило следующим образом: «...Мы вели воздушную охоту недалеке от линии фронта. Внимательно слежу за воздухом. С юга, со стороны Франкфурта, на высоте 3500 метров внезапно появляется самолет. Он летит вдоль Одера на скорости, предельной для наших «Лавочкиных». Да это же реактивный самолет! Быстро разворачиваюсь. Даю мотору полный газ, преследую

врага. Летчик, очевидно, и не смотрел назад, полагаясь на большую скорость. «Выжимаю» из машины максимальную скорость, стараюсь сократить дистанцию и подойти с небольшим снижением под «брюхо» вражеского самолета. Хочется подробно рассмотреть его; если удастся открыть огонь и сбить. Подхожу со стороны хвоста на расстоянии пятисот метров. Удачный маневр, быстрота действий, скорость позволили мне приблизиться к реактивному самолету. Но что такое? В него летят трассы: ясно - мой напарник все-таки поторопился! Про себя нещадно ругаю «Старика», уверен, что план моих действий непоправимо нарушен. Но его трассы неожиданно-негаданно мне помогли: немецкий самолет стал разворачиваться

влево, в мою сторону. Дистанция резко сократилась, и я сблизился с врагом. С невольным волнением открываю огонь. И реактивный самолет, разваливаясь на части, падает.»

В этом воздушном бою Иван Никитович сбил Me-262. Немецкие источники потерю подтверждают, даже установлен номер самолета - WNr.900284.

Попробуем заглянуть в ту встречу с реактивным истребителем люфтваффе, закончившуюся одной из загадок истории авиации.

Многие, а зачастую все, считают, что И.Н.Кожедуб сбил унтер-офицера Курта Лянге, но это маловероятно, так как в это время (22.02.45-28.03.45) его авиакрыло базировалась на аэродроме в Гибельштате под Вюрцбургом. А бой Ивана Никитовича с реактивным самолетом проходил севернее Франкфурта-на-Одере. И расстояние между ними довольно приличное. Около 600 км (практическая дальность полета Me-262 составляет 1040 км). Спрашивается, зачем отправлять через всю Германию на «охоту» самолет, когда там периодически действует более опытная (по составу пилотов) JV44? (Дело в том, что близ Одера находилась так называемая «учебная зона» этой части, там проходили летную подготовку молодые пилоты). Но постойте, JV44 была официально сформирована 24 февраля 1945 года, а бой с реактивным истребителем состоялся 19 февраля 1945-го. Что ж, JV44 не подходит. Просмотрим следующие части.

Может JG7? Рассмотрим этот вариант. В феврале эта часть занималась отражением атак союзной авиации с западного направления, но нередко были случаи полета II./JG7 вблизи Восточного фронта. Благо, место базирования позволяло: Бранденбург-Брист.

Значит, с Иваном Никитовичем самолет из JG7 скорее всего и

встретился. Известно, что камуфляж этого истребителя состоял из беспорядочных пятен и с номером за кабиной. Цифра 9 красного цвета. Вспомним обозначения в люфтваффе. Красный номер обозначает принадлежность ко второй эскадрилье в каждой группе. Значит, Иван Никитич, скорее всего, сбил Ме-262 из второй эскадрильи JG7. Но и у скептиков есть повод для сомнений, например: почему Иван Никитич не заявил о победе сразу по приземлении на аэродром? Почему в документах полка нет ни слова о реактивном самолете, хотя бы в сводке за месяц? И еще один аргумент: в машинописном списке побед победа над Ме-262 вписана ручкой на полях, что наталкивает на сомнения в подлинности этого документа.

Что ж, этот вопрос очень сложный и требует отдельного рассмотрения.

Но встречи с Ме-262 были и у других пилотов, кто-то сбивал это «чудо оружие возмездия», а кто-то погиб от его «рук».

Пилот 152 ГИАП Гарри Александрович Мерквиладзе также имеет на своем счету сбитого двести шестьдесят второго. Бой происходил следующим образом: Гарри Александрович, выполняя полет, заметил новый самолет противника, по описанию подходящий на Ме-262. Немецкий пилот также заметил советский истребитель, и приготовился к атаке. Мерквиладзе понял, что без хитрости этот самолет «с небес на землю» не спустить. Вражеский истребитель зашел в хвост истребителю Мерквиладзе и приготовился стрелять, советский летчик использовал преимущество своего истребителя в горизонтальной маневренности и, когда Ме-262 на большой скорости приближался к хвосту самолета Гарри Александровича, он и применил эту самую хитрость, - совершив резкий рывок в сторону. Мерквиладзе изменил траекторию полета своего самолета, а истребитель врага на бешеной скорости промчался мимо и ушел вперед. Советскому летчику оставалось лишь немного повернуть свой истребитель, поймать в прицел самолет врага и выпустить по «двести шестьдесят второму» очередь, что Гарри Александрович и сделал, записав на свой счет «чудо инженерной мысли Германии».

27 февраля 1945г. в 16-й Воздушной армии была проведена конференция на тему: «Борьба поршневых истребителей ВВС РККА против новой реактивной техники противника». В конференции приняли участие пилоты, которые встретились в небе с «двести шестьдесят вторым» мессером. Участники конференции делились своими впечатлениями о новом творении люфтваффе. Кстати, выступил там и Иван Никитич Кожедуб, но про сбитый Ме-262 ни чего не заявил, лишь описал, как возможно его сбить.

Открыл конференцию командующий 16-й ВА генерал-полковник С.И.Руденко следующими словами: «Мы собрались для того, чтобы поговорить о некоторых особенностях борьбы со скоростными немецкими самолетами, в том числе с «Мессершмиттами-262», имею-

щими реактивные двигатели. Некоторые из присутствующих здесь товарищей уже встречались с такими самолетами в воздухе. Хотелось бы, чтобы эти летчики поделились своими впечатлениями о воздушных боях, рассказали, как выглядят новые вражеские самолеты в полете, какая необходима тактика, чтобы лучше поражать и сбивать их. Этого требуют интересы окончательной победы над немецко-фашистской Германией».

Первым выступил помощник командира 3-го ИАК подполковник Новиков Алексей Иванович. Он рассказал о встрече с реактивным самолетом.

- Самолет имел длинный утонченный хвост и удлиненную носовую часть с низкой подвеской двух гондольных установок под крыльями. Встреча произошла на пересекающихся курсах. Противник быстро проскочил мимо меня и скрылся из вида. В процессе поиска я опять встретил его и пошел на сближение. Немецкий летчик, вероятно, заметил меня и снова оторвался, ушел. В третий раз встретил противника на том же курсе, что и впервые. Развернувшись, я набрал скорость пятьсот семьдесят километров в час и пошел на сближение. Однако реактивный самолет опять ушел от меня. Его попытался атаковать генерал Е.Я.Савицкий. (пусть читателя не смущают высокие звания участников этого боя. В войну офицеры, особенно в ВВС быстро росли в звании. И, не смотря на «высокие» погоны, многие из полковников и генералов все рвались летать (порой получая за это выжискиания). Но эта попытка осталась безрезультатной: скорость немецкой машины достигала семисот пятидесяти - восьмисот километров в час. Следов работы реактивных двигателей не было заметно из-за сильной дымки.

Подводя итог своего выступления, Алексей Иванович дал несколько советов по технике борьбы с новыми самолетами. Во-первых, атаковать только используя метод внезапности, лучше со стороны солнца. Во-вторых, при ведении боя необходимо использовать маневр своего самолета, чтобы не допустить прицельного ведения огня противником. Во время атаки врага необходимо сделать поворот и, когда атакующий проскочит вперед, только тогда открывать пушечный огонь.

Далее было предоставлено слово командиру 176-го ГИАП подполковнику Макарову Валентину Николаевичу. Подполковник описал свою встречу с Ме-262.

- Прикрывая наземные войска на северном плацдарме реки Одер, я тоже встретил незнакомый самолет. Вначале признал его за «раму», но, когда развернулся и пошел в атаку, убедился, что это не «фокке-вульф». Под плоскостями машины были подвешены гондольные установки. Вероятно, в них находились реактивные двигатели, так как из гондол струился белый дымок. Неизвестный самолет быстро удался от меня, и я потерял его из вида.

Валентин Николаевич согласился с Новиковым: для того чтобы сбить такой самолет, необходимо применять фактор внезапности, используя солнце и облака. По мнению Макарова, одной из слабых черт новой машины был плохой обзор пилота, а в особенности нижней полусферы. Сошлись мнения выступающих и в том, что прицел менять не надо, но вести огонь только под малыми ракурсами.

Также Валентин Николаевич внес предложение о том, что на задания по уничтожению Ме-262 необходимо посылать пары или четверки, так как ими управлять легче, нежели большими группами. И о том, что боевой порядок при сопровождении штурмовиков и бомбардировщиков необходимо строить так, чтобы не дать возможность противнику внезапно атаковать. Группы истребительного прикрытия следует усилить и оттянуть назад.

От 53-го ГИАП в конференции принимали участие майор Иван Иванович Кобылецкий и капитан Геннадий Сергеевич Дубенок.

Кобылецкий подал интересную идею. Он предложил устроить что-то наподобие «засады», а точнее - изучить маршруты противника и организовать засаду (тем самым противник будет застигнут врасплох) и, взяв инициативу воздушного боя в свои руки, сбить или принудить к посадке самолет врага.

Капитан Дубенок Геннадий Сергеевич напротив развил мысль подполковника Макарова о том, что для успешной борьбы с противником надо использовать все преимущества построения строя штурмовиков и истребителей. К тому же, одна или две пары истребителей должны следовать спереди основной группы и уничтожать истребители противника, которые будут проноситься на большой скорости сквозь строй бомбардировщиков или штурмовиков. Атаки в лоб малоопытными пилотами безуспешны, так как продолжительность этих атак столь мала, что неопытный пилот не сможет прицелиться и поразить цель.

Подводя итог прошедшей конференции, командующий 16-й ВА генерал Руденко порекомендовал командованию частей дальше вести процесс обучения тактике борьбы с реактивными самолетами люфтваффе. Также генерал выразил надежду, что бои с реактивными самолетами будут вестись на коротких дистанциях (от 200 до 600 метров).

В заключение своей речи генерал призвал всех хранить гордое имя - соколы страны Советов.

Закончилась конференция, загоралась победная весна 1945 года. Но сопротивление армии Гитлера продолжалось, в небе происходили частые столкновения с авиацией противника. Не были исключением и новые встречи с реактивной техникой люфтваффе.

Так 22 марта 1945г. в бою с парой Ме-262 летчик Лев Сивко сбил «реактивного». На этом эпизоде хотелось бы немного остановиться. Бой происходил вечером в 18.40 близ г.Цехин. Четверка Як-9 812-го

ИАП выполняла прикрытие наземных войск. Во главе этой четверки стоял капитан В.И.Мельников. Лейтенант Лев Сивко увидел, как из-под его «Яка» вырывается огонь в сторону ведущего, в следующий миг мимо них на большой скорости проскочил неизвестный самолет без винтов, и когда самолет начал разворачиваться, Лев Иванович очередью со 100 м повредил правую плоскость крыла Ме-262, истребитель противника перевернулся и рухнул на землю.

22 марта американские ВВС совершили налет на цели в Германии. В этот день немцы заявили о трех сбитых своих истребителях.

Но кто же пытался напасть на Советские истребители? Возможно, это были самолеты из JG7 с аэродрома Браденбург-Бриста. Итак, в этот день было потеряно три самолета реактивного авиапарка люфтваффе. Первый самолет из 11./JG7 был потерян во время атаки бомбардировщиков (пилот Аугуст Любкинг W.Nr. 111541), второй между Котбусом и Баутценом в районе Альт-Дёберна (пилот Хайнц Эйхнер W.Nr. 500462). А что с третьим, спросите вы? Отвечу, данных по этой потере крайне мало, известен лишь заводской номер Ме-262. W.Nr 900192. И то, что потеряли этот самолет в районе Цехина именно 22 марта 1945г. Совпадение? Вряд ли, если учесть, что это территория, где «охотились» советские пилоты. Так что Лев Сивко, скорее всего, сбил именно этот Ме-262. Еще один аргумент за правду этой победы - это подтверждение боя с земли.

А второй Ме-262 из пары атакующих куда делясь? Если он вернулся на аэродром, то почему не оповестил о том, что его напарник был сбит советским истребителем? Хотя возможно и оповестил, но это был уже март 1945г., меньше двух месяцев до окончания войны. Возможно, сообщение пилота второго истребителя просто затерялось в неразберихе немецких военных документов. Все-таки конец войны...

До окончания войны оставалось меньше месяца, но сопротивление пилотов люфтваффе не переставало ослабевать.

В апреле советским пилотам удалось сбить еще несколько Ме-262.

Одним из таких счастливиц оказался Егорович Владимир Алексеевич. В апреле 1945 года в небе над Берлином Владимир Алексеевич очередью из своего Як-9т «завалил» Ме-262.

Другой «апрельский счастливчик» Кузнецов Иван Александрович. Бой происходил следующим образом: группа Ме-262 пожелала атаковать штурмовики Ил-2, когда в воздух поднялись истребители прикрытия. Мессеры стали пытаться выйти из боя. И тут командир полка отдал приказ сбить реактивный самолет.

Свой Як-7 Кузнецов направил наперерез реактивному и выпустил по немецкому самолету длинную очередь. У мессера задымил правый двигатель. Но самолет все еще пытался выйти из боя, набирая скорость. На помощь своему командиру взлетели еще три истребителя. Они одновременно открыли огонь по Ме-262. От такой атаки

немецкий пилот уйти не смог, его самолет накренился и рухнул на землю. Эта победа была записана на личный счет Ивана Александровича, хотя и являлась групповой. Произошло это событие 30 апреля 1945 года вблизи Берлина.

Но, пожалуй, самое интересное столкновение произошло у Арсения Васильевича Ворожейкина.

Арсений Васильевич - единственный пилот советских ВВС, который сбил немецкий реактивный бомбардировщик Ar-234. К тому же Ворожейкин еще и замечательный писатель: из-под его пера вышли такие произведения как: «Солдаты неба», «Рядовой авиации», «Под нами Берлин». Именно в своей книге «Солдаты неба» Арсений Васильевич описывает, как он сбил реактивный «Арадо». Я предлагаю вниманию читателя тот самый отрывок:

- Под нами необычно быстро скользит какой-то самолет. Глаза крепко вцепились в него. Под крыльями вижу четыре спаренных двигателя. Реактивный. О таком самолете приходилось слышать. «Арадо», истребитель-бомбардировщик. На нем четыре тридцатимиллиметровые пушки и могут быть ракеты. Скорость машины около девятисот километров в час. Это последняя новинка гитлеровской военной техники. Хотя мы и летали на самых лучших «яках» - Як-3, но они поршневые и уступают немецким реактивным в скорости километров на двести. Старыми приемами этого фашиста не возьмешь. Опыты подсказал, как лучше его атаковать.

«Арадо» несется навстречу. У меня высота шесть километров. Когда реактивный противник будет передо мной под углом сорок пять градусов, пойду отвесно вниз и там перехвачу его.

Как всегда, «як» легко, точно игрушка, перевернулся и отвесно пошел к земле, быстро набирая скорость. Враг оказался сзади. Почему бы ему не изловчиться и не ударить меня из четырех пушек, а может, еще и из ракет? Ему стоит только поднять нос, и он, имея огромную скорость, сразу настигнет меня. И я резко кручу машину на пикирование, чтобы посмотреть, как реагирует на меня «Арадо».

Самолет по-прежнему летит низко и скоро обгонит меня. Здесь-то и должен я его подловить. И снова кручу машину, «Як» повинует-ся с трудом, как бы жалуется: «Хватит меня, испытывать» - и рвется выйти из пикирования. Я крепко держу его, продолжая терять высоту. Стрелка прибора скорости уже вибрирует на круглой и опасной цифре - «семьсот». И мой «Як», словно отрешившись от жизни, потерял резвость и уже не рвется вверх, в небо, а с холодной обреченностью идет к земле.

Машина не рассчитана на такую большую скорость: может развалиться. А если хватит прочности, не выйдет из пикирования: засосет. С полным напряжением мышц начинаю выводить. Слышится туго, но слышится. Правда, в глазах темнеет от перегрузки, но я по опыту знаю, это пройдет, стоит только ослабить давление на ручку.

Еще небольшое усилие. Только бы выдержал «як»! Должен! Так мне хочется. И я тяну. Хотя в глазах ночь, но чувствую, все в порядке.

«Як» молодец, выдержал! В глазах проясняется, вижу горизонт, небо, землю. Здесь где-то должна быть «Арадо». Вот! Рядом. Рассчитал удачно. И тут случилось то, чего я перестал уже опасаться. Раздался взрыв, удар по голове. Я захлебнулся от чего-то густого, холодного. В глазах опять потемнело. Сознание четко отметило: это последняя атака. Разрыв снаряда в кабине... Но почему обдало холодом, а не жаром и я не чувствую ни боли, ни палящего огня? Рассыпался самолет?.. Однако передо мной снова небо, земля, горизонт и «Арадо». Мой «Як» цел. А взрыв, удар?.. Вот оно что - сорвало с кабины фонарь, и холодный воздух хлестнул в лицо. Беру «Арадо» на прицел!

Вот неудача. Уже далеко, могу не попасть. Стреляю. Великолепно! Шнуры трассирующих снарядов и пуль догнали противника и впились в его тело. Из того брызнули искры, огонь, повалил густой дым, и самолет скрылся в берлинской гари.

Надо отметить факт, что эта победа официально засчитана на счет Ворожейкина не была, так как обломки обнаружены не были.

Конечно, узнать о том, кто из «реактивщиков» сбил первый советский самолет, вряд ли получится. Но рассмотреть все эпизоды встреч с советскими самолетами на Восточном фронте можно попытаться. Тем более что на поверку результативность «Швальбе» оказалась не такой уж большой, и подобных эпизодов наберется немного.

Начнем мы с такого именитого пилота как Йоханес Штейнхоф.

В своих мемуарах «В последний час» оберст Штейнхоф описывает случаи встреч с советскими пилотами в небе над Одером в феврале 1945 года: «Мы летим восточным курсом в направлении шоссе, которое вело к Франкфурту-на-Одере. Неожиданно передо мной появляется русский истребитель, и я не успел за несколько секунд скоординировать положение Ме-262 и зафиксировать цель в прицеле. Только несколько метров отделяли меня от русского истребителя, когда я проскочил мимо и ушел вверх. Посмотрев назад, я увидел вспышки его оружия. Он непрерывно тянул свой истребитель вверх.

Вокруг меня маневрировало много истребителей, достать одного из своих пушек было искушением, но как только я к ним подлетал, они начинали еще более энергично маневрировать, что чрезвычайно затрудняло атаку. И я был вынужден скрыться из их поля зрения.»

Далее Штейнхоф описывает встречу с Ил-2: «Летя на запад на высоте 1000 м, я пересек Одер. Теперь я снова должен набрать высоту, чтобы оказаться среди русских истребителей. Когда я положил Ме-262 на крыло и передвинул рычаги секторов газа, что бы развернуться, то я увидел группу Ил-2, их было семь или восемь, вопреки маскировочной окраски их силуэты были отчетливо видны. Они стреляли из пушек и сбрасывали бомбы на шоссе, грузовики идущие по

этому шоссе сворачивали в обочину, а солдаты разбегались в разные стороны. Я поймал в прицел одного из штурмовиков, нажал кнопку пушек, очередь была короткой, и тут же дернул на себя ручку управления, дабы не задеть верхушки деревьев.

В нескольких сотнях метров перед опушкой леса вражеский самолет коснулся винтом снега, поднялось огромное снежное облако, полностью скрывшее Ил-2, когда же порывом ветра снег отнесло в сторону, то я увидел на снегу отчетливый силуэт штурмовика и в этот момент из самолета вылезла маленькая черная фигурка пилота, которая сначала прыгнула на крыло, а за тем по глубокому снегу побежала к лесу.»

Состоялась эта встреча 25 февраля 1945г. Взлетел Штейнхоф с аэродрома Браденбург-Брист. В марте он также упоминает о встречах с пилотами ВВС РККА. Вот еще одна цитата из его мемуаров: «В один из мартовских дней я хотел поучить одного из новичков в полете в паре. После взлета мы взяли курс к «учебной зоне» у Одера. Перелетели реку и на другой стороне увидели группу русских истребителей. Я хотел атаковать, но угол упреждения при стрельбе опять подвел меня, дело в том, что у «реактива» он иной нежели у Bf109. Я несколько раз неудачно пролетел через строй. Тут передо мной появилось, что-то, оказавшееся русским истребителем. Инстинктивно я выстрелил из четырех 30-мм пушек. Как молния вокруг моей кабины пролетели остатки русского истребителя. Он буквально рассыпался в воздухе! Оглянувшись назад, я увидел, как остальные русские истребители на полном газу уходят домой. Разворачиваюсь, снижаюсь и вижу под собой одинокий истребитель с красными звездами, летящий на запад. Ловлю его в прицел и стреляю. Его пилот задергался, попытался уйти на бреющем, но врезался в верхушку холма.»

Как мы видим из выше приведенных цитат, Штейнхоф заявляет о двух сбитых русских самолетах.

Однако не один Штейнхоф заявлял о сбитых советских истребителях, были и другие пилоты люфтваффе, летавшие на Me-262, которые также претендовали на победы, одержанные на Восточном фронте.

Так, в последних числах апреля, обер-лейтенант Герберт Шлютер вблизи города Бреслау сбил один Як-9, а Гюнтер Виттбольд уничтожил два советских штурмовика Ил-2 в окрестностях Бэрвальде. В течение последних недель войны пилоты JG7 сбили около 20 советских самолетов.

Но! Самое интересное, а скорее трагичное, это то, что последняя победа во Второй мировой войне, которую одержали пилоты люфтваффе, была одержана на реактивном самолете, и сбит был советский истребитель. Под пушки Me-262 предположительно попал пилот из 129-го ГИАП Г.Г.Степанов. Одержана эта победа была 8 мая в 15.20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение я хотел бы сказать, что реактивная авиация люфтваффе не принесла, да и не могла принести, Гитлеру желаемого результата. Слишком поздно он «дал добро» на серийное производство самолетов с реактивными и ракетными двигателями. Слишком сырыми и недовведенными были эти чудеса реактивной техники и, хотя обладали преимуществом в скорости перед самолетами СССР и держав союзников, но по многим другим характеристикам им проигрывали. И главное, то, что не пропишешь ни в одной таблице с техническими данными, — в надежности. Легенды о хваленном немецком качестве остались лежать в воронках на местах падения реактивных супер истребителей. Пилоты Me-262 гибли не столько оттого, что их сбивали, сколько из-за того, что становились жертвами катастроф.

На Восточном фронте (хотя он и считался в люфтваффе «легким») реактивные самолеты не имели никакого успеха. Применение самолетов этого типа против армий красных звездных истребителей и штурмовиков сравнимы с предсмертными конвульсиями умирающего. В данном случае в роли умирающего был третий рейх и его военная машина.

Опыт, храбрость и верность Родине позволили пилотам наших ВВС не только физически, но и психологически выстоять перед «реактивными чудовищами» люфтваффе. Советские пилоты не только «раскачали» этого зверя и поставили крест на его недолгой карьере, но и получили навыки, позволившие в скором времени разработать новую — «реактивную» тактику воздушного боя, ставшую в последующие два десятилетия лучшей мире.

Общая наша Победа осталась за советским народом!

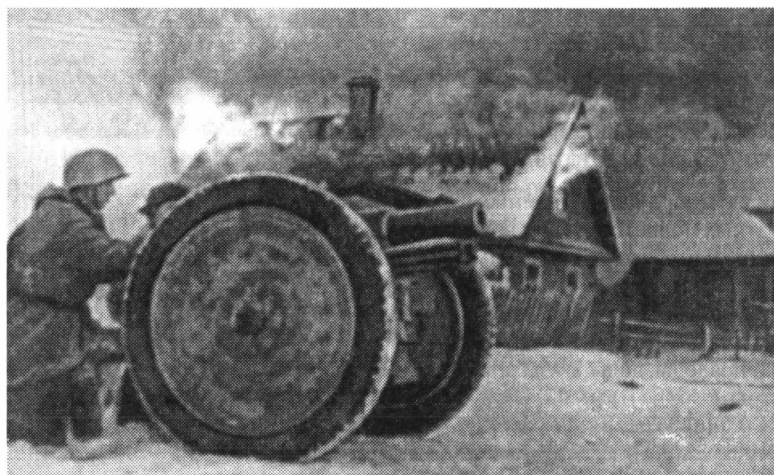

Фронтовая фотолетопись

Не так уж много запечатленных в фотодокументах ратных подвигов наших воинов осталось после войны. И те, что мы находим, что хранят память о наших земляках, хотим предать гласности на страницах нашего альманаха. Пристальнее всмотритесь в эти лица – среди них могут быть ваши прадеды, деды, отцы или матери, братья и сестры.

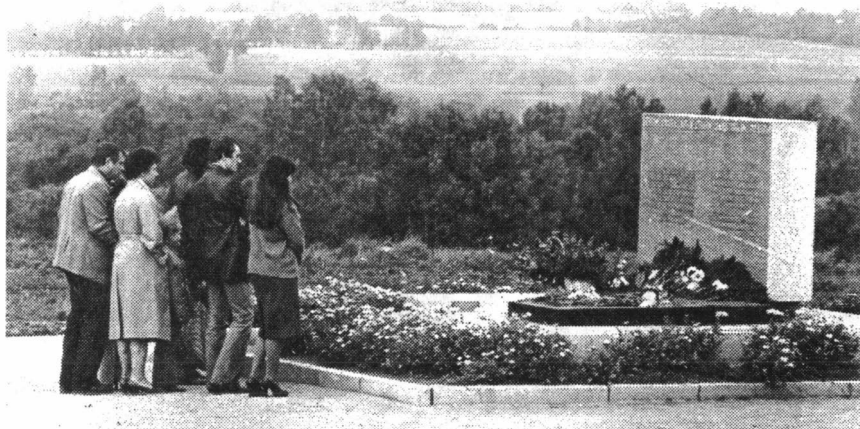
Встреча в городе Краснограде с его освободителями от немецкой оккупации – воинами 58-й гвардейской, Краснознаменной, орденов Ленина и Суворова, Красноградско-Пражской стрелковой дивизии. Ее части перед выходом на фронт под Сталинградом, формировались в Мелекессе. Среди ветеранов в Краснограде побывали и наши воины-земляки.

Огонь по вражеским позициям ведут из гаубицы воины-артиллеристы Сталинградского фронта. Многие сыновья Мелекесса помнят о тех боях. Многие полегли там, защищая Сталинград...

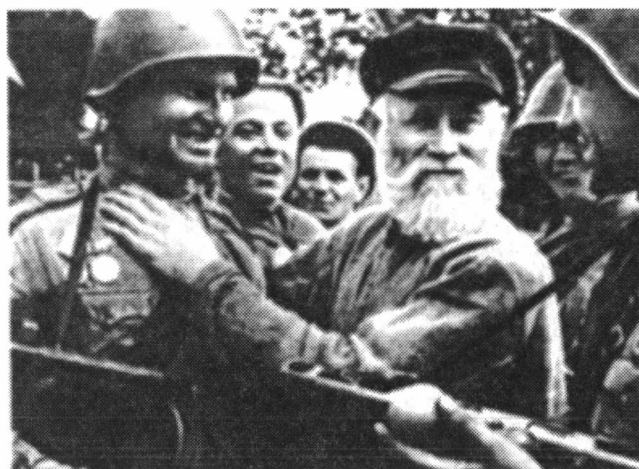
В штабе 62-й армии, оборонявшей Сталинград. Операцию на наступление планирует командарм В. Чуйков со своими заместителями. 180 дней и ночей длилась Сталинградская битва, принеся советским войскам первую большую победу над врагом...

В октябре 41-го по февраль 42-го длилась битва за Москву. Столицу отстояли. В битве этой, кроме сформированной в Мелекессе из наших призывников 58-й стрелковой, Одерской, Краснознаменной, ордена Кутузова дивизии, принимали участие и другие мелекесцы из других частей и соединений. Это их подвиг увенчан сегодня в памятниках в Подмосковье...

В тылу приближали Победу неимоверным напряжением сил старики, женщины, дети, помогая фронтовикам. На снимке наши землячки – работницы Ульяновского патронного завода им. Володарского.

*Долгожданные
освободители
пришли!*

На привале. И в суровых фронтовых буднях были передышки. Во время одной из таких солдат из 58-й дивизии Н.Архангельский и написал песню, посвященную Мелекессу:

*«Заросли, небось, землянки наши,
Не узнать уже промерзший лес.
Здравствуй, город, в строй нас собиравший,
В бой нас провожавший Мелекесс!»*

Эта и другие песни солдата исполнялись на встречах ветеранов дивизии в Димитровграде в 1982-м и 1991-м годах.

В штурме столицы фашистской Германии Берлина принимало немало солдат Победы, уроженцев нашего края. Это они известили на весь мир об окончательном разгроме гитлеровских войск и освобождении Европы из рабства и оккупации. Слева – боец М.Майтак. На правом фото – сержант В.Молчанов.

В бою на латвийской высоте в окрестностях города Лудза принял свой последний бой М.Чернов. Весь взвод разведчиков, отбивавшийся от наступающего врага, кроме пулеметчика В.Антипова, пал смертью храбрых. Их братская могила в Лудзе. На обелиске их имена, ставших посмертно Героями Советского Союза. В том числе и нашего земляка, к тому времени бывшего уже кавалером ордена Славы, Чернова.

И только после войны вернулся из плена тяжело раненный на той высоте, но еще один выживший друг Матвея – У.Абдуллаев, уже значительно позже Победы получивший свою заслуженную «посмертную» золотую Звезду Героя...

На снимке: крестьянин из Каракалпакии, ветеран ВОВ У.Абдуллаев с женой на всесоюзном турнире боксеров за приз имени этого Героя.

Говорят, что у войны не женское лицо...

Эту поговорку опровергли тысячи девушек-мелекссянок, в годы войны взявшие в руки оружие. Получившие воинские профессии. Наравне с мужчинами несшие все тяготы фронтовых буден. Доблестно бившие врага. Среди них были и наши сегодняшние ветераны-фронтовички Ю. Малькова и В. Бобылева.

35 лет назад, в год и день 30-летия Победы, в Димитровграде был открыт мемориальный комплекс солдатской Славы. Здесь вспыхнуло неугасимое пламя Вечного огня. А над ними встала 20-метровая скульптура еще одной женщины, имеющей прямое отношение к воинской славе и мужеству – Матери-Родины! Этот снимок позволяет нам сегодня увидеть, как шли последние приготовления к открытию мемориала.

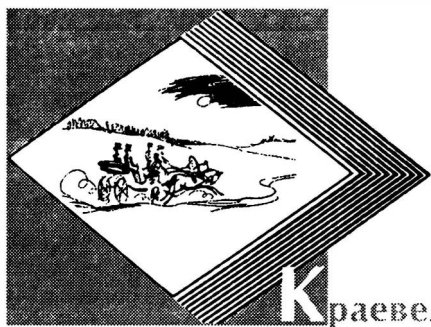

На рекогносцировке перед атакой на левом берегу Невы под Ленинградом командиры артиллеристы: гв. подполковник А.Афанасьев, гв. полковник А.Щеглов и наш земляк гв. полковник Ф.Буданов (он не сумел дожить до Победы...)

Традиционно в этот день Победы горожане отдают дань памяти воинам Великой Отечественной войны, спасших нас в те грозные годы от истребления. Традиционно у монумента Славы первые лица города и руководители организации ветеранов ВОВ возлагают к подножию памятника у Вечного огня корзины цветов и гирлянды.

На снимке: один из таких торжественных моментов – цветы возлагают первый законно избранный Глава Димитровграда В.Паршин и председатель ветеранской организации города И.Страшнов.

Генералитет Мелекесса- Димитровграда

Главный инспектор - Климент Ефремович

Одна из димитровградских городских газет, описывая пребывание в нашем городе маршала Советского Союза, бывшего наркома обороны СССР, с декабря 1941-го - Главного инспектора резервных армий и отдельных соединений РККА, Климента Ефремовича ВОРОШИЛОВА, писала, что стерлись в памяти точные даты его посещения Мелекесса, нет уже в живых свидетелей этих событий, нет точных дат... Я хочу лишь восполнить некоторые исторические пробелы в летописи родного Мелекесса. В том числе и те, что касаются пребывания здесь К. Ворошилова, - героя гражданской войны, боевого соратника и личного друга И.Сталина.

1. Пастух-повелитель

Клим Ворошилов был родом из Луганской области. С малых лет подрабатывал в деревне пастушком, потом, - батраком на сельских угодьях зажиточных односельчан. Затем перебрался в Луганск, стал подмастерьем на металлургических предприятиях. Мастер-металлист из него вышел никакой, зато в нелегальных кружках и противоправной работе парнишка был замечен!

В 1907 году К.Ворошилов был делегирован на Лондонский съезд РСДРП, где на всю оставшуюся жизнь приобрел себе верного друга, такого же делегата-новичка И.Сталина. В годы гражданской войны новоиспеченный комиссар с трехклассным образованием командовал соответственно: партизански-

ми отрядами коммунистов Луганщины, 5-й, 10-й Красными армиями, был политкомом 1-й Конной армии у С.Буденного. Особо отмечен будущим генсеком партии большевиков И.Сталиным в оборонительных боях под Царицыным, в лихих наступлениях на армии русских генералов Деникина и Врангеля в 19-м на Украине и в Крыму.

После гражданской войны Климент Ефремович был последовательным и преданным сторонником своего друга по подпольной работе в Баку – «Кобы», резко противостоял антиподу Сталина - М.Фрунзе, яро разоблачал раскольническую деятельность в РКП(б) Л.Троцкого, концентрировал преданные ему воинские части в Подмоскowie, занимался селекционной кадровой работой. В 30-е годы, став уже наркомом обороны СССР, твердой рукой убежденного сталинца выкорчевывал из рядов РККА командные кадры времен гражданской, подписывая почти все обвинительные заключения своим бывшим соратникам под расстрельную статью.

Во время Великой Отечественной войны, уже в глубоком пенсионном возрасте бывший пастух и рабочий-металлист с трехклассным образованием и логикой партизанского кавалериста-рубаки, был брошен Сталиным, как самый преданный кадр, на Ленинградский фронт против ударной немецкой танковой группировки. После чего генералу Г.Жукову, срочно брошенному в Ленинград, пришлось останавливать врага уже буквально на улицах города, а потом - два года плотной блокады, голод и расстрел Ленинграда из орудий фашистов прямой наводкой, ПО ВИНЕ ТОЛЬКО ВОРОШИЛОВА, - унесли жизни более 3000000 жителей!

Единственная способность маршала Ворошилова - казнить и миловать, повелевать и создавать важный вельможно-партийный вид - в ноябре 1941-го была использована Сталиным в некое благо для страны и армии. Первый публичный выход «всенародно любимого» маршала в новом для него качестве: представителя Ставки и ГКО, главного инспектора войск резерва РККА, состоялся в столице нашей области - Куйбышеве 7 ноября 1941 года, где он и начальник Генштаба РККА маршал Б.Шапошников принимали воинский парад частей Приволжского военного округа под командованием генерал-лейтенанта М.Пуркаева. Затем последовали выезды Ворошилова в формирующиеся здесь части резерва фронта.

Первый раз Климент Ворошилов побывал в Мелекессе в январе 1942 года. Здесь он инспектировал подготовку на курсах красных командиров (КОКС) резервистов, располагавшихся в здании бывшего Дома Советов на центральной площади города и, готовившуюся к боям на фронте 58-ю стрелковую дивизию. Теперь обратимся к фактам. 10 сентября 1997 года газета «Местное Время» в подборке «Визит Ворошилова» приводит свидетельства двух наших земляков: А.Маркеловой и Б.Лебедева, которые помнят приезд первого маршала СССР в Мелекесс. Наиболее расплывчаты сведения Маркеловой. Она пишет, что в середине августа, то ли 41-го, то ли 42-го года, когда ей было еще 12 лет, в привокзальной школе готовились к приезду Ворошилова. Детям младшеньким, вроде нее, удалось через дочку начальника станции пробраться на перрон. Там она и запомнила встречу Климента Ефремовича с мелекессцами...

Второй свидетель - Борис Лебедев, работал на станции «Мелекесс» глав-

ным кондуктором. Его впечатления о том приезде маршала более объективны: «Еще за несколько месяцев до ответственного момента практически каждого работника станции вызывали в НКВД. Спрашивали о прошлом, о знакомых, родственниках. Хорошенько «трясли» биографию.

... Впереди и сзади правительственного поезда, вагоны которого почему-то окрашивались в розовый цвет, шли точно такие же составы, причем, один на станцию впереди, а второй сзади. Машинисты и даже рядовые коचेгары были штатными сотрудниками НКВД. Сам вагон, где ехал Ворошилов, был полон верзил-автоматчиков, которые сопровождали маршала даже в туалет. В вагоне была и своя кухня, где по заказам готовили любое блюдо...

... заиграл оркестр. Ворошилов в окружении автоматчиков пошел смотреть встречающий его почетный караул из лейтенантов... Ворошилов подошел к этим будущим офицерам и ахнул - все они были с бледными лицами, худые, а одежда вся в заплатках. Маршал крикнул: «Это что за оборванцы!». И тут же приказал разжаловать в рядовые находившегося на перроне начальника КОКСа. Потом... приказал его везти прямо на Торфболото, где формировалась одна из дивизий. Приехали как раз к обеду. Он берет тарелку у одного солдата, а там - месиво хуже лагерной баланды - воняет тухлятиной и на два стакана воды - одна крупинка...»

Считаю, что именно воспоминания Лебедева относятся к январю 1942 года. Подтвердить это может цитата из книги-летописи боевого пути 1-й стрелковой, впоследствии тоже - 58-й, но гвардейской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова, Красноградско-Пражской стрелковой дивизии. Ее авторы А.Ольшанский и У.Арзымбетов в своих воспоминаниях «Единой семьей в боях за родину» подтверждают: «Одновременно с комплектованием дивизия готовилась к предстоящим боям. Боевая подготовка шла непрерывно ночью и днем... Трехмесячный труд командиров, штабов, партийных и комсомольских организаций увенчались успехом.»

Один из авторов, которому я помогал в создании и издании этой книги, мой старший товарищ и министр по делам печати Каракалпакской республики У.Арзымбетов рассказывал мне о том - майском - посещении дивизии маршалом Ворошиловым.

- В феврале 1942-го в Поволжье стояли лютые морозы. Части нашей дивизии, состоявшие из парней, уроженцев Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Каракалпакии, были дислоцированы прямо в поле или в перелесках. Мы копали землянки, валили окружающие леса, строили печки. Но это не помогало. Все резервы, как я теперь полагаю, были брошены на фронт. Потому не было у нас ни стекла, ни досок, ни теплой одежды, ни вооружения. Что доставан в голом и нищем Мелекесе, принимавшем эвакуированных с Запада и раненых с фронта, - все шло в ход. Жрать - и то было нечего! На Торфболоте, за железнодорожным мостом у разъезда «Обамза», на мелекесском кладбище - остались тысячи могил призывников из Средней Азии, погибших в тылу от тифа, голода, дизентерии, замерзших на зимних учениях...

Когда приехал с инспекцией маршал Ворошилов, командование дивизии стянуло в «парадную роту» все лучшее, что могло. Но, увидев это оборванное, обмороженное войско из дистрофиков, маршал был шокирован. Именно, после посещения им мелекесской дивизии вышло специальное постанов-

ление ГКО о трехкратном улучшении снабжения формирующихся армий, а уж сколько «голов» высокопоставленных полетело тогда - и не скажу, поскольку был в те годы только парторгом 178-го гвардейского стрелкового полка. И одним из миллионов свидетелей происходящего...

Наиболее авторитетный свидетель тех событий - генерал-майор М.Петров, бывший адъютант маршала Ворошилова. В своей книге воспоминаний «В дни войны и мира» он пишет так: «Инспектирование резервных армий и отдельных соединений было... возложено на Климента Ефремовича Ворошилова... Поезд... состоял из бронированного вагона-столовой, вагона-гаража, куда помещались три легковые автомашины, одного, а порой и двух пассажирских вагонов, где находились офицеры инспекционных групп и секретариата. Вначале к составу цеплялась платформа с зенитками, но вскоре от нее отказались, так как она только демаскировала нас...

Обычно стоянка нашего поезда на очередной станции была не более двух-трех суток, в зависимости от сложности выполняемых задач. А потом - снова вперед... С середины апреля 1942 года, завершив выполнение первой части правительственного задания, коллектив генералов и офицеров, возглавляемый К.Е.Ворошиловым, приступил к инспектированию еще пяти резервных армий. И, кроме того, восемью стрелковых дивизий и свыше двадцати отдельных стрелковых, механизированных, танковых и истребительно-противотанковых бригад. ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ АПРЕЛЯ 1942 ГОДА прибыли в один из волжских городов, где формировались запасные части и соединения...»

Следуя далее по тексту мемуаров М.Петрова, мы установим, что уже в конце июня этого же года маршал вместе со своим штабом был отозван в Москву для подготовки обширного доклада на совещание в ГКО о мерах по ускоренному обучению командиров и формированию новых частей и соединений. После того К.Ворошилов уже не занимался инспектированием в тылу, поскольку в начале сентября был назначен главнокомандующим партизанским движением в тылу врага. А из этого следует, что маршал, как утверждает в «Местном времени» А.Маркелова, не мог быть в Мелекессе в августе 1942 года! Именно в июне 1942-го, после инспектирования ее маршалом, 1-я (58-я) стрелковая дивизия была выдвинута на Сталинградский фронт, откуда начался ее славный боевой путь.

Так что, второй раз К.Ворошилов посещал наш город с инспекцией в мае 1942-го. В своей книге «Мелекесцы в боях за Берлин» ветеран войны Александр Семенович Милушов, описывая боевые пути и подвиги трех известных на сегодня дивизий, формировавшихся в Мелекессе, подчеркивает: «14 мая и 16 июня 1942 года 1026 артиллерийский полк посетил Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, который занимался подготовкой резервов для действующей армии».

Итак, мы, наконец, точно установили, что К.Ворошилов трижды появлялся в Мелекессе в 1941-м и 1942-м годах. Причем, маршал никак не мог ДВАЖДЫ инспектировать один и тот же полк. Так что, следуя моим сведениям из воспоминаний фронтовиков, в июне 1942-го Ворошилов побывал и в других - СТРЕЛКОВЫХ частях 58-й гвардейской дивизии.

Есть неоспоримые факты, что К.Ворошилов в 1942-м лично принимал парад резервных частей в уральском городке Нижние Серги, где среди участни-

ков марша было, по крайней мере, трое наших земляков, выпускников средней школы №1, окончивших Пензенское артиллерийское училище лейтенантов, отправлявшихся на Калининский фронт...

И еще об одном факте в истории Мелекесса времен Великой Отечественной войны, пока нерасшифрованном. Детально изучая материалы в сборнике документов «Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны», я нашел любопытную запись в докладе зав. военным отделом Мелекесского горкома ВКП(б) М.Логинова, который доносит, что с 9 марта 1942 года «... при формировании 431-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ... общественные организации вручили воинским частям 13 знамен... Из культурного оборудования передано: портретов 10, художественной и политической литературы - 200 экз»...

А вот история формирования 431-й дивизии в Мелекессе до сих пор никак не исследована и ее не называют краеведы в своих работах!

2. Добродушный палач?

Так каким же он был этот ПЕРВЫЙ МАРШАЛ СССР, любимец детей, офицеров и Генералиссимуса, живая легенда, основатель большевизма, создатель Красной армии, полководец побед РККА?

Об этом нельзя не рассказать, имея в виду, что маршал в Мелекессе не только миловал, но и наказывал примерно резервные части, полуголодных, полураздетых и полуобутых, невооруженных, необученных воевать солдат и деморализованных офицеров. За какие заслуги бывший пастух и слесарь-металлист, имеющий трехклассное начальное образование, был облечен властью казнить и миловать любого в стране победившего социализма?

Сохранились подлинные списки командиров Красной армии всех рангов, подготовленные и подписанные перед войной Ворошиловым, с его циничными приписками в адреса арестованных. Фактически после затопления нескольких барж, в трюмах которых находились захваченные в боях под Царицыным солдаты и офицеры Белой армии, Ворошилов «расчистил» Красную армию от всех мало-мальски талантливых командиров старой формации, став самым-самым среди новой армейской элиты. Интересно, что наиболее авторитетных военачальников, таких, как Тухачевский, Блюхер, Корк, Кутяков, Штерн, он поначалу «пригревал» у своей груди: давал отпуска для лечения за границей, принимал у себя дома, дружил семейно, поселял на своей даче в Крыму... Но, когда наступал момент истины, маршал Ворошилов, не дрогнув, подписывал своим боевым друзьям и соратникам смертные приговоры. Он лишил армию почти всех талантливых полководцев, а в начавшейся войне - новых стратегий, технологий и машин, сам оказался слабым, растерянным, никчемным полководцем...

В. Блюхер: «Клим не в ковше с водой - в ложке готов утопить меня»... Маршал Блюхер погиб в застенках НКВД с выбитыми по приказу Ворошилова во время пыток глазами... Отбившись шашками и пулеметами от наседавших на вагон командарма на маленьком полустанке в предраассветный час чекистов, преемник В. Чапаева его друг и соратник И. Кутяков, командовавший уже Приволжским военным округом, вызвал коменданта станции и велел

тому по прямому проводу созвониться со своим другом - наркомом обороны К.Ворошиловым. Климент Ефремович в ответной телефонограмме подтвердил пароли и велел Кутякову СДАТЬСЯ ЧЕКИСТАМ. А по прибытии в Москву обещал ЛИЧНО РАЗОБРАТЬСЯ С ПРОИЗВОЛОМ! После этого Кутякова уже никто более не видел в живых...

В годы войны с гитлеровцами Климент Ефремович более известен, как маршал, проваливший с треском порученные ему операции: под Могилевом, когда рухнул Западный фронт, под Ленинградом, когда город оказался в клещах блокады, под Керчью, когда был загублен десант и оставлен врагу весь Крым... Но мы все же продолжаем верить в фантомы прошлого, в «гений» наших полководцев и мудрость сталинских маршалов.

Вспоминает мелекессянка А.Маркелова встречу маршала на мелекесском перроне:

- Я Ворошилова сразу узнала. Он был, как на фотографии, только не в военной форме, а в коричневом костюме. В тот же момент мы подбежали к нему. Все девчонки боятся слово вымолвить, а я начала говорить: «Клим Ворошилов...», а он стоит спиной и не слышит. Тогда я погромче: «Клим Ворошилов, письмо я написала!». Он повернулся: «Это ты мне письмо написала? Умница ты моя!» и погладил по голове. Этот момент я запомнила на всю жизнь.

Б.Лебедев: «Ворошилов на меня особого впечатления не произвел - маленький, рябой мужичок. Не очень разговорчивый и слегка надменный, хотя была в нем и природная доброта: когда мы прибыли в Мелекесс, и Ворошилов выходил из вагона, он собственноручно подарил мне половину большого пирога и коробку папирос «Казбек». Во время войны это считалось ценностью №1».

Елена Георгиевна Козлова (Рубинова), бывшая жительница общежития в Кремле: «Однажды нашей ватаге поручили распределять билеты на благотворительный концерт в пользу беспризорников. Самым «не жадным», по нашим понятиям, был К.Ворошилов, вот с него то мы и начали акцию. На Коммунистической улице в правительственном коридоре у входа обычно полуспал швейцар Червяков, мы тихо просочились мимо и позвонили в дверь квартиры Ворошилова. Он выслушал нашу просьбу и опустил в кружку 3 рубля за 10 билетов, денег у него своих не было, и ему их одолжил Енукидзе, который в тот момент был в его квартире...»

Писатель Лев Разгон, лично знавший маршала: «При всем своем внешнем обаянии Ворошилов был коварный и недобрый человек. Если не считать Молотова, никто из окружения Сталина с таким энтузиазмом не глумился над своими вчерашними друзьями, товарищами, помощниками, как Ворошилов... Он не только никогда ни за кого не заступился, но мелко услуживал даже опедчикам.

...многие наши тогдашние боги были, как и Ворошилов, самой обыкновенной липой, такой дешевой легендой, которая, однажды возникнув, начала жить самостоятельной жизнью... Не так ли и сегодня все повторяется в наших новых премудрых руководителях...»

Вспоминает Ворошилова в период его пребывания в Мелекессе и его личный адъютант генерал М.Петров: «Здесь хочу особо подчеркнуть, что нарав-

не с нами достойно переносила все тяготы и лишения беспокойной жизни на колесах и машинистка К.Е. Ворошилова - Лидия Константиновна Павлова, замечательный мастер своего дела, обаятельный человек. Впоследствии по личному представлению Климента Ефремовича она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Обычно стоянка нашего поезда на очередной станции была не более двух-трех суток, в зависимости от сложности выполняемых задач...

Куда бы ни приезжал наш состав, среди местного населения быстро распространялся слух о Клименте Ефремовиче. И он, несмотря на большую загруженность, находил время для бесед с рабочими и колхозниками. Немало различных просьб поступало к нему и через местные органы власти. И Климент Ефремович всегда оказывал необходимую помощь.»

Вот и на примере приезда главного инспектора резервных войск в Мелекесс можно судить о его «отеческой» заботе о бойцах, командирах и советских людях вообще. В его первый приезд в городке переформировывалась 58-я стрелковая дивизия, здорово потрепанная в боях на Украине. Солдаты из маршевых рот были еще с недолеченными ранами, разутые и раздетые. Не было вооружения, тылов, пищи, бытовых принадлежностей. Наш городок, принявший к тому времени беженцев и госпитали, детдома и предприятия, формирующий и снабжающий новые части бойцов, был пока не в состоянии помочь еще одной обескровленной немцами дивизии. Увидев эту всю малопривлекательную картину, маршал Ворошилов устроил на партхозсовещании выволочку руководителям горкома и райкома КПСС, советским работникам. И дивизии помог очень действенно в своем «Ворошиловском» духе: боевой комдив полковник Н.Шкодунович был снят с командования и отправлен в кадровый резерв. Вместо него на дивизию поставили полковника В.Самсонова из команды Ворошилова. Хорошо, что старого комдива не расстреляли прямо перед строем по законам военного времени...

Прониклись речью и посулами маршала и мелекесские руководители: до поступления необходимого дивизии по разнарядке ГКО, наши земляки, буквально по домам, под присмотром чекистов и милиции, собирали валенки, варежки, котелки, ложки, стекло оконное, вымели и последние запасы продовольствия из общепита, по селам из закровов!

Умел работать на показ и «агитировать» револьвером раздутый пропагандой герой гражданской войны, чьим именем в стране при «всеобщем ликовании» называли при его жизни города и поселки, улицы и пароходы, танки, партизанские и пионерские отряды. Именем того, кто практически обезглавил самую мощную армию в мире, чем развязал руки гитлеровскому командованию, вверх на долгие годы страну в ужасы и смерти Второй мировой...

В.Гордеев, русский писатель

Генерал Воздушной армии

Ахметгарей Насыйбуллович РАМАЗАНОВ (Сергей Николаевич) родился на территории нынешних Елховского и Новомалыклинского районов, а поскольку в те годы они относились к Мелекесскому уезду, мы вправе считать и его своим земляком. Дата рождения его не называется, а умер он в 1979 году.

Юношей пошел служить в РККА, в гражданскую воевал на территории Таджикистана. Участник боев на Халхин-Голе. К началу Великой Отечественной войны Рамазанов, окончив летную школу и, имея опыт боевых воздушных операций, уже входит в командный состав советских ВВС. На фронте с первого дня. На Западном фронте, под Москвой, а в 1942-м на Брянском фронте, где уже в мае назначен заместителем командующего по политчасти 2-й Воздушной армии.

Генерал-лейтенант Рамазанов свою военную биографию словно списывал с истории страны: оборона Москвы и освобождение Сталинграда. Участие в Курской битве и Корсунь-Шевченковской операции. Бои на Одере, битва за Берлин и Прагу...

Историк из села Теплый Стан А.Насыров в своей книге «Течение жизни» уточняет некоторые факты из биографии генерала-земляка. Вспоминая меуары командующего фронтом маршала И.Конева по проведению его войсками Львово-Сандомирской операции, Насыров уточняет: «2-я Воздушная армия имела девять авиационных корпусов и четыре авиационных полка... Материально-техническое обслуживание осуществляли 65 батальонов аэродромного обслуживания, 10 инженерно-аэродромных и 10 автотранспортных батальонов. Управление ими осуществлял непосредственно командующий Воздушной армией генерал С.А.Красовский...»

С 13 июля 1944 года... по 27 июля летчики совершили 30 500 боевых вылетов. В воздушных боях и на аэродромах уничтожено около 350 вражеских самолетов... освобождены города Львов, Рава-Русская, Дрогобыч, Станислав, Ярослав, Борислав, Ходоров, Сандомир.

Маршал И.С.Конев пишет: «...отмечаю умелое руководство, высокое оперативное-тактическое мастерство командарма 2-й Воздушной армии С.А.Красовского, большую работу выполняли политорганы армии, которыми руководил С.Н.Рамазанов...»

А генерал-полковник Красовский писал: «Во 2-й Воздушной армии мас-

сово-политической работой руководил генерал-лейтенант С.Н.Рамазанов. Он работал очень много, продуманно, со знанием дела вел порученный ему участок. Несмотря на неблагоприятные условия погоды – и в январские морозы, и в слякоть апреля – он летел туда, где был нужнее. Часто за один день он на самолете ПЕ-2 посещал несколько аэродромов, вдохновлял летчиков на подвиги во имя разгрома врага».

За мужество и отвагу генерал Рамазанов был награжден более 30-ю орденами и медалями. Среди них 2 ордена Ленина, 5 орденов Боевого Красного Знамени. Из рук руководителей Польши и Чехословакии получил 4 ордена».

После войны Сергей Николаевич еще какое-то время служил на командных должностях в ВВС, затем вышел на пенсию. Но и после отставки принимал активное участие в военно-патриотической работе среди молодежи. Ездил по военным округам, бывал в военных училищах, встречался с молодым поколением, передавая свой боевой опыт. Часто бывал в своем родном краю, в нашем районе. Выступал перед студентами и школьниками.

Генерал-профессор Ольшанский

В своей книге «Единой семьей в боях за Родину» бывшие бойцы 58-й гвардейской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова, Красноградско-Пражской стрелковой дивизии У.Арзымбетов и А.Ольшанский вспоминают, как формировалась эта дивизия в нашем Мелекесе. Четыре месяца авторы книги проходили военное обучение в нашем городе. Служили, жили здесь в отрытых у Черемшана землянках...

Оставшиеся в живых эти фронтовики прошли весь кровавый путь нашей армии от Мелекесса и Сталинграда – до Праги. Утамбет Арзымбетов стал паторгом полка, а в мирной жизни работал в партийных и советских органах, был министром по делам печати и средств массовой информации на своей родине в Каракалпакии. По военным чинам должность эта приравнивается к генеральскому званию...

Сержант-связист Александр Ольшанский, довоевав до самой Эльбы и, честно «заработав» на фронтовой передовой свои боевые награды (медаль «За Отвагу» он получил в 17 лет!) затем были ордена - Красной Звезды и Отечественной войны II степени, венгерский орден «За служение родине», - после войны остался на службе в Советской Армии. Окончил военно-инженерное автомобильное училище, Военно-транспортную Академию, адъюнктуру в

Военно-инженерной Академии имени В.Куйбышева. Служил в войсках, а после окончания адъюнктуры, преподавал в Академии, где стал доктором технических наук, профессором.

Затем был назначен на должность заместителя начальника Калининградского высшего военно-инженерного, ордена Ленина, Краснознаменного училища имени А.А.Жданова. Здесь за свои военные и научные заслуги и был удостоен звания генерал-майора, награжден орденом Дружбы. В 1986-м вышел в отставку.

Александром Васильевичем создано и опубликовано более 100 научных трудов. Он награжден Золотой медалью ВДНХ. Генерал Ольшанский автор книги стихов «Песни о Саперах». Живет в Юго-Западном округе столицы.

Танкист Великой Отечественной

Константин Ильич Казанцев, родился 28 января 1921 года в деревне Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области в семье крестьянина-чуваша.

В Советской Армии служил с августа 1940 года. Окончил саратовское танковое училище (1942г.), Высшую офицерскую бронетанковую школу (1948г.) и Военную академию бронетанковых и механизированных войск (1954г.).

Участник Великой Отечественной войны. Громил фашистов в танковых частях на Юго-Западном, Калининском, Западном, Брянском, Центральном, 1 и 2 Белорусских фронтах. Был командиром танка, заместителя командира роты, помощника начальника штаба полка. В боях был дважды тяжело ранен.

После окончания академии служил заместителем командира полка, командиром полка, начальником штаба и заместителем командира дивизии. Награжден боевыми орденами и медалями.

Гвардии генерал-майор К.И.Казанцев много раз бывал и жил в нашем городе, гостил в семье у родного брата, известного в Димитровграде врача Ивана Ильича Казанцева и его жены – старейшего редактора городской газеты – Маргариты Никандровны Казанцевой.

Один из Храмовых

Николай Герасимович Храмов коренной мелекесец. Родился, жил и учился в нашем городе. Их большая семья жила в двухэтажном доме на углу улиц имени А.Хмельницкого и Красноармейской. Перед войной Николай служил в кадровой армии и с ее началом принял участие в боевых действиях. А вот пятеро его братьев на фронт призывались Мелекесским военкоматом из запаса. До Победы не дожили – Александр, погибший под Сталинградом; Михаил, пал на поле боя под Будапештом; в самом начале войны в приграничных сражениях погиб Андрей. Семен воевал в Первом Молдавском партизанском соединении. А Василий вернулся с фронта в родную семью инвалидом...

Офицер-фронтовик Николай Храмов тяжело переживал утрату братьев. Оттого, наверное, для него удачно складывались даже самые ожесточенные бои с фашистами: под Сталинградом, на Курской дуге. Его вели к победе желание отомстить за погибших родственников, злость и ярость к врагу, воинский профессионализм, удача.

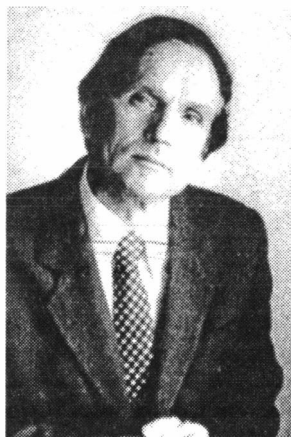
Николай Герасимович освобождал Польшу и брал Берлин, став командиром-орденоносцем. Пройдя путь от рядового до офицера, он в послевоенные годы решил связать свою судьбу с армией. Окончил военное училище, Академию. Дослужился до звания генерал-майора. В Советской армии возглавлял Управление тыла войск стратегического назначения при Министерстве обороны СССР.

При подготовке материалов использованы сведения из Интернета, книг А.Насырова «Течение жизни», историка А.Милюшова «История мелекесско-димитровградских улиц»

Евгений ЛАРИН

Фронтовые стихи

НЕ ВСЕ В ДУШЕ...

Не все в душе зарубцевалось,
 И раны ноют и болят.
 На веки вечные осталась
 В сердцах тупая боль утрат.
 Не позабыть родных и близких,
 Кто навсегда в боях уснул,
 Над кем застыли обелиски,
 Держа почетный караул.
 Еще российские березы
 Не затянули ран войны.
 Еще блестят, застывши, слезы
 В ресницах матери-страны.
 Еще печалются вдовицы,
 Их скорбных плеч не разогнуть.
 А незамужним часто снится
 Дитя, щекочущее грудь...
 Им, не качавшим колыбели,
 Судьба безмерно тяжела.
 И голоса их отзвенели,
 И красота их отцвела.

Первое стихотворение «Баллада о связном-бойца-снайпера 51-й армии Первого Прибалтийского фронта» было опубликовано в армейской газете «Сын Отечества» в декабре 1944 года...

Сегодня в багаже Почетного гражданина Дмитровграда, члена Союза писателей России, поэта-фронтовика Ларина не один десяток книг, тысячи публикаций, литературные премии за творчество. Долгих и радостных дней жизни тебе, наш ветеран и наставник желает редакция альманаха в год 65-летия нашей Победы!

Мы все прошли – огни и воды.
Живем, творим, идем вперед.
Но боль души все эти годы
Живет и нас переживет.
Она клокочет, кровоточит.
В ней жар тоски не затухал.
И точит сердце, точит, точит,
Как точит ржавчина металл.
Мы можем все, и лишь морщины
Не сгладить нам у матерей,
Не залечить ничем седины,
Не возратить им сыновей!
Мы поднялись упрямо в Космос,
Подняв из пепла города.
И лишь сынов,
Уснувших в соснах,
Поднять не в силах.
Никогда...

СОЛДАТ

Герою Аркадию Барышеву...

Страны великой богатырь-солдат,
Он был упорней гитлеровской стали.
Он отстоял от полчищ Сталинград –
И замер на века на пьедестале...
Прошел он сто путей и сто дорог
Сквозь огненные смерчи и метели,
Но не истек его солдатский срок,
Не снял он ни погон и ни шинели.
Он все стоит на той же высоте
И исполняет воина присягу.
Он все на той же огненной черте,
И за черту не отступил.
Ни шагу!

Ветераны войны, ветераны,
Тяжелее штыка и свинца
И сегодня наносятся раны
В ваши души и ваши сердца.
Унижают вас несправедливо,
Хоть за вами нет капли вины.
Слава Богу, что вы еще живы,
Как живая эпоха войны!

Уплывают от нашего берега,
Улетают, как с древа листок,
Кто в Европу, кто даже в Америку,
Кто в Израиль, на Ближний Восток...
Эмигрируют разные нации
Из России уж несколько лет.
Ну, а русским куда в эмиграцию,
Коль у русских
Израиля нет?!

*Внукам и правнукам
нашим...*

С фотографии смотрит
Лейтенант молодой...
- Папа, кто это снят?
- Это дедушка твой.
- Дед? А где ж борода?
Почему ее нет?
- Он погиб безбородым,
Девятнадцати лет...

Валентин
МАНУХИН

И воздух, пропахший грозой...

У ДЕРЕВНИ ЯСНОЕ...

*Памяти погибших в ВОВ, в бою
у деревни Ясное Орловской обл.*

У деревни Ясное –
Третьи сутки бой.
Кровь и смерть под касками
На передовой...
Всё с землёй смешалось –
Настоящий ад.
От полка осталась
Горсточка солдат...
Списки павших – длинные.
Родина скорбит.
Все в цветах
 фамилии
На граните плит...
Зори -
 ярко красные,
В память о былом,
У деревни Ясное
Здесь вот, под Орлом.
В день Победы в пламени -
В цвете здешний сад.
Клёны красным знаменем
Осенью горят...
Ивановым, Быковым,
Всем, кто бил врага,
Громовым, Надыктовым –
 Слава на века!

НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЙНА

Ограбили,
унизили,
избили –
Забрали все медали, ордена.
Нет, нет, то не фашисты были –
Уже давно закончена война.
Дедуля думал:
люди военкома
Пришли его с Победой поздравлять -
Вручить ему подарок, прямо дома,
Внимание ветерану оказать...
Ошибся дед,
и в дверь вломились гады:
- Ну, что уставился, глядишь как сынч?!
Давай, тащи сюда
свои награды.
Да шевели ногами, старый хрыч!..
- Сынки, одумайтесь, побойтесь Бога.
Ведь я и вас от немца защищал...
Но гады посчитали:
речи много –
И от ударов подлых
дед упал...
Очнулся,
а вокруг все люди в белом.
- Опять, звать, ранен – снова лазарет.
Видать, война ещё не отгремела.
Се-стра,
где я?... –
промолвил тихо дед...

НИКИФОРЫЧ

Участнику ВОВ П.Н.Баринкову в день 75-летия

В подсобке цехового назначения,
Среди работников в свободный час,
Шёл разговор о жизни поколения,
И что хотелось б каждому из нас.
Адакин первый повздыхал о годах,
О лихолетье и мужской судьбе:
- Вот мне уже полсотни два отроду,
А что я видел?
Да так себе...
- При Брежневe намного лучше было.
Пусть очередь —
но всё же был товар.
А ныне? Ни черта!
Ни сахара, ни мыла, -
Его прервала Лида секретарь:
- Года идут...
И молодость уходит.
И ничего назад нам не вернуть.
Я двадцать лет почти
как на заводе —
Хотелось б по путёвке отдохнуть...
- Мне б ваши годы,
люди молодые, -
Никифорыч вмешался в разговор, -
Смотрю на вас —
все шустрые такие,
А нынешнее ставите в укор.
А я вот вспоминаю своё детство,
Двадцатые голодные года:
Пустое брюхо, не во что одеться, -
О моде не мечтали мы тогда.
Зато фамилия мне барская досталась.
Судьба, видать, в насмешку нарекла.
Родня моя всю жизнь в земле копалась,
А хлеб, за труд, из лебеды пекла.
Потом война:
окопы да траншеи,
Где вместе с немцем
вошь в атаку шла.
Людское горе, как ярмо на шее...
Меня вот смерть сторонкой обошла...
Да, было время: страшное, лихое.
Беда сближала и роднила всех.

Не дай, господь,
кому ещё такое –
Безумный материнский слышать смех.
Скажу вам так:
хоть жили трудно, тесно –
Работали с зари и до зари -
Победа всё ж вернула людям песни:
Запели в наших душах соловьи.
И не было стяжательства,
как ныне,
И у начальства меньше было дач.
Откуда появились люди-злыдни?
Откуда ныне стал в почёте рвач?
Мы благ хотим,
их ждём как с неба манны,
На перестройку смотрим из окна.
Шумим тогда,
когда пусты карманы,
Иль после лишней рюмочки вина.
Вот потому:
Ни шмоток и ни мыла,
И нет ни масла, ни губных помад.
Пока не вмажем бюрократам в рыло –
То будем пить и есть
лишь лимонад...
Никифорыч вдруг смолк,
поправил кепку,
И попытался что-то вновь сказать,
Но, сплюнув,
словно горькую конфетку,
Лишь процедил сквозь зубы:
«...сучья мать!»
И столько было силы в «тихом слове»,
Такую страсть он в голос свой вложил,
Что если б вражий ДОТ
вдруг ожил снова –
Его он молча б,
взглядом заглушил.
Вот мне бы так:
Чтоб на восьмом десятке
С лихвою сохранить энергию и честь.
Я в будущее верю –
всё в порядке,
«Когда в стране такие люди есть».

1989 год

Алевтина
ЗАЙЦЕВА

*Снимок сделан в августе 1941-го...
Алевтина и Алевтин Зайцевы, есте-
ственно, еще не понимают, какая
беда обрушилась на нашу Родину...*

Мы помним все!

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

На западе от моря и до моря
С рассветом ранним начинался бой.
Стране моей несли фашисты горе,
Их наступленье не было игрой.
Врасплох застигнув, сотнями орудий
Смерть извергалась вихрями огня,
И гибли, гибли тысячами люди,
И отступала армии броня.
Как в молодости спят под воскресенье,
Спалось той ночью крепко, без тревог...
Тяжёлым станет утром пробужденье,
Началом трудных фронтовых дорог.
Всё оборвётся, станет нереальным:
Желанья, споры, хлопоты, любовь...
Наполнятся вокзалы расставаньем,
И будет литься праведная кровь.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

«Я - крепость!», - звучало в эфире, -
Сражаюсь и жду подкреплений...»
Пример показательный в мире -
Погибнуть, не встав на колени.
Всю взрывы её искромсали,
Травили и газы, и мучила жажда,
Враги же напрасно прождали,
Что белый флаг взмоет однажды.
В атаку - суровые лица
Ходили под дробь барабана,
С реки по-пластунски водицу
Несли на закате багряном.
И даже, когда оставалась
Их горстка, в подвалах глубоких,
Фашистам они не сдавались,
Держась на последнем - на вздохе...
И вынужден был обратиться
К солдатам нацистским чин старший,
Призвав их у русских учиться
За Родину биться бесстрашно...

ГИБЕЛЬ КОНЕЙ (июнь 1941-го)

Там, за Бугом немцы с вечера
Штык точили, не таясь.
Мы по-русски к ним доверчивы, -
Битва всё же началась.
Утром крепость закорёжило,
Встали кони на дыбы,
Но крепки, как и положено,
Для их привязи столбы.
В шквале взрывов кони мечутся,
Рвут поводья из ремней,
Гибнут, падают, калечатся –
Храп и ржанье всё сильней.
Кто себя от пут пленения
Силой мышц освободил -
Средь всеобщего смятения
Под осколки угодил.
А на привязи несчастные,
Гривы низко опустив,
Сбились плотно безучастные,
В перепуганный массив.

Что погибель неминуема,
Каждый конь сумел понять...
Слёзы скатывались струями –
Плач животных не унять...
И, кипя по Брестской крепости,
Бой их жизни забирал.
Средь невиданной свирепости,
Стоя каждый умирал.

ОДА МАТЕРИ

Рвались фашисты в Сталинград на Волге,
Сыны Отчизны помнили о долге,
Врага, встречали, не жалели крови.
Война! Звучала смерть в коротком слове.
Бои за улицы, за каждый малый дом
Мучительными были, как во сне худом.
И отдан был приказ военный точно –
Детишек всех грузить на баржу срочно.
Одна лишь мать приказ не принимала,
Детей своих на баржу не давала,
Их от себя отнять была не в силах:
Всех четверых, под сердцем что носила.
Развалины, пожары и от дыма тьма,
Налётов вражеских, обстрелов кутерьма...
Не потеряться чтобы в грохотной стрельбе, -
Она верёвкой привязала их к себе.
В смятенье мысли матери метались,
Быть может зря под пулями остались?
Но баржа от бомбёжки не спаслась,
И Волга детской кровью напилась...
Как памятник стояла мать, не шелохнувшись,
Она всё поняла, от ужаса очнувшись –
Чужих детей река в пучину унесла,
Своих - она чутьём от гибели спасла.

ЛЕНИНГРАДЦЫ

Надолбы, «ежи» и амбразуры, -
Пасмурный блокадный Ленинград.
Без малейшей радостной цезуры
В дней девятьсот прожит ими каскад...
С Пулковских высот фон Лееб видел –
Каждый там осадой изнурён,
Но стоял и - люто ненавидел,
Град - у ног его, но не был покорён!
Дети, перенёсшие все беды,
В стойкости оставили свой след.
Вклад внесли в историю Победы,
Мужества дополнили портрет.

МЕТРО 41-го

Дыхание тысяч людей
По каплям садится на стены.
Загнал их фашистский злодей
В объятия подземного плена.
Сигнал среди ночи врасплох
Метро переполнил до края.
Средь взрослых - детишек «горох» -
Вповалку лежат, досыпая.
А в небе Москвы идёт бой.
Снаряд за снарядом - в осколки!
Отцы прикрывают собой
Любимые детские чёлки...

ГУДОК (г.Сызрань, 1942г.)

Шло в цирке представление на арене:
Тигр целился в горящее кольцо,
А мне тревоги слышалась сирена,
Волнение кровью бросилось в лицо.
Война всплыла с фашистами лихая.
Испуг ребят, собравшихся гурьбой,...
Состав, в огне летящий полыхая, -
Видавший жаркий и неравный бой...
Горели с треском все вагоны разом,
Чернели доски горем со слезой.
Застыли на устах детей все фразы,
Беда нависла тучей и грозой!

Гудок протяжный длился непрерывно,
На части звуком сердце разрывал,
Отцов и братьев поднимал призывно,
Набатом срочным над страной звучал.

МЫ ПОМНИМ ВСЁ

Мы помним всё, хоть много лет в пути,
Идём вперёд от той войны жестокой.
Сквозь время память будем мы нести,
Она нам стала мужества истоком.
Мы помним всё: ваш ратный подвиг, труд,
Дороги, политые до Берлина кровью.
О вас в сердцах легенды не умрут,
Как гибли вы за Родину с любовью.
Мы помним всё. Приносим клятву вам,
Что будем подвига великого достойны!
Росси землю не топтать врагам!
И, впредь вы будьте за неё спокойны.

*Офицерская
семья Зайцевых*

Елизавета
ПАРФЕНОВА

«Я не была на войне...»

* * *

Я не была на войне.
И в руках автомат не держала...
Но было не сладко и мне –
Все трудности я испытала.
И голод, и холод пришлось пережить,
Да разве забудешь такое!
Но я продолжала работать и жить,
Не минуты не зная покоя.
На фронт уходили родные, друзья,
С войны не вернулись три брата...
И это забыть невозможно, нельзя,
Что пережить пришлось когда-то!

НЕ ЗАБЫТЬ МНЕ ТОТ ДЕНЬ...

Тогда я взрослою была,
Когда закончилась война.
(Всего то восемнадцать было),
Но и сегодня день тот не забыла!
Повсюду люди ликовали,
А где-то плакали, рыдали,
И обнимались, целовались,
Весна была всем нам на радость!

...А мама наша дорогая
Троих сыночков потеряла,
Где полегли, она не знала,
И их могил не навещала...
Она от горя поседела,
Хоть плакать я ей не велела
(Мне ж восемнадцать уже было!),
Но и сегодня день тот не забыла!
С войны солдаты возвращались,
Немного все ж в живых осталось...
Хоть времени прошло не мало,
Болят, болят людские раны.
И потому, пока живая буду –
Про день Победы не забуду!

* * *

Едет поезд. Поезд мчится:
За окном мелькает лес,
А на солнце снег искрится, -
Хорошо побыть бы здесь...
И в сугробах заблудиться,
И по лесу побродить,
Хорошо бы насладиться, -
Хоть часочек здесь побыть...
Только поезд дальше мчится.
Мимо – села, города,
Хорошо б мечтам и сбыться,
Мне попасть опять сюда...

Переводы из поэзии поволжского немца Роберта Вебера

Виктор
СЫСУЕВ

ПИСАТЕЛЬ

Он не хозяин чувств своих,
Когда БОЛЬШОЙ избыток их.
Хоть сам он, как будто хирург без ножа,
Жилище имеется тоже,
А мир - оболочка, как крепость души,
И с прочную крепостью схожа.
Надёжная крепость его свободы,
Любви и надежды на долгие годы.

МАГМА И СЕРДЦЕ

Является сердце
ОТЛИВКОЙ земли,
И магма внутри
Раскалится тогда,
И мир будет полон
Лукавства, любви,
Радости, боли,
Счастья, труда.
А, если погасшей
Планетою станет,
То жиром оно
Захлебнётся и встанет.

НА ВОЛГЕ

Могилы предков наших
Увидел я во сне.
С гранитными надгробьями
Они приснились мне...
Когда же пробудился я,
Домов увидел ряд...
Надгробья там немецкие
И до сих пор стоят.

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Штормит пусть
Гигантское море,
Пусть будет оно бушевать.
Для них это будет игрою.
Опять они
Будут всплывать...

В ДОЛГОМ ОЖИДАНИИ

И снится она:
Издалёка и долго
Течёт и струится опять.
Что делать? Как дом
Я построю на Волге,
А время придёт умирать?

ЯЗЫК И РУКИ

Ура, перестройка
Везде наступает,
И пыл изменений
Её не угас...
Чем больше язык
Возбуждённый болтает,
Тем слабее работают
Руки у нас.

ИЗГНАННИК

Ложится больной в постель
И ждёт облегчения,
Но не отпускает боль
Ни на мгновение.
Изгнанник ищет страну,
Где настоящий рай,
Но получает взамен
Худший из худших край.

ЧУВСТВО МЕРЫ

Светлое будущее –
Прекрасно.
Тёмное прошлое –
Просто ужасно...
Быть может,
И не нужно врать –
Но чувство меры
Надо знать.

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Давно в издательстве лежал
Роман. Он правду излагал.
Свои правдивые мечты
Уж не подаришь людям ты...

ВОЗНЕСШИЙСЯ ВЫСОКО

Стоишь ты
На куче навоза,
Петух иль орёл –
Не поймёшь.
Приятель, не плюй
Выше носа,
Иначе в себя
Попадёшь!

МЫСЛИ БЕЗ ПОШЛИНЫ

Печальный известен
Исход -
Миллионы без родины.
Вот...
Рыба ищет,
Где глубже,
Человек -
Где лучше.

МАЛ, НО УДАЛ

Правда говорит тихо,
Но в пору...
Так муравей-кроха
Создаёт гору.

О СУРОВОМ ОБЫЧАЕ

Когда ^пстоны друг ^со друга ^отрутся,
Комар раздавится меж них.
Так у людей похоже: тонкий
В объятьях толстого затих...

ОБ УТЕСНЁННЫХ НАРОДАХ

Известен народ и
Есть в мире даже.
Другой же народ
Не известен совсем...
*про девушек наших
никто не спросит,
не знают её
или знакомая всем.
после удара ножом,
преступник - овертка такая,
об этом судьба не тупит.
Не все ковара таскают
с собой большие ножи.*

Виктория
ВОЛКОНСКАЯ

ГОРОД D.

* * *

Город, с рожденья в наследство полученный -
Старый, неверный, окутанный притчами,
Каждого встречного в улицах скрюченных,
Ныне снабдил неземным безразличием.
Листья из золота, пурпура царского
В воздухе кружатся легкой материей.
Осенью пахнет, но пахнет неласково -
Горьким миндальным ликером забвения.
Где тот сосуд, напоенный восторгами -
Сладкой печалью, поэзией, магией?
Тихо вздыхаю над лицами строгими
Духом бессонницы, смыслом израненным.
Каждой дороги знакомы извилины,
Вот - это дерево, памятник, улица...
Хочется быть далеко и потерянной,
Где-нибудь в вечности... или зажмуриться.
Город, где роли играла я разные:
Дочери, матери, чьей-то любовницы...
Где я купалась в затравленной праздности,
Город, который как символ запомнится.
Город изъезженный, город исхоженный,
Он затонул у меня в подсознании.

Как Атлантида, он - все невозможное,
Сделавший новой возможностью знания.
Нет меня, впрочем, уже в этом городе, -
Тень бестелесная бродит по улицам,
Воспоминаньями маленькой родины
Так безнадежно, печально любитесь.
Это прощание с жаждой бездомности,
Страстью к скитаниям, верой в пророчества...
Но и прощаясь, воздам ему почести
За алхимический стресс одиночества.

ХРАМ ДУШИ

Темный храм твоей души -
В нем небесные порядки...
Музыка в его тиши
Отовсюду льется сладко.
Где-то ангелы парят –
Их не виден облик тайный,
Но они тебя хранят
От паломников случайных!
Фимиама легкий дым
Стелется под белым сводом.
Падки ангелы любви
На души святую воду!
В глубине, у алтаря
Там душа твоя таится...
Я вхожу! Прими меня!
Я вхожу, чтобы молиться!
Потревожен камень веры -
Я вошла, но я молчу...
Буду в этом храме первой,
Зажигающей свечу!

* * *

Технологично наше бытие,
Лишь робкие цветы в чужих газонах, -
Их тайна в нераскрывшихся бутонах, -
Искусной вышивальщицы шитье!
А в воздухе уже парит весна,
Но все еще влечет тепло камина
И, завернувшись в плед наполовину,
Задумчиво, сижу я у окна.
Листаю книжку, где картинок нет,
Придумываю образы героям
И, замысел творца не беспокоя,
Невольно сочиняю свой сюжет.

* * *

Хотелось бы уйти, как ветер -
Разбившись о скалу дождя...
Из множества смертей на свете -
В полете выбрала бы я...
Без парашютов и страховок,
В воздушный всплеск небесных вод
Отдаться... и туман, и морок,
Эдемский сад... и снова плод...
Нежна ли смерть или жестока?
Или начало новых бед?
Когда и где, к какому сроку
Мы вновь появимся на свет?
Чтоб в новый век, и в новый город -
«О чем-то помнящий с трудом», -
И снова свеж, и снова молод -
Внесен младенцем в чей-то дом.
А я смотрю как дождь и ветер,
С ветвей сорвав последний лист,
Играют с ним... все-все на свете,
Все можно отпустить... но жизнь..
Ее так жаль, к ней так привязан.
Щекой к холодному стеклу
Я прижимаюсь, рвутся связи
И нити судеб.... я живу...
И верится, что есть на свете
То, что еще пленит меня,
Ну а потом... уйду, как ветер, -
Разбившись о скалу дождя...

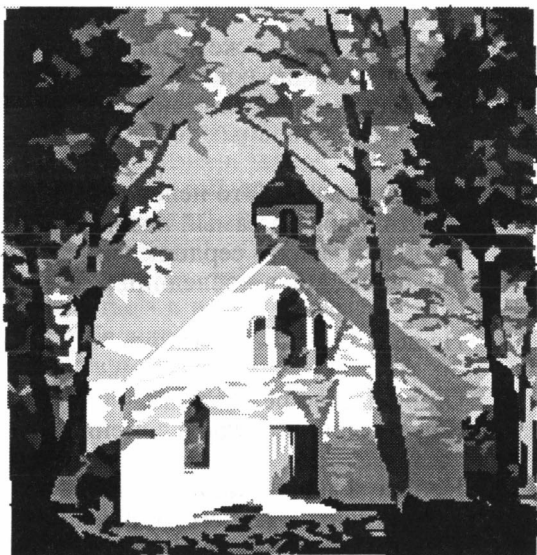
* * *

*«Иго мое - благо,
бремя мое легко...»
Библия*

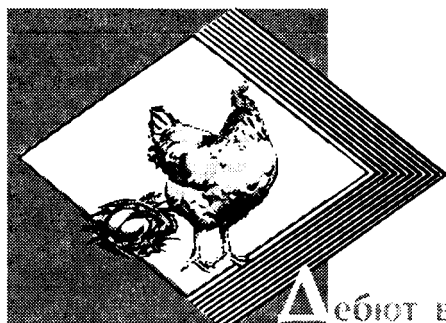
Вставай, Господь, над Россией
Тебе пора возвращаться,
Пора на колени ставить
Всех блудников и блудниц!
Ну, где же твои святые?
Куда им теперь деваться?
Покоится прах их с миром
В юдоли своих гробниц.
Прииди, Господь, приди -
Пришествие было в плане
Божественном и глубоком.
Пора собирать оброк.
Повсюду царит Овидий*
В столице, в инете, в праве, -
И все иссякают сроки,
А ты продлеваешь срок!
Смотри, — наступает время,
Когда о любви забыли,
Когда увлеклись гламуром
И знанием Сатаны...
Твое же - «легкое бремя»
Мы также легко струзили,
И вот уже все возможно
Без чистой твоей любви.
А под твоей иконой
Скопилось так много масла,
Так много твоих рыданий,
Что можно лампы жечь!
И можно упасть со стоном
К ногам твоих новобранцев
И каждому, веря в чудо,
Вручить первородный меч!
Вставай, Господь, над Россией!

Над всем ромашковым полем,
Засеянным нынче густо
Импортным сорняком...
Мы ждем, нам нужен мессия,
Мы так и не свыклись с ролью,
Нам трудно продать свои чувства
Пусть и ставшие «пустяком»...

* Овидий в своих книгах учил искусству обольщения

Екатерина
КУЗНЕЦОВА

Дебют в альманахе

«Я тебя вырываю из сердца...»

НЕ ЦЕЛУЙ!

Не целуй меня, я же знаю,
Что не любишь совсем, совсем...
Не целуй меня, - я играю,
Уходя от банальных тем.

Не целуй меня. Это нелепо
Ждать любви в самый поздний час...
Не целуй меня, - сердце слепнет,
Так болит, как в последний раз!

Не целуй меня, - это глупо -
Знать, что есть у тебя семья.
Одиночество режет тупо,
Как косырь, по судьбе семени...

Не целуй меня - снова слезы
Подступают к глазам моим...
Не целуй меня, счастье-грезы -
Греет души в ночи двоим.

Не целуй меня! Больно все же
Твои мысли знать, как знаю их я!
Не целуй меня, в этом тоже -
Одинокая жизнь моя...

Не целуй меня, я убита.
Я лежу на прозрачном льду...
Не целуй меня, - карта бита -
Лишь в раю я к тебе приду.

Не целуй меня, - все пропало,
Зря иду я – нелеп этот путь...
Не целуй меня, - я искала,
Но - не в поиске этом суть.

Не целуй меня! Я хотела
Половинкой твоей прожить...
Не целуй меня. Я летела,
Чтобы счастьем твоим побыть!

Не целуй... Что еще тебе надо?
Знать те чувства, что знаю я...
Одиночество с нами рядом, -
В - нем и жизнь, и судьба моя.

МНЕ БОЛЬШЕ НЕКОГО ЛЮБИТЬ

Мне больше некого любить.
Весь город в имени твоём...
И без тебя нет смысла жить -
Мгновеньем стать, но - лишь вдвоем!

Нет сил мне без тебя страдать,
Все счастье - в имени твоём,
Хочу тебя я только ждать,
Чтоб жизнь срослась.
Но - лишь вдвоем!

ЖИВУ БЕЗ ТЕБЯ

А я снова живу без тебя,
Снова ночи сменяются днями...
Сердца стук обесточил меня,
Раны души обвешал сетями.
Вот я снова одна, я одна.
Никому не нужна, не любима...
Перед взором - глухая стена -
Потому и бежит счастье мимо?

Ах, я снова живу, как в аду,
И теряю бессмысленно... смыслы.
По следам чьих- то ног я иду,
Как в клубке нервно спутанных мыслей...
Знаешь, я безвозвратно больна?
«Безнадежность» - болезнь та зовется,
Где семья – та глухая стена,
Что неверьем в душе отдается!

СТИХОВ СЛЕЗИНКА

Я снова пишу стихи,
Где тобою смертельно больна...
Любовь за мои грехи,
Словно враг наш запрещена!
Оттого я не вижу свет,
Оттого не попасть мне в рай...
Коль любви в твоём сердце нет, -
Слезинку в стихах читай!
Я снова целую ночь.
В стихах живу, как во тьме!
И рифмы уходят прочь,
Тоской по моей судьбе...
Я снова - слепая грусть,
Бескрайнее море - боль.
В строку воплощусь я пусть
Размеченной цифрой - «ноль»!
Ты снова уйдёшь к семье,
А ночью увидишь сон:
В нём я касаюсь смелей
Тебя.
Пусть вечностью длится он!

ВСЕ РАВНО

Мне теперь все равно,
Что же скажет зима.
Вроде все решено,
Но я снова одна...
И опять холод звезд
Небо сводит с ума...
Вечер гаснущих слез, -
Ну а я - влюблена!
Умереть для тебя?
Взвиться к верху душой?
Жизнь не стоит моя
И гроша, мой родной...
Вся в тебе. Вся с тобой!

* * *

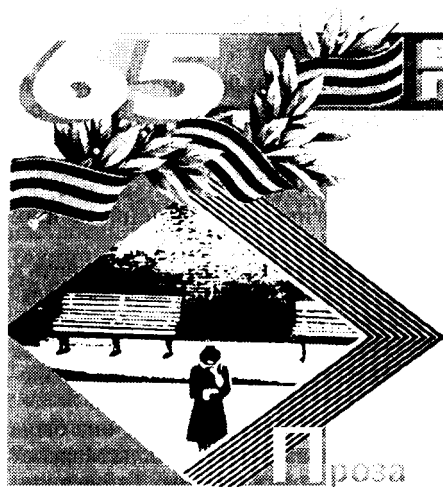
Что-то случилось.
Что-то сломалось...
Ты забываешь,
А я не могу!
Что-то такое
В душу закралось,
Что до конца
Я в себе сберегу...
Что-то случилось.
Что-то сломалось?
Ты забываешь,
А я не могу!
Я у окна вспоминаю
И маюсь, -
След твой завидев
На хрустком снегу...

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Я тебя люблю -
Ни за что, а - так.
Огоньком горю,
Освещая мрак.
Я тебя люблю
Каждый день и час.
И судьбу молю:
«Заступись за нас!»
Я тебя люблю, -
Мне не нужен свет,
Если сердцем глух,
Места в нем мне нет...
Я тебя люблю!
Хочешь, сотню раз
Скажу-выскажу
Эту вечность фраз?

Я ГОТОВА

Я готова к тебе на край света бежать.
Я готова тебе свое сердце отдать.
Я готова судьбу на другую сменять.
Не готова - «люблю» сотни раз повторять...

Александр ОСИПОВ

Лара

(повесть)

*Не родись красивою...
(народная мудрость)*

1

В этой женщине было совершенно всё. Подобных Ей не видел Он больше нигде и никогда: ни в жизни, ни в фильмах, ни в картинных галереях, ни в Отечестве своём, ни за границей – тридцати двух странах мира, где Он побывал, как инженер-механик торгового флота. Эта женщина являла собой редчайший экземпляр, скупой выдаваемый природой раз в столетие, а может, и реже.

Впервые Он увидел Её двадцатилетней, когда природа закончила над Ней своё ваяние и, ещё не начав коварного процесса распада, милостиво решила Ей продержаться короткое время на пике Совершенства, как бы любясь тем, что создала. А любоваться было чем: лицо её классических форм отличалось от других гладкостью кожи и совершенством линий. Тело не носило и следа тренированности, а фигура не нуждалась в искусстве модельера. Великолепная, нежная, необыкновенно тонкая кожа была необычайной чистоты и белизны и не требовала косметических изысков. Всё сделала великая искусница Природа. Венера, древнеримская богиня любви и красоты, проигрывала Ей в сексапильности. Афродита древних греков была ближе, но тяжеловата, как казалось Ему, глядя в разные времена на изображения этих богинь в картинных галереях мира.

2

И всё же главным в этой женщине было другое. Этим другим было сочетание двух не сочетаемых начал – иконописного, непорочного лика Мадонны, достойного кисти великого Рафаэля, и вызывающе роскошных форм тела, зовущего к пороку и, казалось, созданного для порока...

В этом была Её неповторимость, Её сила и слабость, Её счастье и несчастье. Этим Она, как мощнейший магнит, и притягивала к себе понимающих мужчин. И как нелегко, наверное, приходилось мужьям Её...

Эта женщина не была создана для работы. Её нужно было бы выставить в лучшем музее мира (Лувре, например), как недостижимый Идеал, чтобы всякий понимающий мужчина молился Великой Красоте.

И поэтому Ему было больно видеть Её с напильником в руках, стоящей за токарным станком, или того хуже, копающей ямы для опор линий электропередач.

Кто Она? Как попала сюда? Какими ветрами? Почему? Разве она была хуже шахини Сорейи или жены филиппинского правителя Имельды Маркос? Почему судьба так благоволит одним и так неласкова к другим? Тайна великая...

3

Боже правый, как Он тогда был влюблен в Неё! Развитой не по годам, рослый четырнадцатилетний подранок Войны, выросший среди женщин, впечатлительный и нервный, Он влюбился в Неё с первого взгляда. Как нравились Ему эти высокие, чуть подбритые ниточки бровей, нежное лицо Мадонны, точеная шея, гордо державшая небольшую головку, высокая полная грудь, смутно волновавшая Его воображение.

«Наверное, полка», - думалось Ему (Он слышал о красоте их от солдат, вернувшихся с войны). Увидев Её впервые в шумных коридорах техникума в окружении храбрых фронтовиков, сияющих начищенными до глянца сапогами и отутюженными галифе, мог ли надеяться Он – плохо одетый деревенский мальчик, - что эта королева, эта краля хотя бы взглянет на Него?

И если бы кто-то сказал, что именно Ему, а не кому-то из этих опытных хлыщей, улыбнется счастье держать Её в объятиях, то Он посчитал бы этого человека сумасшедшим.

Сколько раз, просыпаясь ночами, думал Он о Ней? Как ревновал Её ко всем взрослым парням, которых Она одаривала взглядом, словом или улыбкой. Как Ему хотелось, чтобы Она хоть раз взглянула на Него, сказала бы Ему хоть полсловечка...

Как хотелось Ему поскорее вырасти и стать похожим на этих парней! Как ненавидел Он себя за то, что ещё не брился и не имел даже пушка над верхней губой. Как ненавидел Он слово «мальчик»!

Странно, но никогда Он не ревновал Её к мужу. Хотел только увидеть его. Очень хотел. Ведь у такой необыкновенной женщины, думалось ему, и муж должен быть необыкновенным. И если бы это было не так, то мальчика постигло бы большое разочарование. Вероятно, потому он и хотел, и побаивался увидеть его.

4

Конечно, было бы неправдой утверждать, что Он только тем и занимался, что непрерывно думал о Ней. Нет. Этому (к счастью) препятствовали многие факторы, благодаря которым Он учился, жил, вспоминал о маме, друзьях, близких. Были какие-то биоритмы в Его чувстве к Ней. Вероятно, они, эти защитные биоритмы, регулировали и охраняли Его психику, сон, здоровье, настроение. Были спады, когда Он не думал о Ней вовсе – дни, недели, месяцы. Таким образом его организм защищался, уставая от платонической любви. Но стоило только оказаться рядом с ней, например, во время лабораторных работ, когда Она подавала Ему перемычки для сборки электросхем и своей полной белой рукой касалась Его руки, как Его моментально пронизывало точно электротоком и все начиналось сначала. Приливы были такие, что кроме как о Ней Ему и думать ни о ком не хотелось. Он тщательно скрывал свои чувства от насмешливых сверстников. И, конечно, Она не догадывалась, что вызывает такую бурю эротики в несовершеннолетнем мальчике, не ведая об Его гипертрофированной чувственности.

...Между тем непреодолимая сила – время – делала свое. К концу третьего курса Он раздался в плечах, значительно вырос, приделся и, превратившись в юношу, иногда ловил на себе взгляды семнадцатилетних сверстниц. Но ни одна из них не волновала Его горячей крови. К этому времени на груди Его, украшая вельветку (куртку на молниях) уже давно прижился стандартный набор спортивных значков, и Он даже «изменил» предмету своей страсти, увлекшись во время очередного «отлива» двадцатидвухлетней студенткой мининститута.

Именно тогда-то (впервые!) тайная пассия Его сердца и обратила на него свое «царственное» внимание...

5

В красном уголке электроцеха, где собрались несколько практикантов поиграть в шахматы, Ему попался на глаза свеженький номер заводской многотиражки с фельетоном «Хваткий парень». Читать не хотелось, но, увидев Её фамилию, Он заинтересовался. Речь шла об Её муже – мастере транспортного цеха машзавода (на котором и проходили практику), поймавшем в реке два бесхозных бревна. Далее заводской борзописец, не лишенный остроумия, строго «казнил» Её мужа за то, что тот, «злоупотребляя служебным положением с подчиненным ему шофёром отвёз эти брёвна домой, проявив тем самым мелкособственнические инстинкты, не достойные звания инженерно-технического работника». Если бы тайно влюблённый в Лару романтик был образованным человеком, то спрятал бы этот пасквиль подальше. Увы, таковым Он не был, и «материал» пошел по рукам таких же неотесанных парней. Внезапно вошла Она и, всё поняв, сказала:

- Там дело выеденного яйца не стоило. Раздули. Расписали. Из мухи слона сделали, а вы подхватили.

- Кто? – спросил Он.

- Ваша светлость, - тихо ответила Она Ему с печальным укором и вышла. Он готов был провалиться сквозь землю, бежать за Ней, просить прощения за свою глупость и сказать, как Она Ему дорога, мила и даже более. Все это моментально пронеслось в Его голове, как и то, что Его задразнят потом сверстники, и Он... остался сидеть там, где сидел, расстроенный и недовольный.

И снова накатил на Него прилив ещё больший, чем ранее. Впервые увидел Он в Ней не идеал из потустороннего хрустального мира, а земную, приближенную к житейским проблемам женщину, защищавшую своего мужа. И Ему это понравилось. И Он стал ещё больше любить Её. Ведь никто не мог запретить Ему этого.

6

Украдкой следил Он, как Она одевалась, как выглядела, как обращалась с другими, как красиво закусывала губку, досадуя, что затрудняется ответить на каверзный вопрос преподавателя, как краснела от малейшего сбоя в ответе и как садилась на свое место после неизменной «пятерки». Иногда думал о том, что Ей, наверное, трудно готовиться к занятиям, имея двух девочек, мужа, кучу домашних дел и при этом живя в частном доме. Временами замечал темноватые припухлости под глазами Её, стараясь не думать о причине их появления. Находясь рядом с Нею (во время лабораторных работ), видел, что кончики Её блестящих тёмных волос на головке секутся... Но все эти мелочи ничего не значили для Него и, казалось, даже наоборот, делали Её ещё притягательнее и желаннее... Временами, уставая от болезни, Он слышал голос Разума, который говорил Ему, что нельзя бесконечно думать о Ней. В такие периоды Он завидовал великовозрастному Вовке Курскому, который на Его вопрос «нравится ли тебе Лара» ответил:

- Вот ещё. У неё «десять» детей.

7

Поговаривали, что муж Её ревнив. Хотя к этому, казалось, не было и малейшего повода. Лара со всеми была равна, приветлива, улыбчива и очень добра. С готовностью Она давала «сдуть» решения лентяям и слабакам, делилась чертежными принадлежностями с «неимущими», и делала это с редкой добротой и обаянием. За это Её уважали в группе. По причине ревности или другой какой причине муж иногда приходил встречать Её после занятий. Это был крепенький, небольшого росточка чернявый красавчик с энергичными чертами лица и завидным румянцем на щеках. Одет он был тщательно, как и Она, и внешне соответствовал своей выдающейся избраннице по всем статьям за исключением, может быть, роста.

Никто из студентов группы вслух не восторгался прелестями Лары. Казалось, все мужское население сговорилось и не затрагивало этой темы. Но кто знает, что думал втайне каждый? Он тоже молчал, стыдясь своего чувства и думая, что в столь зеленом возрасте это, наверное, медицинское отклонение от нормы.

8

Однажды летом в первый день практики Лара не явилась в электроцех, где практикантов распределяли по участкам.

И как только Он вышел из цеха с бригадиром электриков, провожающим Его к месту работы, Она встретила его, покрасневшая от быстрой ходьбы. Видно было, что Она спешила и чувствовала неловкость из-за опоздания. В лёгком, коротковатом ситцевом платице, которое плотно облегалось её округлым формам, с оголёнными нежными плечами, удлинённым вырезом, смело приоткрывавшем высокую умопомрачительную грудь, и голыми полноватыми белыми ногами Она была греховно соблазнительна.

Мужиковатый, лет двадцати семи бригадир, внешне неприглядный, остолбенел от такого явления.

- Ваша? – сглотнув слюну и толкнув в бок студента, изрек он.

- Да. А что?

Мужчина, плотоядно раздвоя глаза Лару, как-то завистливо восхищенно промывчал:

- Вот это кобылка! А ведь работает кто-то на её пупке, а? Гад буду, если не натяну её... Титки-то. Подержать бы.

В первое мгновение тайно влюблённый романтик оцепенел от циничного прагматизма нахала и подавленно вымолвил:

- У неё муж есть.

- Вот и хорошо, – обрадовался бригадир, – не целка! Договориться проще.

Неожиданный «ценитель» чуть было не схлопотал в челюсть, но... обескураживающая простота работы разоружила второразрядника-боксера и, как ни парадоксально, даже сблизилась с ним.

«Вот и этот. Выходит, не такой уж я ненормальный. Тоже ведь об этом думаю. Только молчу. Чем же я лучше его? Ведь по совести, меня задело только то, что он грубый неотёсанный мужлан. Но разодетые хлыщи хотят того же. Почему я должен драться с ним? Да и кто я Ей? И чем кончится такая драка?»

9

...Во второй половине июня, вечером, трое дипломников, сдав работы на рецензии, отправлялись на левый берег Волги. Переправлялись через реку на частной моторной лодке, едва ли не последней в это позднее время. Трое сошли на берег и, поднявшись на дамбу, намытую из речного песка, пошли в сторону Зареченского района. Лара с однокурсницей о чём-то разговаривали, а Он шёл позади, внутренне ощущая «третьим лишним» не себя, а подружку Лары. Однако та, как нарочно, прилепилась к ней и, более того, нахально игнорируя парня, не давала вставить Ему даже полслова. «Чёрт бы тебя побрал. Навязалась, дура, – думал Он, – а Лара, кажется, благосклонна ко мне и тоже желает избавиться от неё...»

Сердце Его замерло, когда у развилки между основной дорогой, ведущей к

Его общезнанию, и тропкой, спускавшейся влево на нижние канавинские улицы посёлка, где жила Лара, попутчица, шагнув на тропку, сказала:

- Идём здесь. Нам тут ближе.

Но Лара, задумчиво покачав своей красивой головкой, отказалась. Та недовольно, с недоумением посмотрела на Неё, на мгновение замешкалась и... сошла вниз. Боже, как Он ликовал! Готов был на руках нести Лару и бесконечно целовать.

10

Уже начинало темнеть, и речной песок, раскалённый дневным светилом, остывал под ногами.

- Помоги мне, - сказала Лара и, внезапно остановившись, наклонилась, высыпая из туфельки песок. Он неумело поддержал женщину, потерявшую равновесие, скользнув взглядом по белым полноватым икрам ног Её. Немного помолчав, осмелился:

- Расскажи, Лара, о себе. Я скоро уеду, и мы вряд ли когда увидимся.

- Так, наверное, и будет, - согласилась Она, - уедешь и скоро женишься.

- Нет! – воскликнул Он горячо, - я не буду жениться до двадцати восьми лет!

Она остановилась и, внимательно посмотрев Ему в глаза, сказала:

- Ты очень рано женишься. Вот увидишь.

- Но откуда ты знаешь? – застыдился Он. – Я вовсе не хочу этого.

- Не выдержишь. Я же все вижу. Поверь мне.

Тело Его бросило в жар, а лицо вспыхнуло, как будто Его уличили в чем-то преступном.

«Она читает мои мысли и угадывает тайные желания», - подумал Он и спросил:

- Ты не здешняя? Да? Наверное, полька? Ведь фамилия.

- Нет, что ты, - улыбнулась Она. – Это по мужу. А я из Смоленска, и моя девичья фамилия Ксенофонтова.

11

- В сентябре сорок третьего, когда наши освободили город, я ушла в армию добровольцем. Мне восемнадцать тогда было. Служила красноармейцем. Стрелком.

- Лара! Я не могу этого представить! – изумился Он. – Вы, ты... такая нежная, необыкновенная, и с винтовкой? Нет, это не укладывается в голове.

- Но это так. Я была рядовым стрелком, несла службу наравне со всеми – стояла в карауле, носила шинель, ватник, кирзовые сапоги. А в начале ботинки с обмотками. Потом, - она чуть запнулась, - потом... я стала женой командира полка.

- Как? – воскликнул обиженный мальчик, - женой такого старика???

- Ну что ты, - рассмеялась Она, - ему тогда двадцать восемь лет было (1914

года рождения). Меньше, чем мне теперь. И потом. Он был очень интересный, статный, чернобровый.

- А у меня папа был такого же года рождения, - не подумав, растерянно произнес Он. - Но у Вас... у тебя теперь другой муж. Молодой. Где же тот - командир полка? Он погиб?

- Нет. Мы расстались.

- Но как? Почему? - почти выкрикнул Он. - Разве можно расстаться с такой... такой... необыкновенной. Ведь Вы же... ты же самая-самая...

- Понимаешь, - улынулась Она, - у него жена была в Саратове и двое детей. Он к ней уехал после войны. А я попала в Балтийск, где познакомилась с Вадимом. Он служил там во флоте. Мы поженились.

- «ПэПэЖэ» (походно-полевая жена), - мелькнуло у Него в голове, - Лара была «ПэПэЖэ» (он уже знал о таких из рассказов фронтовиков, как и то, что «полагались» они комбатам и выше...)

12

Так шли они вдвоём первый и последний раз в жизни - роскошная тридцатилетняя женщина и восторженный, влюблённый в Неё восемнадцатилетний мальчик. Темнота постепенно накрывала своей шалью дамбу, железнодорожный мост через великую реку справа и дома Заречья, к которым они приближались, разговаривая друг с другом.

«Она поверяет мне свои тайны. Выходит, я для неё что-то значу», - наивно думалось впечатлительному мальчику, и сердце Его радостно и мощно толкало кровь во все артерии и капилляры молодого, сильного и горячего тела. Догадывалась ли Она о Его чувствах? О чём Она думала?

- Муж, наверное, встретит тебя? - спросил Он.

- Нет. Он в командировке теперь. На две недели уехал.

«Кажется, сама Судьба благоволит мне. Вот шанс, который выпадает раз в жизни», - подумал Он и, шагнув с невысокого обрыва, остановился, повернувшись лицом к женщине. Обрывчик был так себе - высотой в 2-3 лестничных ступеньки, и Она легко могла сойти с него... но, к Его полной неожиданности, остановилась и каким-то изменившимся томно-капризным голосом повела:

- Сними меня!

«Вот оно!» - мелькнуло в Его разгорячённой голове. И Он, раскрыв объятия, крепко обнял Её и, прижав к себе, приподнял...

Её полные горячие груди, все тажеловатое вздрагивающее тело, которое Он теперь слишком хорошо чувствовал, сильно прижимая, казалось, сведёт Его с ума...

Нужно было уже отпускать эту бесценную ношу, но Он медлил, а Она не торопила, и это ещё более кружило Его горячую голову. «Бери», - кричал Ему голос безрассудной страсти. - «Нельзя терять ни секунды. Она сама этого хочет!»

«Опомнись! Как? Ведь даже положить Её не на что, - отрезвлял голос разума, - кругом земля, какие-то бугры, мусор. Рядом дома. А вдруг Она этого не

хочет, и все это мой болезненный бред? Надаёт мне пощечин. А вдруг я не смогу? Опозорюсь. Ведь такого со мной ещё не было. Уйду как побитый пёс», - лихорадочно проносилось в Его кружившейся голове. И Он... отпустил Её.

13

- Дурак! Растяпа. Тюря, - казнил Он себя, бродя как шальной вокруг общежития. - Идиот. Упустил такой момент. Трус. Догони! Ещё не поздно, - лихорадочно шептал Ему разгорячённый голос страсти. - Успокойся, ненормальный. Всё это твой большой бред. В лучшем случае, Она хотела поиграть с тобой - мальчиком. Лишний раз убедиться в своей неотразимости. Посмеяться потом над тобой вместе с какой-нибудь подругой, - внушал другой голос. Едва ли не час ходил Он кругами около спящего общежития, возбуждённый, перегретый до предельного градуса, кажется, готовый биться головой о каменные стены.

Метрах в тридцати, в соседнем саду, точно издеваясь, трещал «разбойник»-соловей, призывая подругу. В углу сада, на двухметровой высоте темнел металлический куб для воды, покоящийся на четырёх покосившихся столбах.

Он перепрыгнул через невысокий штакетник, встал под бак, сбросил одежду и, открыв кран, долго стоял под ржавой тепловатой струёй, постепенно приходя в себя.

14

Жизнь Его сложилась не так, как у бывших товарищей по учёбе, осевших в основном тут же, в Заречье, или вернувшихся сюда после краткого отсутствия. Он только один раз приезжал сюда перед окончанием «Макаровки» (Ленинградского высшего мореходного училища). Тогда Он ещё гордился формой, пятью золотистыми шевронами на левом рукаве тёмно-синей форменки и тем, что успел побывать во многих странах мира.

Но, странно, Ему не сильно хотелось видеть Лару (а это было возможно), тем более что выглядел Он настоящим молодцом и знал, что форма идёт Ему.

Какое-то смутное предчувствие разрушения образа, созданного в душе влюбленного мальчика более восьми лет назад, теперь останавливало видного двадцатилетнего мужчину, уже знавшего всё (как думалось Ему) о любви.

Теперь, после многих лёгких побед над женщинами, Ему не казалось уже досадным то, что тогда между Ним и Ларой «ничего такого» не произошло. Более того, появлялось временами ощущение, что Он бережёт созданный Им образ и, боясь разочарования, уже опасается видеть оригинал.

- Ну, а как Лара? - спросил Он тогда приятеля нарочито небрежным тоном.

- Работает в городе, в НИИ машиностроения конструктором, - отвечал тот. - Поговаривают, что с мужем у них не ладится.

«Ей уже почти сорок, - прикинул Он. - Старовата».

«Пусть же Она в моей памяти останется той - тридцатилетней».

15

...Здесь, в этом невообразимом вертепе, сорокапятилетние тётки сходили с ума и делали глупости, как перед концом света. Вырвавшись из серости и скуки, от надоевших мужей, монотонной работы и кастрюль, они буквально впадали в детство от непривычного безделья, благо, природа и нестрогий режим не только не запрещали, но как будто поощряли это.

- Делайте, что хотите. Вам не пятнадцать лет, - напутствовала отдыхающих главврач санатория – пожилая, выдавшая виды дама. – Но только чтобы внезапно приехавшие мужья (жёны) не били нам стёкла и не устраивали скандалов...

Одна из таких особ клеилась и к Нему – утомлённому морями пятидесятишестилетнему старику, оказавшемуся здесь впервые среди сосен, дюн и алчущих женщин.

Эта замученная бытом кляча, с распаренными от стирки узловатыми руками, навязчивая и бедновато одетая, совсем не привлекала Его. К тому же, она постоянно охаивала своего мужа и гордилась тем, что осталась верна КПСС, сохранила партбилет и продолжает платить членские взносы (было начало девяностых годов двадцатого столетия).

16

Все это нагоняло тоску на престарелого «скитальца морей», но характерный говор её, выдававший жительницу средневожья, заставил насторожиться и спросить:

- Откуда вы?

- Издалека, - ответила женщина, - с Волги, из Заречья.

- Надо же! – удивился Он. – Как там знаменитая «машинка»?

- Всё разваливается. Госзаказов нет. Сокращения. Реорганизации. Увольнения. Беда настоящая, - вздохнула женщина. – А вы откуда знаете «машинку»? – удивилась она.

- Можете себе представить, - отвечал Он, - когда-то, на заре «туманной юности», я учился в зареченском политехникуме и все практики проходил там.

Помолчав, немного волнуясь, спросил:

- Не знаете ли вы, - и назвал имя, отчество и фамилию Лары.

- Как же, - ответила женщина, - конечно, знала. И очень даже хорошо. Она умерла.

- Как? Что вы говорите? – воскликнул Он. – Когда?

- Года два тому назад. Она старенькая уже была, лет шестьдесят восемь, наверное. Болела. А вы что же? Почему о ней спросили? Как вы могли знать её?

- Я учился с ней в одной группе. Четыре года. По ней все тогда с ума сходили. Я, наверное, больше всех.

- Это неудивительно, - сухо ответила женщина, - при её внешних данных... Вот только, - замаялась она.

- А как муж Её? У них, помнится, две девочки были, - волнуясь, перебил Он.

- С мужем она давно развелась и вышла после за старика-полковника. Говорили, вдовец. Работал в облвоенкомате в городе. Она там жила с ним... Дочери осуждали её. Не понимали. Я со старшей работала. Другие тоже не одобряли. Говорили, что какая-то давняя история с войны. Она ведь фронтовичка была.

17

...Он медленно шёл по балтийскому песку, и картины прошлого, точно кадры кинохроники, мелькали в Его памяти.

«Умерла такая Женщина», - жалел Он.

«А я всё думал, что жизнь вечна, что всё застыло в том же положении – Заречье, Лара, что когда-нибудь встречу Её. Она увидит, каким я стал.»

«Почему же я никогда не сделал ни единого шага к этому? Почему?»

И почему я так спокоен сейчас – после такого известия?»

- Но это же умерла не Она, - говорил Ему равнодушный чужой голос. – Та была другой. Разве Та, которую Ты выпустил из своих объятий на маленьком обрывчике тёмной июньской ночью почти сорок лет тому назад, не была другой? Да и Ты ли Её выпустил? Восторженный, юный, влюблённый романтик. Разве это был Ты?

А если Ты, то пусть же Она останется в памяти твоей Иконой, недостижимым Идеалом. И как хорошо, что Тебе не пришлось видеть Её иной.

Ведь не зря же сказано:

- По несчастью или к счастью – истина проста. Никогда не возвращайся в прежние места...

Александр НИКОНОВ

Ковчег острова Альмендралехо

(приключенческий
научно-фантастический роман)

(Продолжение)

Профессором-метеорологом оказалась женщина с большой, шаровидной головой и плоским бюстом, одетой в мужскую одежду: брюки и пиджак светло-зелёного цвета. Челюсть её походила на старинный широкий утюг, который накалялся с помощью углей. Единственное, что выдавало в ней женщину, так это глаза — круглые, чёрные, почти смоляные, подкрашенные светло-голубыми тенями. Это была мулатка с большей порцией белой крови, отчего её кожа была оливкового цвета. На голове находилась полусгнившая копна сена со свисающими по бокам волнистыми прядями.

Большой кабинет с огромным лазерным экраном на стене, светящимся голубым светом, куда пришли по совету Чиркова Глафира и Алексей, своим пространством словно съедал эту женщину невысокого роста, которая стояла и недоверчиво, словно птичка, склоняла голову то вправо, то влево, встречая гостей.

— Добрый день, господа, — неожиданно басовитым голосом поприветствовала она супругов и показала на стулья у стола. — Николай Васильевич попросил меня принять вас и просветить в одном немаловажном вопросе.

И всё-таки улыбка у неё оказалась женской, родной для Глафиры, что она немедленно и отметила первой фразой:

— Добрый день. Меня зовут Глаша. А вас?

Прямой вопрос несколько смутил мулатку, но не больше тех мгновений, чтобы оценивающе окинуть взглядом острозыкую соперницу по полу. Она ещё раз улыбнулась и ответила, горделиво вскинув голову:

— Профессор-метеоролог Ладла Разанаколана. Родом я из Мадагаскара, но мама у меня европейка. — Слово “европейка” из её уст прозвучало как “инопланетянка”, которой она, видно, себя считала. — Как зовут вас, я уже знаю. Слышала от господина Чиркова вашу необычную историю. Надеюсь, после ваших приключений, вам, м-м, не так больно будет слушать о стихиях и природных катаклизмах.

— Я думаю, что мы переживём очередной катаклизм, госпожа Раза.. Рана... — попытался неуклюже переубедить профессора Алексей. — Простите.

Госпожа рассмеялась, снова по-птичьи склоняя голову:

— Не ломайте себе язык, зовите меня просто Ладла. Так нам проще будет общаться. — Она несколько секунд как бы ушла в себя и продолжала: — Меня Николай Васильевич попросил рассказать об одной из причин постройки этого удивительного плавучего острова. Это глобальное потепление.

— Вы верите, Ладла, что на земле снова будет всемирный потоп? — спросила Глафира.

— Конечно, верю, — серьёзно ответила госпожа Разанаколана. — На земле это происходило неоднократно и, верю, что произойдёт ещё не раз. Во-первых, сразу оставим библейский миф о всемирном потопе и ноевом ковчеге. Вы, вероятно, помните катастрофу в Индонезии, где волна цунами погубила сотни тысяч людей. А теперь посмотрите на это. — Лекторша взяла в руки электронную указку и нажала размещённую на ней кнопку. На экране монитора появилось нагромождение огромных монолитных гранитных камней правильной формы. — Вот эти камушки у подножия храмового комплек-

са близ города Ольянтайтамбо, города древней, ещё доинкской цивилизации, весом в десятки тонн в далёкие времена были сброшены на землю цунами высотой более трёх километров со стороны Тихого океана. Вы, вероятно, представляете, какой силы был этот водяной удар, если даже такие глыбы были низвергнуты со своего места.

— Ладла, — перебила лекторшу Глафира. — А люди-то живы остались? Там, наверно, и детишки жили, и старики.

— Ну, — замылся профессор, — сейчас об этом мы вряд ли что узнаем. Возможно, они успели спастись. А теперь посмотрите на эту фотографию. Видите этот покаты́й холм? Гранит склонов словно пластилин продавлен параллельными полосами. Кто-то утверждает, что это след сползшего древнего ледника. Но вы подумайте, откуда на экваторе, на тринадцатом градусе южной широты оказаться леднику! Вероятнее всего, это тоже след древнего цунами. Вы представляете, волна потопа могла преодолеть гряду гор Анд!

— Так это когда было, госпожа, э... Ладла, — сказал Алексей. — О глобальном потеплении говорят и пишут уже десятки лет, а потопа всё нет и нет. Может, это происки метеорологов, чтобы выбить из правительства денежки на свои исследования. — Алексей смутился. — Я, конечно, не имею в виду вас, Ладла.

Профессор Разанаколана снова ослепила и осватила их своей улыбкой.

— Я здесь зарплату не получаю, господа. Что до исследований — Николай Васильевич создал мне все условия, и это для меня главная награда. А что касается вопроса потепления... За последние десятилетия средняя температура на Земле повысилась приблизительно на полтора градуса по Цельсию. А разве вы не знаете про затопленные прибрежные города срединноморья и черноморья, их развалины находят на глубине десятков метров. Разве это не подтверждение моих слов, а? А исчезающая ледяная шапка Гренландии, а отступающие от прибрежных шельфов льды Арктики. А вы посмотрите, что творится в Антарктиде. Когда открывали этот континент, там и гор-то не видели, сплошные ледяные пустыни и ледяные пики. А сейчас. Сейчас из космоса в летние месяцы на южном полушарии в Антарктиде хорошо различимы оголённые хребты, всё меньше становится ледников, всё больше айсбергов отправляются в плавание.

Глафира, словно ученица, подняла руку.

— А можно спросить, Ладла? Что же с нами будет, если наступит это самое глобальное потепление? Потонем, что ли все.

— А вот, смотрите. — И профессор снова нажала кнопку, после чего появилась карта Евразии, окрашенная в разные цвета. — Вот Гренландия. Почти восемьдесят процентов её территории занято ледником мощностью до трёх с половиной километров. Вес льда 2600 триллионов тонн. А вот Антарктида. Сейчас она почти вся покрыта льдом, объём его почти тридцать миллионов кубических километров. Ученые заметили, что из-за таяния снега или неравномерных осадков полюса Земли всего за несколько дней смещаются на десятки километров. А если, не дай Бог, Гренландия и Антарктида под действием центробежных сил оторвутся от своих подошв, литосфер, и начнут “гулять” сами по себе, как плавающие острова. А теперь представьте себе, что снежно-ледовые шапки начали таять. Я не говорю о том, что центры центро-

бежной силы могут сместиться, и там, где сейчас экватор, могут наступить сибирские морозы, и наоборот. Я не говорю о землетрясениях и извержениях, о смене течения рек. Я говорю о литосферных сдвигах. В результате вновь образующихся разломов будут разрушены города Аддис-Абеба и Аден, Каир и Хартум, Сидней и Мельбурн, Нью-Йорк и Вашингтон, Иерусалим и Тель-Авив, Рим и Женева.

При смене полюсов Япония окажется на широтах сибирских морозов. Вы представляете, что станет с теплолюбивыми японцами. Жители Огненной Земли будут наблюдать полярные сияния, воды из Атлантики начнут переливаться в Тихий океан через Панамский перешеек, в Средиземное море через Гибралтар и южную Францию вдоль канала, соединяющего Гарону со Средиземным морем. Затем волна потопа пойдёт в Красное море и через Суэцкий канал и Израиль — в Акабский залив; через турецкую Анталию — в Персидский залив; через Босфор и Дарданеллы — в Чёрное море. Не станет большей части Австралии и Индонезии.

— Я вам рассказала, так сказать, сценарий литосферной катастрофы, а возможна катастрофа и космическая. Сейчас даже серьёзные учёные не исключают возможности столкновения земли с астероидом, кометой или огромным метеоритом. В последние годы кометы что-то зачастили в гости к Земле, вероятность столкновения с ними в сотни раз выше, чем гибель человечества в автокатастрофе.

— А как же наша родная Россия? — спросила Глафира. — Там тоже ничего не останется? Мамочки мои, а куда же мы возвращаться-то будем!

— Глашка, перестань ёрничать, — предупредил Алексей, — а то выпорю. Подождав, когда короткая семейная перебранка закончится, Ладла заметила:

— Успокойтесь, вряд ли это случится в ближайшее время.

— Тогда зачем нам выслушивать эти страсти-мордасти, — не успокаивалась Глафира.

— Иди в свою келью и лежи там, если тебе не интересно, — пригрозил Алексей. — А я хочу всё знать, как пионер.

— Да нет, — пошла на попятную Глафира, — это я так. Как представлю, что с нами будет! Боженька милостивый! Жуть! Извините, Ладла, продолжайте, пожалста, — милостиво разрешила ученица.

— Может, вам это повредит, Глаша, так я тогда на этом закончу.

— Нет-нет, — замахала руками Глафира и погладила свой животик. — Пусть закаляются, как сталь, и будут готовы к любым неожиданностям, если что.

Тут уж и Алексей, и Ладла рассмеялись.

— Это, конечно, самые отдалённые, самые фантастические и самые песимистические прогнозы, — отдышавшись после смеха, продолжала профессор. — Давайте тогда переберёмся поближе к вашей родине, Глаша. Если произойдёт глобальный тектонический сдвиг, то волны цунами с юга через всю Атлантику ворвутся в Северный Ледовитый океан и обрушатся на Западно-Сибирскую низменность. Вот сюда. Затем они прорвутся в Тургайскую ложбину, и по ней вода затопит низменный Казахстан, переполнит Каспийское море, а потом по промоине Кума-Маныч и Азовское море. Между

прочим, дорогие мои слушатели, всё это уже не раз происходило. Примером тому та же Тургайская ложбина; Аральское море и промоина Узбой, по которой вода из Аральского моря перетекла в Каспийское; промоина Кума-Маныч и Чёрное море. А ведь всего десять тысяч лет назад в Чёрном море была пресная вода и в нём водилась пресноводная рыба.

На севере Европы затопит Копенгаген, уровень воды в проливе Скаггерак начнёт повышаться, Балтийское море начнёт перетекать в Атлантический океан. Архангельск будет полностью смыт, а вода начнёт переливаться в Балтику через Беломоро-Балтийский канал. Испания станет островом, а от Великобритании и вовсе останутся только несколько островков. Так что, уважаемые Глаша и Алёша, ничего утешительного вам я сказать не могу. Под водой окажутся и Белоруссия, и Украина, и Прибалтика, и низменность Казахстана, и Азербайджан. Вся европейская часть России тоже окажется под водой до самого Урала. И ваша родная Москва превратится в град Китеж. Вот такой прогноз, Глаша.

Глафира, сморщив носик, о чём-то раздумывала, а потом вздохнула:

— Боженька, а что же с людьми-то будет! Куда им деваться после всего этого.

— Вопрос сложный, но ответ на него очевиден, — без раздумий продолжала профессор Разанаколана. — Конечно, все эти катаклизмы не будут происходить одновременно, люди попытаются спастись, начнётся великое переселение народов, как уже не раз бывало в истории. Начнутся войны, раздел оставшихся территорий. Выживут не все. Но постепенно наша планета Земля начнёт успокаиваться, океаны войдут в новые берега, реки в свои русла, оставшиеся в живых начнут новую эру своего существования. Начнётся новая история, как уже не раз бывало за время существования Земли.

— Так именно из этих соображений построен этот плавающий остров? — спросил Алексей.

— Конечно, это одна из причин, — подтвердила Ладла. — Человечество уже сейчас должно задумываться о своём будущем, иначе оно просто не выживет. Именно за это предвидение я и уважаю господина Чиркова. Он, пожалуй, первым на земле стал практически осуществлять эту гуманную идею. Представьте себе, что таких плавающих островов построены сотни и тысячи, на них могут спастись тысячи и миллионы людей. Да, выживать на них будет очень сложно, но возможно. А что будет твориться на земле в случае катастрофы? А вот вам картинка: человечество останется без электричества, на котором сейчас держится всё — свет, тепло, связь, транспорт, коммуникации, а это значит, не будет ни железных дорог, ни аэродромов, ни автомобилей, ни кораблей: начнут взрываться газовые и нефтяные хранилища, атомные станции, подводные лодки с атомными боеголовками на борту. Это будут тысячи Хиросим! Воздух и вода станут непригодными для дыхания и питья, не будет пищи...

— Всё, всё, госпожа Назара... госпожа Ладла, — закричала Глафира, — я не хочу больше слышать обо всех этих ужасах, катастрофах и катаклизмах. Честное слово, я словно сама попала в эпоху потопы. Может, поговорим о чём-то другом.

— Хорошо, — согласилась профессор Разанаколана. — Давайте поговорим о другом. О чём, например?

— Ладла, — вкрадчиво начала Глафира, — мне очень нравится ваша причёска. Скажите, а как вы делаете вот эти буколки, которые висят у вас на висках?

Алексей увидел, как у профессора отвисла бульдожья челюсть.

18

В Департамент военно-морских сил Соединённых Штатов Америки пришло странное шифрованное донесение от командующего авианосным соединением, базирующегося в Персидском заливе. Донесение пришло с пометкой: “Только для командующего военно-морскими силами США”. Офицер шифровального отдела вошёл в приёмную и, как всегда, игриво улыбнулся секретарше командующего, не забыв сказать:

— Я вижу, Сьюзенн, что день для вас, как всегда, добрый.

Всегда приветливая и спокойная, Сьюзенн ответила так же игриво:

— И откуда вы всё знаете, офицер Клеманн?

— Ну, я всё же служу в секретном отделе, — ответил вполголоса Клеманн, приблизив своё лицо к лицу секретарши.

— Ах, знаю я все ваши секреты, — отмахнулась Сьюзенн. — На следующий день они становятся известны русским.

— Может быть, но только не это. — Офицер показал на чёрный кевларовый чемоданчик с кодовым замком.

— Ну, хорошо, хорошо, — с деланным неудовольствием произнесла Сьюзенн и протянула свою тонкую, ухоженную ручку. — Давайте свои секреты, я обязательно срочно передам их господину Керри.

— Нет, дорогая Сьюзенн, на этот раз не получится. Это донесение очень срочное, очень важное и конфиденциальное, и я должен передать его лично командующему, и прямо сейчас.

— Хорошо, — быстро согласилась Сьюзенн и соединилась по связи с шифром: — Мистер Керри, вам срочное донесение из шифровального отдела.

Звонкий голос по громкой связи коротко приказал:

— Принеси, Сьюзенн, минут через десять, сейчас я занят.

— Но дело очень срочное и конфиденциальное. К вам пришёл офицер Клеманн из секретного отдела.

Через несколько секунд паузы ответ:

— Хорошо, пусть входит.

Командующий ВМС сидел в широком кресле с высокой спинкой и поигрывал карандашом в руках. Он махнул рукой, подзывая к себе офицера, и спросил:

— Ну, что там у вас, Клеманн? Давайте.

Зная, что командующий не любит долгих вступлений, Клеманн нажал на кнопки шифра, открыл чемоданчик и протянул ему два листка бумаги. Керри склонился над бумагами, быстро прочитал их и поднял голову:

— Что за ерунда, Клеманн! Все сведения об УФО передавайте тем, кому ими положено заниматься.

— Вы забыли прочитать второй листок, сэр.

Керри снова склонился в чтении, поднял брошенный на стол карандаш

и снова стал крутить его между пальцев. Прочитав, выпрямился.

— Неизвестный объект, остров? — кого-то спросил он. — Какие-нибудь объективные данные существуют?

Клеманн вынул из чемоданчика и протянул ему несколько листов с фотографиями, затем рапорт второго лётчика, который вылетал на обнаружение подозрительного объекта и который его так и не нашёл. Просмотрев ещё раз документы, Керри откинулся на спинку кресла.

— Мистика какая-то. Здесь не может быть ошибки? — Клеманн лишь пожал плечами. — Хорошо, идите.

Когда офицер вышел, командующий попросил соединить его с аналитическим отделом ЦРУ, который “вылавливал” в медиа-средствах мира всю полезную для США информацию. Он попросил прислать к нему специалиста.

Тот приехал через час. Это был широкоплечий блондин в дорогом костюме с почти белыми, навывкате, глазами, в движениях которого чувствовалась военная выправка. Когда за ним захлопнулась дверь, он сразу представился:

— Джон Сильверштайн, сэр.

Керри приветствовал его вопросом:

— Служили, Джон?

— Так точно, сэр. Иракская кампания, сэр.

— Хорошо, садитесь, Джон. — Сильверштайн сел. — Тут вот какое заковыристое дело. Мне принесли странное донесение о... — Керри запнулся. — О каком-то фантастическом острове, который будто бы перемещается с места на место в океане. Что вы скажете?

— Я знаю об этом случае, сэр.

— Откуда? — с удивлением спросил командующий.

— Об этом писали в газетах, было сообщение в интернете и даже были опубликованы снимки, сэр.

— Что за страна, что за мир! — воскликнул Керри и хлопнул в ладони. — Секретную информацию вдруг первыми узнают журналисты.

— Свобода информации, сэр, — холодно констатировал Сильверштайн.

— Да, свобода, это хорошо, — согласился Керри. — Но, на мой взгляд, в целях безопасности страны она должна быть ограничена. — На этот раз Джон промолчал. Командующий спросил: — А нет ли у вас, Джон, какой-нибудь другой подобной информации?

— Есть, сэр, — без колебаний ответил сотрудник.

— Да? — удивился Керри. — И вы можете мне её предоставить?

— Конечно, сэр Керри.

— Когда?

— Если вы позволите, прямо сейчас, сэр. — Сильверштайн слегка помялся. — Правда, пока в устном изложении. Но если необходимы...

— Бумаги потом, Джон, — перебил сотрудника аналитического отдела командующий, — а сейчас мне хотелось бы услышать от вас только короткий рассказ. Факты, так сказать.

— Хорошо, сэр. Несколько месяцев назад в одной из газет Нью-Йорка было опубликовано письмо капитана сухогруза “Дурбан” Нормана, который ходит под южноафриканским флагом. В том письме он утверждал, что несколько раз в открытом океане наблюдал некий движущийся объект огромных размеров.

Это происходило в разное время суток и, самое главное, в разных частях Индийского океана. Капитан утверждал, что он видел на этом плавающем объекте, сэр, свою жену, которая погибла в море несколько лет назад.

— И что, Джон, — спросил Керри, — это соответствует действительности?

— Трудно сказать, сэр. Мы, конечно, проверили этого Фрица Нормана. Он действительно потерял жену при странных обстоятельствах. Он был в очередном рейсе, когда её похоронили, и потому думает, что его обманули и что вместо его жены похоронили другого человека. По всей вероятности, у этого капитана не всё нормально с психикой, и он выдаёт желаемое за действительное. Сотрудники нашего отдела опрашивали и других членов экипажа сухогруза, но ни один из них не подтвердил сообщение капитана.

— Так, здесь всё понятно, Джон, — растягивая слова, сказал Керри. — А есть что-то более существенное?

— Есть, сэр. Однажды лётчики...

— Я уже читал рапорты лётчиков авианосца и командующего авианосной группы, — перебил Сильверштайн Керри. — Есть что-нибудь ещё?

— Да, сэр. Я хотел рассказать о штурмане пассажирского авиалайнера, совершавшего рейс в Сидней. Однажды они вынужденно уклонились от маршрута, и штурман самолёта увидел, как ему показалось, разделяющиеся острова.

— Это как понять, Джон, — строго перебил Керри, — в его понимании острова могут разделяться, как живые клетки?

Джон терпеливо и вежливо улыбнулся и ответил:

— Не совсем так, сэр, просто ему так показалось.

— Показалось, показалось, — пробурчал Керри, — когда мерещится чёрт, надо креститься. Мне совершенно некогда выслушивать эту белиберду. — Он хлопнул ладонью по столу. — Вот что, Джон, вы пришлите мне отчёт обо всех этих... этих чудесах, а я решу, что с ними делать.

— Есть, сэр. — Сильверштайн встал и попрощался: — Всего доброго, сэр.

В задумчивости Керри просидел несколько минут, сломав за это время два карандаша, которые вертел в руках. Он уже пожалел сейчас, что вспылит и не выслушал до конца этого сотрудника аналитического отдела. В случаях, рассказанных Джоном, было что-то общее и опасное.

Так случилось во время операции "Буря в пустыне", когда он, будучи командующим авианосной группой в Персидском заливе, не учёл хитрость этих проклятых арабов и не придал значения двум, казалось бы, совсем невинным сообщениям разведки. В одном из них сообщалось, что из небольшого иракского поселения на границе Ирака и Кувейта появился верблюжий караван, который следует в сторону Эль-Кувейта. В другом сообщении разведка заметила в оазисе скопление странных людей в жёлтых одеяниях. Ни техники, ни серьёзного вооружения у людей не было, но вели они себя очень странно, словно ждали кого-то.

Проанализировав сообщения разведки, тогда Керри не нашёл в них ничего опасного и предостерегающего. Что тут особенного: арабы-бедуины веками и тысячами водили свои караваны по пустыням и останавливались на отдых в оазисах.

Самолёты палубной авиации исправно работали по целям и исправно возвращались в родное “гнездо”. Разбитые войска кровожадного Саддама Хусейна уходили к границе Ирака. Но уже поздним вечером следующего дня Керри сообщили, что как раз в районе этого оазиса сбиты два истребителя. Два лётчика сумели катапультироваться, двое погибли. Керри был в гневе. Это были первые потери во вверенном ему подразделении за время операции. Это были не просто солдаты, это были лётчики-асы, которых годами готовили к войне.

Та же разведка сообщила, что в район оазиса караваном были доставлены передвижные зенитно-ракетные комплексы советского производства “Стрела”, где их ждали подготовленные люди. Они-то и сбили самолёты. Оазис и всех, кто там находился, сровняли, конечно, с землёй, но что с того. Керри лично пришлось смотреть в глаза родственникам погибших, и он тогда не увидел в них гордости за Соединённые Штаты, за погибших парней, а лишь немой укор, непонимание и ненависть.

Вспомнив об этом, Керри по селекторной связи жёстко приказал своей секретарше:

— Сьюзенн, чтобы завтра утром этот красавчик из аналитического отдела снова был в моём кабинете.

— Хорошо, сэр, завтра утром в десять часов Джон Сильверштайн у вас. Отключившись, Керри откинулся на спинку кресла и сказал самому себе: — Бережёного бог бережёт.

Посмотрел на часы: семь двадцать, наверно, мулаточка Крис уже ждалась его в своей тёплой, нагретой её пышным телом постельке.

19

С каждым днём холодало всё больше и больше. Глафира не выходила наружу второй день и постоянно жаловалась:

— И куда плывёт этот проклятый остров, на Северный полюс, что ли.

— На Южный, — оторвавшись от книги, ответил Алексей. — Тебе-то чего, здесь тепло, светло и мух нет. Так что расслабься.

— Какая к чёрту разница — Северный, Южный, всё равно полюс, — проворчала Глафира. — К маме хочу, есть хочу.

Алексей посмотрел на часы.

— Кстати, скоро как раз обед и твой любимый лечебный суп.

Отобедав, супруги вернулись в свою железную келью, где их на самом пороге оглушил голос капитана Делобеля, доносящийся из переговорного устройства:

— Мадам и месье Подноветные, если не хотите пропустить интересный аттракцион, то можете подняться на мой мостик. Но, если не хотите...

— Хотим! — в один голос закричали Подноветные.

— Лучше замёрзнуть на воле, чем томиться в духоте и теснине, — с пафосом сказала Глафира, надевая на себя матросский непромокаемый плащ с капюшоном.

В своём командном отсеке их встретил добродушный Делобель с неизменной трубкой в зубах. Увидев Глафиру, Оливье посмотрел на её, в прямом

смысле слова, выдающийся животик, виновато улыбнулся и спрятал трубку в нагрудный карман своего кителя.

— Извините, Глаша.

— Всё нормально, господин капитан. — Она посмотрела в иллюминаторы и спросила: — Мы, кажется, не плывём?

— Точное наблюдение, Глаша. Не всякий даже бывалый моряк заметил бы это, — похвалил он.

— И зачем вы нас оторвали от нашего любимого занятия лежать кверху пузом, Делобель? — спросил Алексей.

Оливье хитро прищурился и ответил:

— Собирать орехи.

— Орехи? Какие орехи? — впервые за несколько дней удивилась Глафира. И в этом удивлении было столько непосредственности, которое очень шло к ней, что Делобель весело и заразительно засмеялся.

— Я так и знал, мадам Глафира, что удивлю вас. — И стал объяснять: — Это не кокосовые, не земляные и не какие-то другие орехи, а ледяные.

— Ледяные? — удивился и Алексей, которого трудно было чем-то удивить. — Что-то я не слышал о таких. Объясните же, наконец, Оливье.

— Хорошо, — согласился Делобель, достал трубку из кармана и стал сосредоточенно её набивать. Потом спохватился и засунул её назад. — Извините, Глаша, — привычка. Так вот, вы, наверно, слышали об айсбергах. Ага, слышали. А как они образуются? Приблизительно? Так вот, здесь, в Южном океане с антарктического материка как бы стекают в море огромные ледники. Они откалываются и образуют айсберги, с немецкого это — ледяные горы. Вы хоть видели один айсберг? Нет? О, лучше нам с ними не встречаться. Это огромные ледяные плавающие континенты, некоторые из них достигают площади целых государств, правда, небольших. Эти глыбы бывают разными, иногда они похожи на средневековые замки — это пирамидальные, иногда они похожи на заснеженные поля, их называют столовыми. Со стороны кажется, что они совершенно безобидны, — плывут себе и плывут, но это только на первый взгляд. Если такая гора рухнет, волна от неё может потопить большое судно. Со мной тоже случилось нечто подобное, когда в моей далёкой молодости, ещё до службы в армии, я ходил на туристическом теплоходе.

— Правда, Делобель? — не удержалась всегда восторженная Глафира. — Расскажите.

— Хорошо, Глаша. Наш туристический теплоход плавал у южной оконечности Чили в районе острова Контрерас. Было очень тепло, тихо, волнение не больше двух баллов. И вдруг мы увидели огромную ледяную глыбу. Эх, если бы вы её видели! Фантастическая красота! Эта гора сияла на солнце всеми цветами радуги. Видение было настолько красивым и фантастическим, что пассажиры уговорили меня подойти к этому сверкающему кристаллу поближе. Я долго отказывался, помня о безопасности пассажиров, но погода была просто идеальной, которая не грозила никакими опасностями, да и сам я, еще молодой и восторженный, захотел рассмотреть это чудо поближе. Одним словом, я поддался на уговоры и подошёл ближе к айсбергу. Пассажиры от восторга ахали и пытались запечатлеть это чудо фотоаппаратами, сотовыми телефонами, кинокамерами и кистями с красками. Вдруг я с ужасом почувство-

вал, что какая-то чудовищная сила приподнимает теплоход из воды. Вот он на метр, два метра приподнялся над поверхностью и начинает крениться. Туристы закричали от ужаса, упали на палубу и стали хвататься за всё, за что только было возможно, чтобы не упасть в воду. А я, — Делобель посмотрел на своих слушателей. — А я, стыдно признаться, друзья, просто остоленел от ужаса и растерянности, я не понимал, что происходит, и не знал, что надо в таких случаях делать. Но, слава Иисусу, через несколько секунд корабль стал снова постепенно опускаться в воду, затем он выровнялся и снова закачался на волнах. Я не помнил, как отдал приказ на всей скорости уходить от этого опасного чуда природы.

— Так что же это было, Оливье, — не вытерпев до конца рассказа, с ехидцей спросила Глафира, — огромный кит, подводная лодка или чудовищный спрут?

Делобель посмотрел на слушателей, засмеялся и ответил:

— Ни первое, ни второе и не третье, Глаша. Тогда я и сам не понимал, в чём дело. Это уже потом опытные капитаны объяснили мне, что я напоролся на подводный ледяной уступ этого монстра. Дело в том, что большая часть айсберга находится под водой, глубина его осадки может достигать трехсот-четырехсот метров, а над водой возвышается лишь малая его часть. Вода подтачивает и растопляет быстрее надводную часть, а внизу остается ледяной уступ, на который мы и нарвались. Айсберг качался на поверхности, и в тот момент, когда мы оказались рядом, подводный язык нас и приподнял. Хорошо, что тогда всё обошлось, — добавил Делобель, — иначе не быть бы мне больше капитаном, и я бы не разговаривал с вами.

— Послушайте, капитан, мы, кажется, отклонились от темы разговора, — напомнил Алексей. — Вы хотели нам рассказать про какие-то ледяные орехи.

— Нет-нет, Алексей, я вовсе не ухожу в сторону, чтобы удивить вас своими приключениями, — продолжал Делобель. — Дело в том, что чем дальше айсберги отплывают от мест своего зарождения, тем быстрее они разрушаются, делясь на все более мелкие фрагменты. Так и появляются ледяные орехи. Мелкие ледяные глыбы обтачиваются водой, они становятся гладкими, словно их выточил на станке искусный мастер, и почти невидимыми среди волн. Формой они и напоминают орехи. Вот сейчас мы и наткнулись на целую россыпь таких орехов.

— И зачем они нам нужны, Оливье, — опередил на этот раз Алексей свою жену.

— А вот сейчас и посмотрите, — ответил капитан. — Пойдёмте в другое помещение, откуда вам будет прекрасно видно, как и для чего мы за ними охотимся.

Все трое поднялись по винтовой лестнице и оказались в круглом глухом помещении, похожем на башню. Там было лишь с десяток вращающихся кресел и откидные столики. Глафира удивилась:

— И что же мы отсюда увидим, Оливье, здесь нет ни одного окна, карцер какой-то.

— Минуточку терпения, мадам, — ответил Делобель и нажал несколько кнопок на пульте.

Через несколько секунд несколько кругов на стене, напоминающих зас-

лонки дверного глазка в квартирах, поднялись вверх, открыв большие иллюминаторы. Отсюда, с высоты птичьего полета, весь остров был как на ладони. Глафира ахнула:

— Ах, мамочки, красота-то какая! Лёш, посмотри.

— Вижу, и правда красиво, — отозвался муж.

Они видели, как на огородных плантациях трудятся люди, как ребятишки играют в футбол, как с десятков мужчин спускают по наклонной стапели большую лодку. Среди крон сотен деревьев, разбросанных по всему острову, Глафира заметила какую-то блестящую сетку, похожую на паутину. Нити этой огромной паутины тянулись от дерева к дереву, образуя причудливую сеть. Показывая пальцем в иллюминатор, она спросила:

— Делобель, а что это там блестит на деревьях?

— Это? Это просто наша защита от электронного слежения и радаров, — ответил капитан.

— То есть, нас никто не видит? — с удивлением спросил Алексей. — Выходит, что наш остров — невидимка?

— В какой-то мере, — ответил Оливье. — Визуально нас, конечно, видно, но радары и другими системами электронного слежения нас засечь невозможно. Дело в том, что специальные электронные системы подают на эту паутину именно ту частоту, которая соответствует частоте среды, окружающей остров. Вы, Алексей, наверно, знаете, что у каждого предмета на земле есть свое излучение, как бы аура, и это излучение происходит на определённых частотах. Так вот, наша защитная система выдает именно ту частоту, которая излучает окружающая остров среда. В данном случае это частота волн и воды.

— То есть, это как бы электронный зонтик? — спросил Алексей.

— Именно так, — с улыбкой подтвердил Делобель. — А ещё наш остров можно сравнить с хамелеоном, который принимает окраску в зависимости от той среды, где находится. Правда, эта окраска электронная.

— Да хватит вам трепаться о вашей технике, у меня от этих разговоров уши вянут, — прервала их разговор Глафира и закричала: — Смотрите, смотрите! Что они делают?

Матросы на мотоботе втыкали огромный гарпун в какой-то предмет на воде. От гарпуна шли клубы пара.

— Они что, снова поймали кита?! — закричала Глаша.

— Нет-нет, — успокоил её Делобель, — они всего лишь втыкают разогретый гарпун в ледяной орех. Сейчас они его загарпунят и потащат к створу.

Путешественники с жадностью смотрели на необычную картину охоты за ледяными орехами. Вот матросы на мотоботе загарпунили плавающую льдину, которая почти полностью была скрыта под водой, и потащили её к острову. У самого берега автоматически откинулась огромная металлическая сетка из толстых прутьев. Матросы втолкнули орех на эту сетку и вытащили гарпун. Сетка с “уловом” стала подниматься, и на поверхности показалась ледяная, прозрачная, словно стекло, и гладкая льдина, и на самом деле похожая на огромный орех или леденец. С ореха стекала вода. Вот сетка поднялась выше, и орех с грохотом соскользнул с неё и исчез в утробе острова.

— Вот и есть первый орешек, — заметил капитан. — Небольшой, правда, в нем тонн двадцать, не больше.

— А что, есть и больше? — спросил Алексей.

— Конечно. Мы вылавливали орешки по четыреста тонн, — ответил Делобель. — Я знаю случай, когда одно китобойное судно напоролось на такой орешек. Он пробил обшивку, и судно затонуло.

— А моряки, они спаслись? — спросила Глафира.

— Да. Там была целая флотилия промысловиков-китобоев. Они спасли всех моряков.

Понаблюдав ещё с полчаса за ловлей орехов, наши путешественники устали от однообразной картины и сели на кресла. Алексей спросил:

— Послушайте, Делобель, а зачем на острове нужны эти орехи, если и так достаточно питьевой, пресной воды от дождя?

Делобель усмехнулся и ответил:

— Не поверите, друзья мои, но это тоже идея доктора Хайфенга.

— Хайфенга? — удивлённо воскликнула Глафира. — А доктор-то здесь при чём?

— Дело в том, — начал терпеливо объяснять Оливье, — что ледники на Антарктическом материке образовывались в течение столетий и тысячелетий. По его предположениям, некоторые ледники образовались ещё в доисторическую эпоху, задолго до возникновения человечества, и естественно, что вода, из которых они образовывались, была первозданно чистой, ещё не засорённой деятельностью человека. Вы посмотрите, какую воду употребляют сейчас люди на континентах, в ней вся таблица Менделеева, но с такими количествами вредных веществ, что она становится ядом. Даже в артезианских скважинах вода имеет такие примеси, что они влияют на всю генную систему человеческого организма. Поэтому доктор Хайфенг и считает ледяные орехи источниками пресной воды, которая по своим свойствам и химическому составу совершенно отличается от современной воды, ведь тысячелетия назад были другими и флора Земли, и климат, и воздух, и вода.

— Уж не на этой ли воде готовятся знаменитые лечебные супы и каши? — спросил Алексей.

— Совершенно верно, Алексей. И не только супы и каши. Фитованны, ингаляция тоже делаются не без помощи воды из ледяных орехов, — ответил Делобель и посмотрел на часы. — Впрочем, сейчас как раз настало время обеда и плоцедул.

И они все вместе весело и легко засмеялись. В это время Глафира увидела на склоне горы женщину в сером платье, которая стояла на утёсе, устремив свой взгляд вдаль, и кому-то махала голубой косынкой. Она спросила капитана:

— Оливье, я уже который раз вижу эту странную женщину. Она всегда стоит на этом утёсе и кому-то машет косынкой. Что с ней? Она тоже с острова Альмендралехо?

Делобель на минуту задумался, лицо его стало серьёзным, даже хмурым. Было заметно, что ему неприятно было об этом говорить. Но он всё же ответил:

— Неприятный и, прямо скажу, странный случай. Это случилось несколь-

ко лет назад, когда мы на яхте в очередной раз посещали остров Альмендрале-хо. Тогда мы зашли в один южноафриканский порт для дозаправки. Был рассвет, утренний туман висел над водой, было очень сложно выбираться из горловины бухты. И вдруг, когда мы прошли уже достаточно большое расстояние, вперёдсмотрящий закричал:

— Человек за бортом!

Как он рассмотрел человека на воде в такой плотной массе тумана, я гадаю до сих пор. Очевидно, его привлёк оранжевый спасательный жилет, который держал несчастного на поверхности. Когда мы подняли его на палубу, оказалось, что это была женщина. Как она оказалась в открытом море в десятках миль от берега, мы гадали долго: возможно, она стала жертвой кораблекрушения или другого несчастного случая. Я знал, что у побережья этой страны есть множество островов, где в выходные и праздничные дни отдыхали местные жители. Может быть, что-то случилось на острове, и человек решил предпринять рискованную попытку доплыть до материка. Ничего этого мы не знали.

Женщина была очень красивой и без сознания. Наш врач оказал ей помощь. Видимых телесных повреждений он не обнаружил, но женщина была, словно в бреду, она ничего не понимала и повторяла только одно слово: “Фриц, Фриц, Фриц”. Мы уже вышли из территориальных вод ЮАР и не имели права снова входить в них, поэтому оставили женщину на судне. Но после того как она пришла в себя, она не могла ничего вспомнить: ни своего имени, ни города, где жила, ничего. Она постоянно, словно заведённая, повторяла только имя Фрица. Кто это был, — отец, сын, муж или брат — мы не знали.

Когда мы прибыли на остров Альмендралехо, доктор Хайфенг осмотрел её и сказал, что женщина обязательно поправится, что у неё сильный психологический стресс, который повлиял на память, вызвав тем самым временную амнезию. Женщина как будто выздоровела, но она постоянно была грустной, нелюдимой и замкнутой. Она неделями могла лежать и никуда не выходить, ела через силу, словно это было ей неприятно. Доктор делал для неё всё, что мог, но чудо произошло только тогда, когда она попала на плавучий остров. Она вдруг повеселела, стала выходить из своей комнаты, подниматься на утёс и долго стоять там, словно кого-то ждала. Постепенно она вспоминала своё прошлое, я не знаю пока, какое, потому что доктор Хайфенг строжайше запретил нам общаться с ней. Он только сказал, что зовут её Линда. Теперь она каждую свободную минуту поднимается на самую высокую точку нашего острова, машет косынкой и зовёт своего Фрица. Вот такая грустная история, — закончил рассказ Делобель.

В этот момент Глафира закричала, показывая рукой в окно:

— Смотрите, смотрите, наш остров поднимается! Боженька, да что же это такое!

Оливье засмеялся и сказал:

— Успокойтесь, Глаша, с нами ничего не случится. Просто наше судно готовится к походному положению. Наши подводные торпеды освобождают-ся от балласта, потому остров и поднимается.

— Торпеды, — удивилась Глафира, — а что это такое? Они стреляют?

– Нет-нет, Глаша, они не стреляют, – терпеливо объяснял капитан. – Весь наш остров покоится на десятках балластных цистернах, в некоторых из которых находятся и двигательные установки. Они-то и называются торпедами за продолговатую форму. Когда из половины из них выкачивается вода, а в другие закачивается сжатый воздух, остров как бы приподнимается над водой, чтобы при движении легче преодолевать сопротивление жидкости.

– Но как можно приподнять над водой такую махину? – усомнился Алексей.

– Дело в том, что весь наш остров построен из новейших композитных материалов на основе нанотехнологий. Они в несколько раз легче металла и в то же самое время в десятки раз прочнее стали. Кстати, – добавил Делобель, – наш остров способен двигаться не только за счёт своих движителей, но и использовать при попутном направлении поверхностные океанские течения.

– Подожди, Оливье, – остановил капитана Алексей, – то есть, если мы в Тихом океане попадём в Куроисио, то без всяких двигателей можем доплыть до Японии?

– Именно так, дорогой Алёша, – подтвердил Делобель. – Так что, при желании, можно использовать попутное течение, так же, как парусники используют попутный ветер. А таких течений в Мировом океане очень много: Норвежское, Шпицбернское, Бразильское, течение Мыса Игольного, Восточно-Гренландское, Лабрадорское, Канарское и другие. Кстати, в Гольфстриме скорость течения достигает десяти километров в час, то есть, за месяц можно проплыть около трёх тысяч километров. Если бы это знал бедный Колумб, возвращающийся в Старый Свет от открытых им островов, он бы не претерпевал большие трудности. В настоящее время все опытные капитаны используют эти течения, чтобы экономить при походах топливо.

Но Глаша не успокаивалась:

– А если наш остров разломится или наскочит на какую-нибудь скалу, мы утонем? Ведь тут нет ни одной спасательной посудины. И пойдём мы, как «Титаник», ко дну.

Тут Делобель несколько смутился и растерялся. Заметив это, Глафира победно сверкнула глазами, праздная поражение серьёзного противника. Но в этот момент капитан твёрдо сказал:

– Хорошо, пойдёте со мной, я вам кое-что покажу.

И снова путешествие по лабиринтам, пока Оливье не остановился перед дверью, которая так была похожа на стальную, и которая, оказывается, была изготовлена из композитного материала. Делобель нажал на кнопки наборного пульта, с грохотом повернул две ручки и распахнул дверь. Вежливо пригласил:

– Прошу мадам, прошу мсье.

Глафира и Алексей оказались в странном помещении, всё пространство которого заполнял огромный шар. В этом шаре тоже оказалась дверь, напоминающая люк подводной лодки. Капитан открыл и эту дверь, снова пригласил войти.

– Но там же темно, – возразила Глафира.

Тогда Делобель шагнул внутрь шара первым, и в нём тут же вспыхнул голубой свет. За ним следом вошли и экскурсанты. Глаша от неожиданности

ахнула, а Алексей стал спокойно рассматривать интерьер необычного сооружения. Внутри него располагались спальные многоярусные кровати человека на шестьдесят, по кольцу, на стенах, были прикреплены откидные сиденья и столики, а чуть выше них – большие ящики. В зените шара был виден ещё один люк, к которому вела легкая, ажурная лесенка. Внутри шара что-то жужжало. Первым опомнился Алексей:

– Делобель, не объяснишь ли, что это за Ноев ковчег?

– Ты верно заметил, Алёша, – ответил Оливье, – Это и есть ковчег, только спасательный. Рассчитан он на семьдесят восемь человек. Как видите, он приспособлен для того, чтобы все люди, которые будут находиться здесь, жили в относительном комфорте, могли отдыхать, спать, питаться, даже смотреть фильмы и читать книги.

– Подождите-ка, мужики, – остановила Глаша заинтересованный диалог мужчин. – Вы мне объясните сначала, а для чего вся эта скорлупка?

– Глаша, – укоризненно произнёс Делобель, – ты же сама просила показать, как и на чём мы будем спасаться, если наш непотопляемый остров начнёт тонуть. Так вот, эта самая, как ты изволила выразиться, скорлупка и спасёт нас в случае беды. – Капитан замахал руками. – Только, повторяю, вероятность этого ничтожна мала.

– Так ведь, если утонет наш остров, то утонет и этот шарик, – не соглашалась Глафира.

– Уверяю вас, мадам и мсье, что не утонет, – продолжал Оливье. – В первых, таких шариков на нашем корабле десять, во-вторых, если только остров начнёт тонуть, то спасательные шары начнут автоматически отделяться от главного корпуса и плавать, словно шарики пинг-понга. Так что, никакой опасности здесь нет.

– А дальше, Делобель, что дальше? – спросил Алексей. – Допустим, мы не утонули, а потом так и будем качаться на волнах, пока нас не разобьёт о камни или об корабли?

– Нет-нет, здесь всё продумано до мелочей, – горячо опроверг Делобель. – Вот в этих ящиках, которые над нашими головами, есть достаточный запас пищи, балластная вода, находящаяся под полом, не даст умереть от жажды. Наш спасательный шар оборудован приточной и вытяжной вентиляцией, которая работает от вечных аккумуляторов. Внутри есть и подогрев. Вы видите, что здесь есть и люк для экстренной эвакуации. Это пристанище оборудовано рацией и даже космической радиосвязью. В автономном режиме этот спасательный ковчег может работать более двух месяцев.

– Да, – протянул Алексей, – если судить по словам, то это замечательная штука. Поэтому я удивляюсь, почему такие спасательные средства не применяются на океанских судах.

Делобель лишь развёл руками:

– Наверно, мешает обыкновенная человеческая зашоренность, ведь люди привыкли спасаться на обычных плавсредствах: на шлюпках, на плотках, на поясах. Может быть, мешает и жадность судостроителей и разработчиков. А ведь это действительно универсальное спасательное средство. Оно уникально тем, что может применяться на всех видах судов, на платформах и даже на подводных лодках. Представьте себе, что судно тонет, экипаж прячется в эту

скорлупку, шарик при прикосновении с водой выкатывается из своего места и начинает дрейфовать до тех пор, пока кто-то не получит сигнал SOS и не придёт на помощь.

— Кстати, подобные спасательные капсулы разрабатывались и для воздушных лайнеров, — сказал Алексей. — Только эти капсулы спускаются на землю на парашютах.

В это время капитан Делобель посмотрел на наручные часы и присвистнул:

— Ого, как я с вами заговорился. Извините, друзья, меня ждут дела, да и Чели, наверное, беспокоится.

* * *

Вечером Николай Васильевич пригласил Подноветных на чай. Чай он приготовил сам, разлил по чашкам. Глафира пригубила напиток, почмокала губами и удивлённо покрутила головой:

— У-у-у, как вкусно! А аромат какой. Рецепт не поделитесь, Николай Васильич?

— А вы у доктора Хайфенга спросите, — ответил Чирков.

— У доктора? — удивился Алексей. — Я думал, что он может готовить только разные лечебные гадости. А тут чай.

— Зря вы так, Алёша. Он не только прекрасный хирург, невропатолог и фитотерапевт, но и гурман. Вот эту самую чайную смесь он подбирал, по его словам, больше двадцати лет. Здесь смесь трав, пожалуй, со всех континентов. И он уверяет, что если такой чай пить два раза в день, то человек может продлить свою жизнь лет на пятнадцать. Ну, как вы, обжилились на нашем острове? — спросил Чирков после непродолжительной паузы.

— Да. Хорошо. Всё нормально. Здесь очень интересно, — вразнобой ответили супруги.

— Вот и прекрасно.

— Кстати, Николай Васильич, я так и не пойму, за счёт какой энергии живёт и движется наш остров? — спросил Алексей. — Капитан Делобель говорил что-то о газе от естественных отходов, но я что-то сомневаюсь, чтобы их хватило бы для питания всех двигателей.

— И правильно сомневаешься, Алёша. Обычный бытовой газ мы, конечно, используем и для получения электроэнергии, и для отопления, и для других нужд. Но мы получаем электроэнергию не только за счёт газа, но и за счёт ветра, течений, ведь течение — это и есть водный ветер, а также за счёт воздушных столбов. Один учёный, не помню, кто, сказал, что энергии на Земле столько, что её хватит на сотни и тысячи поколений. Просто человек не научился её использовать. Как образно он заметил, каждая падающая дождя обладает энергией, надо только научиться её использовать.

— Ну, ветер и течение — это понятно, — перебил Алексей рассказчика, — а что такое воздушный столб?

— Ещё в древнем городе Аркаиме его жители применяли интересное устройство для поддува кузнечного горна. Обычно для этого используют меха, а аркаимцы нашли оригинальное решение. Известно, что тяга печи зависит от высоты дымо-воздушного столба. Аркаимцы не наращивали воздушный столб

вверх, а сделали по-другому: чтобы достичь в металлургической печи необходимую температуру для плавления, они добавляли поддувальную трубу снизу, которая опускалась в колодец. Тяга увеличивалась. Потока воздуха хватало для плавки металла.

Узнав об этом, я подумал: а почему на этом принципе не построить воздушно-тяговую электростанцию. Кстати, после войны в Советском Союзе продавались такие керосиновые лампы с вентиляторами, которые вращали вентиляторы с маленькими генераторами и которые выдавали небольшой ток, которого хватало для одной лампочки от фонарика. Мы установили на нашем острове большие трубы, установили в них вентиляторы, которые вращают генераторы. А тяговое усилие в трубах создаётся за счёт тепла от двигательных установок. И вы знаете, КПД этого устройства оказалось намного эффективнее любых других устройств. А ведь это, когда на плавучем средстве не построишь тепловую станцию, очень эффективно. Но главные двигатели нашего корабля все же работают на так называемом электроимпульсаторном топливе.

— Что-то я о таком даже и не слышал, — удивился Алексей, — хотя интересуюсь всеми новинками в мире техники. Расскажите.

— Это и не удивительно, это совершенно новая технология, — ответил Чирков. — Вы, наверно, заметили, что открытия появляются почти одновременно в самых разных местах. Мысли как бы витают в пространстве, каким-то образом — я верю в это — перемещаются и вдруг сразу несколько человек заявляют права на свое открытие. Ну, вспомним хотя бы изобретение радио — Попов и Марconi. А таких примеров тысячи. Ко мне как-то пришёл один чудак, кстати, русский эмигрант, и предложил построить уникальную установку, преобразующую обыкновенную воду в газ. Денег у него, как водится в таких случаях, не было, но мысль мне показалась интересной. Правда, тогда я не поверил, что получится что-нибудь путное, но мне хотелось, чтобы человек постиг свою ошибку, сам разочаровался в своей фантазии. Это, знаете ли, самое действенное средство для лечения дилетантов, возмнившими себя гениями.

Я дал ему в помощники несколько человек, которые тоже загорелись этой идеей. Сама она казалась простой и вполне реалистической. Аппарат работает по принципу нефтеперегонной станции, только вместо нефти используется обыкновенная вода. Электромагнитные импульсы на молекулярном уровне расщепляют атомы кислорода на атом углерода и два атома водорода. Так вот, тот самый углерод с оторванным водородом превращают воду уже в горючий газ.

С полгода они конструировали и строили свой аппарат, ещё столько же экспериментировали — и чудо! — аппарат стал выдавать горючий газ идентичный пропану и бутану. Но чудо было и в другом: выделяемое горючее могло питать двигатели, которые выдавали мощность в десятки и сотни раз большую, чем затрачивал сам аппарат! То есть на единицу затраченной энергии аппарат выдавал десятки и сотни единиц мощности. Когда я “пошарил” в интернете, то оказалось, что такие же устройства уже предлагаются другими изобретателями, причём, не в схемах и чертежах, а уже действующие.

И это открытие стало, пожалуй, решающим при строительстве плавучего острова. А иначе где бы мы брали такое огромное количество топлива — бензина, газа или дизельного топлива! Заправляться в портах, при помощи танкеров? Но тогда о нашем острове стало бы известно всему миру через несколько дней, а мне, по известным уже вам причинам, этого не хотелось. Другое дело — вода, её в океане неисчерпаемое количество. Не нужно никаких заправочных терминалов, по океану можно плавать без дозаправки годами и десятилетиями.

— Почему же люди не используют этот опыт? — спросила Глафира. — Ведь это же практически неограниченные возможности, особенно для тех государств, которые расположены в бассейнах рек, у морей и океанов?

— Виной всему мафия: нефтяная, газовая, — ответил Чирков. — Разве они могут расстаться со своими фантастическими прибылями? Нет, конечно. По всей видимости, это будет продолжаться до тех пор, пока человечество не выкачает из недр всю нефть и весь газ. Кстати, этот же изобретатель умел решать и другие задачи: превращать воздух в воду, цинк в никель, фосфор в никель, свинец в золото и так далее.

— Свинец в золото? — удивился Алексей. — Но тогда этому золоту была бы грош цена.

— Именно так, Алёша, — подтвердил Николай Васильевич. — Тогда рухнула бы вся мировая экономическая система. Возможно, поэтому наш изобретатель и не дожил до наших дней.

— Не дожил? — ахнула Глафира. — И что с ним случилось?

— Однажды он упал с восьмого этажа гостиницы, в которой жил, — ответил Чирков. — И я уверен, что это не было случайностью. Он носился со своими идеями повсюду, предлагал их и за деньги, и бесплатно, но его отовсюду гнали, как паршивого пса. Иные выслушивали его, сочувствовали ему, другие просто выгоняли. По всей видимости, однажды он столкнулся с человеком, чьи интересы он капитально затрагивал, в результате и оказался на асфальте.

— Боже, как несправедлив этот мир! — сочувственно воскликнула Глаша. — А как его имя, неужели о нём больше никто не знает?

— Почему же, — ответил Чирков. — Я знаю. В Америке его знали под именем Алекс Игнон, а на родине, в России, он был известен как Александр Астафьевич Игонин. Но только и на родине он никому не был нужен, потому и искал признания в чужих краях.

20

Питер Черрик приболел и потому уже четвёртый день проводил на своей съёмной квартире. Его личный врач успокоил больного:

— Ничего страшного, Питер, у вас просто лёгкая форма пневмонии. Почему же вы меня сразу не вызвали?

— Извините, просто не придал этому значения. Да и дела заели. Думал, что через день-другой всё пройдёт.

— Нельзя так шутить со своим здоровьем, — попенял доктор и добавил: — А вообще-то не всё так и страшно. Условие одно — несколько дней, пожалста, не выходите на улицу. И дела свои отложите, у вас что, заместителей нет.

— На заместителей надейся, да сам не плошай. Хорошо, я буду послушным мальчиком, — с улыбкой согласился Питер.

Когда врач ушёл, Питер начал читать книгу, которую он нашёл на полке. Автор рассказывал о вновь оживших призраках, которые бродили среди современных людей и устраивали им разные козни. Один из них вернулся в будущее, чтобы перевести весь род своей супруги, которая убила его, расчленила и скормила своим собакам. Другая женщина искала по свету идеального мужчину, похожего на своего любимого мужа, который безвременно ушёл от неё. Всё повествование было украшено различными страшными эффектами и сценами, от которых по всему тела Питера прокатывалась дрожь. Возможно, поэтому каждый звук в доме раздражал и пугал его. Вот скрипит старый лифт, вот щёлкает замок двери, где-то гудит пылесос, перекрикиваются служанки. «Что-то не так, — думает Питер, — о чём-то я забыл сегодня. О чём-то важном, а, возможно...»

Мысли Питера перебил звонок телефона.

— Чёрт, — выругался вслух Питер, — кому это я понадобился. Ведь предупредил же, чтобы меня не беспокоили.

Посмотрел на дисплей сотового телефона — номер совершенно незнакомый.

— Слушаю. Питер Черрик, — по привычке представился он.

— Петя, дорогой мой, здравствуй, — услышал он приветствие на русском, но не узнал голос.

— Кто это? — спросил он.

— Ну ты даёшь, братец, уже не узнаёшь одноутробных родственников? Да это же я, Аннушка.

— Анюта, сестрёнка, — закричал Питер в трубку, — извини, дорогая, не узнал. Я думал, что это какая-то дама...

— У тебя их так много, что не узнаёшь по голосам? Ах ты, повеса.

— Извини, Аннушка, мы с тобой так давно не виделись, что я забыл твой голос. Он сильно изменился, ты уже не девчонка, а настоящая леди, твоё контрольно сбило меня с толку. — Он услышал довольный смех. — Как твои успехи в философии и литературе?

— Хорошие, очень хорошие, — ответила сестра. — Я уже получила степень бакалавра и теперь учусь на магистратуре. С книжкой сложнее. Ты был совершенно прав, когда говорил, что у меня мало жизненного опыта. Придётся, видно, его набираться. Кстати, ты не забыл?

— О чём? — недоумевал Питер и услышал в трубке до боли знакомую песенку:

— С днём рождения тебя-а, с днём рождения тебя, с днём рождения, мой братишка, с днём рождения тебя-а-а.

Боже, как он мог забыть о своём дне рождения, недаром с самого утра его мучали какие-то странные предчувствия и воспоминания детства.

— Спасибо, Аннушка, спасибо, родная, — с чувством и мокрыми глазами ответил Питер. — Я и на самом деле забыл, что я именинник. Помнишь, как мы с тобой в этот день крали на кухне торт и украдкой ели его в кладовке?

Он услышал счастливый глубокий смех и голос Анны:

— Конечно, помню, Петя. А ещё помнишь, как мы с тобой разрисовывали

нашу милую Лузи под индейца, когда она выпивала на ночь и засыпала?

— Конечно, помню, Аннушка.

Они ещё долго вспоминали дни своего детства, и в конце разговора Анна добавила:

— Кстати, Петя, мой подарок уже ожидает тебя в твоём почтовом ящике. Чао, братишка, летом я обязательно приеду, и мы с тобой повеселимся, как прежде.

Но сюрпризы на этот день не закончились. Повеселевший после разговора с сестрой, Питер встал, оделся потеплее и вышел на улицу. Осень властвовала вовсю: в соседнем парке на деревьях уже золотилась листва, трава на газонах представляла собой природную пестрядь, по небу сильный ветер мчал тучи вперемешку с облаками, которые то занавешивали, то открывали густую синеву. Питер постоял, вдыхая свежий, прохладный ветер, взял из своего ящика почту и вернулся в квартиру. Слухи о пропаже его отца постепенно поутихли, ажиотаж по этому поводу исчез, и теперь журналисты и папарацци оставили их семью в покое.

В небольшой посылке он обнаружил несколько компьютерных дисков, на которых было написано рукой Анны: “Только для тебя, братишка. Особо конфиденциально!” Питер положил их в выдвижной ящик стола и снова услышал звонок телефона. С раздражением подумал: “Чёрт, видно, сегодня так и не дадут спокойно поболеть!” Звонил консьерж снизу:

— Господин Черрик, к вам какая-то дама. Она называет себя Эмили.

— Пропустите, — ответил Питер и отключил телефон.

Он узнавал свою мать, которая всегда представлялась только по имени и ни за что и никому не называла своей фамилии. Она объясняла это тем, что как светскую львицу и постоянную примадонну всех светских тусовок, глянцевого журналов и жёлтой прессы её должны узнавать лишь по одному имени. Раздался звонок в дверь. Питер нажал кнопку у дивана и услышал, как щёлкнул электрический замок.

— Питер, ты почему не встречаешь свою маму? — услышал он голос Эмили. — Твоя мама устала и хочет выпить горячего кофе.

Странно, но сейчас Питер очень хотел видеть свою непутёвую мать и ждал, когда она войдёт в комнату. И она вошла, одетая в простой шерстяной костюм светло-коричневого цвета, который так шёл к её каштановым волосам и тигриным глазам. Сегодня она была с минимумом косметики на лице, слабые тени у глаз, слегка поддурмяненные щёки и шоколадный цвет помады почти не скрывали морщин, отчего её лицо выглядело добрым, нежным и светлым. Куда делась прежняя светская стареющая львица, которая кружила головы молодым бой-френдам и соперничала с более молодыми львицами светского прайда.

В руках она держала неизменную коробку с его любимым тортом. Увидев Питера в постели, она спрятала приветственную улыбку и сказала:

— Ты болеешь, Питер. Извини, сынок, я этого не знала. Почему не позвонил, не сообщил, я бы обязательно тебя навестила.

Питер не узнавал свою мать: она, навестила бы его? Он просто не верил этому. Мать пристально посмотрела на сына и скривила свои губы.

— Ты думаешь, я не знаю, о чём ты думаешь? Представь себе, знаю. И ты

прав. Твоя мать дура и причём дура старая. Однако я пришла поздравить тебя, и себя тоже, с твоим появлением на свет. — Эмили подвинула стул к дивану, поставила коробку с тортом на стол и села. Потом склонилась над сыном и поцеловала его в щёку. — Поздравляю, сынок. И не ругай, пожалуста, свою непутёвую мать. Больше, чем она сама, так хорошо этого никто не делает.

— Мама, что с тобой? Ты так изменилась, — ответил Питер.

— Ага, заметил, — со злым торжеством сказала Эмили. — Как я тебе: лучше, хуже?

— Что ты, мама, — Питер привстал и прижался головой к груди матери, — конечно, ты стала гораздо лучше, красивее. Что-то произошло?

— Конечно, произошло — я постарела, сынок. И вообще я не понимаю, в чём дело: когда я ходила в лучших нарядах, когда я ходила в салоны красоты, в массажные кабинеты, в омолаживающие сауны и тому подобное, ты почему-то не принимал меня за мать, больше за подружку. А теперь, когда я подурнела, не крашусь, не виляю задом, ты принимаешь меня за мать. Не понимаю.

— Всё правильно, мама, ведь мамы должны стареть, а её дети взрослеть.

— Наверно, ты прав, сынок, природу не обманешь, кто пытается её обмануть, тот обманывает себя. Ну да ладно о грустном и прошлом. — Эмили сотворила перед глазами твердый и энергичный жест рукой, словно отгоняя от себя и сына это грустное и прошлое. — Кстати, что с тобой?

— Ты не переживай, мама, это всего лишь простуда.

— Ну, ладно, я уже не переживаю, — сказала она, хотя по глазам было видно, что это не так. Но Эмили умела брать себя в руки. — Что-нибудь известно об отце? — вдруг спросила она.

Этот вопрос не столько удивил, сколько насторожил Питера. Почему это вдруг она вспомнила о муже, с которым давно разорвала все отношения, кроме официальных, и то только из светского приличия. Эмили заметила его настороженность.

— Я понимаю, тебе трудно поверить в искренность моих чувств, но я действительно переживаю за него. Нет-нет, не из-за денег, ведь он... — Она на мгновение запнулась. — Ведь он часть мо... нашей жизни. Я его когда-то очень любила, этого бешенного русского эмигранта. Это потом что-то случилось. Со мной случилось. Ты не можешь мне сказать правды? — вдруг задала она вопрос.

— Нет, что ты, мама. Дело не в этом. Я и сам многого не знаю. Так, одни догадки и предположения.

И Питер стал рассказывать всё по порядку: о странных плавучих островах, о капитане Нормане, о лёгчиках и подводной лодке, о выводах Шелли Бёрна. Он не упомянул только о сеансах телепортации и разговоре по телефону. Выслушав сына, Эмили вздохнула и ответила:

— Это так похоже на него, и я не удивлюсь, если так происходит и на самом деле. Я не удивлюсь, если узнаю, что Ник поселился в кратере действующего вулкана и даже в самой преисподней, зная его авантюрный характер. Я не удивлюсь, что в один момент он вдруг появится дома и скажет: "Здравствуй, Эмили, извини за долгую отлучку, я больше никуда не поеду". И я точно буду знать, что он соврёт.

Пауза длилась долго, за это время Питер успел услышать тиканье настенных часов, звук копыры за стеной, которая вбивала в землю железобетонные сваи, грохот двери лифта и стук собственного сердца. Он взял мать за руку.

— Мама, ты так изменилась за последнее время, — снова повторил он. — Что-то случилось?

— Случилось, — задумчиво ответила Эмили. — Просто однажды я как-то выехала за город и попала на ферму.

И она рассказала о девочке-негритянке, встреченной на лугу, которая не приняла у неё дорогое ожерелье в качестве компенсации за то, что она нарушила частные владения, но зато взяла его с чистым сердцем в качестве подарка. И тогда она, Эмили, пожалуй, впервые в жизни поняла, что люди могут что-то принимать не в качестве оплаты, а в качестве подарка или помощи.

— Ты понимаешь, Питер, эта девочка рассказала о семье из соседней фермы, в которой много детей, рассказала о том, как им трудно живётся, что они попрошайничают, что им иногда нечего есть, что они никак не могут выбиться из нужды. Эта девочка — Боже, я забыла, как её зовут! — не жаловалась на свою жизнь, она сочувствовала другим. Ты понимаешь, Питер, другим! И тогда я впервые обозвала себя старой и стервозной сукой. Я подумала — чего не хватает мне, у которой всегда есть еда, одежда, квартиры, виллы, машины, драгоценности? Казалось бы, есть всё, а я вечно чем-то недовольна, на душе скверно, словно её изо дня в день травят ядом. И я спросила себя: почему так.

— И что же ты ответила самой себе, мама? — спросил Питер.

Эмили почему-то улыбнулась и ответила:

— Потому что эта душа живёт в клетке и травится своими же зловониями. Ты понимаешь, Питер, ведь в эту клетку заперла я сама себя и открыть её, чтобы душа моя стала свободной, могу открыть только я. Вот что я поняла.

— А дальше, дальше, мама, — настаивал Питер.

Эмили снисходительно хмыкнула.

— Ты знаешь, Питер, ещё два месяца назад я просто послала бы тебя ко всем чертям за такой вопрос, я непустила бы в свою душу никого. Ты понимаешь, никого! А теперь я даже рада, что могу поведать тебе обо всём. После разговора с этой девочкой-негритянкой... Боже, я вспомнила, как её зовут! Её зовут Элли, точно, Элли. Так вот, после разговора с Элли я три дня провалялась в постели и плакала, плакала так, что подушка стала тяжёлой, словно чугунной, от моих слёз. Я не знала, что делать, как жить дальше, мне хотелось просто умереть, чтобы не видеть и не чувствовать себя, своей грязью, которая налипла на меня за многие годы.

— Мама, — простонал Питер, — милая моя мама, как же ты страдала. Ты прости меня, что я тебя не понимал, что я не помог тебе.

— Человеку никто не сможет помочь, даже сам Господь Бог, если он сам этого не захочет, — жёстко ответила Эмили. — Однажды утром я встала с постели и увидела, что все занимаются своим делом: наш садовник копает землю под розовыми кустами, птички порхают среди веток и щебечут о чём-то, Лузи гладит мои платья, Стефан возится с моей машиной у гаража, и только я не могу найти себе занятие. И тогда я сказала себе: “Хватит! Надо и тебе, Эмили чем-то заниматься. Хватит лить слёзы по прошедшей молодости, рас-

смаatrивать в зеркале свои морщинки и сетовать на весь свет, что ты такая несчастная-разнесчастная. Пусть все увидят, что я ещё могу делать что-то полезное, а не только шиковать и приманивать к себе разных балбесов”.

Рассуждения Эмили прервал смех Питера, который катал голову по подушке и стонал.

— В чём дело, Питер? — строго спросила мать. — Тебе смешно то, о чём я рассказываю? Ну, знаешь.

Она уже встала и хотела уйти, когда сын сквозь слёзы, со стоном остановил мать:

— Мама, подожди, ты не так меня поняла. В те мгновения, когда ты рассказывала о себе, я понял, как вы похожи с отцом. Видно, не зря вы встретились на этой земле. Ваши характеры один к одному: то же упорство, та же целеустремлённость, иногда порывистость. Правда, отец намного вдумчивей и последовательней. Прости, мама, что я тебя прервал, рассказывай дальше.

— Если ты ещё раз засмеёшься, Питер, я встану и уйду, — грозно предупредила мать и снова села на стул. — Одним словом, я решила возродить благотворительную организацию, которой когда-то руководила. Ты же помнишь, лет десять назад у меня это хорошо получалось. Я возобновила старые связи, собрала старых друзей, разослала письма и сообщения в интернет о сборе средств для благотворительности. И, ты понимаешь, Питер, у меня это получилось.

— Я поздравляю тебя, мама, я очень рад за тебя. Мне стало намного лучше. Спасибо тебе. У меня давно не было такого прекрасного дня рождения.

— Это правда? — словно девочка, со смущением, спросила Эмили.

— Конечно, правда, мама, — ответил сын. — А сейчас давай пить чай с тортом, а то его съедят мухи.

— Хорошо, сынок, я сейчас вскипачу чайник, и мы с тобой будем праздновать. — Эмили пошла было на кухню, но на полдороге остановилась, повернулась и спросила:

— А ты знаешь, куда мы отправили свою первую благотворительную помощь?

— Думаю, догадываюсь, наверно, этой девочке-негритянке по имени Элли.

— Нет, не угадал, — ответила Эмили. — Элли вполне самостоятельная девочка, она сама всего добьётся в жизни. Да она и не приняла бы от меня этого подношения. Мы отправили первую помощь соседям этой девочки.

21

После почти двухмесячного плавания в океане ковчег возвращался к месту своей приписки. Всё его население, кроме тех, кто управлял рукотворной машиной, высыпало наружу, разместившись на высокой горе, и вглядывалось вдаль, стараясь заметить приближение земли. Сегодня на плавучем ковчеге отменили все занятия и работы. Особенно волновались аборигены, возвращавшиеся домой. По их лицам и поведению было видно, как они особенно возбуждены и счастливы.

Вместе со всеми стояли и супруги Подноветные. Вот на горизонте сначала словно бы всплыл из волн самый ближний, так называемый Маленький

остров. Через полчаса он остался справа и за ним показался Свиной остров. Алексей уже запасся биноклем от Делобеля, он с особым вниманием всматривался в то место, которое послужило ему с женой спасительным пристанищем, но дымка скрывала всё побережье. И уже когда они проходили траверз острова, морской ветер усилился, разорвал клочья тумана и прибрежной дымки и обнажил берег. Вот и скала, на которую он влезал, чтобы провести первую разведку. А где же та часть яхты, на которой бурей их прибило к берегу. Как ни старался Алексей, но так ничего и не увидел: по-видимому, обломки судна давно разбило об скалы, разнесло по берегу и затопило или унесло в океан. Глафира нетерпеливо выхватила у мужа бинокль и тоже стала всматриваться в место своего спасения.

— Ничего не видать, — комментировала она. — И свиней с козами тоже не видно. А где же наш ковчег? Ага, вот он, родненький, его почти замыло песком и галькой, только трубы торчат.

— Где? — спросил Алексей, — я ничего не увидел. Дай-ка бинокль-то, зацапала, посмотреть не даёт.

— Да подожди ты, — отмахнулась с досадой Глафира. — Там, кажется, кто-то есть. Точно, вон и костёр горит. Мамушка, да кто же это наше место захватил.

— Точно? — спросил Алексей, — тебе не мерещится?

— Да точно, — ответила Глаша, — только людей не видно. Может, там дикари объявились? — предположила она.

— Ну-ка дай, посмотрю, — на этот раз жёстко, по-мужски сказал Алексей и почти силой вырвал бинокль из цепких рук жены.

Всмотревшись, он и на самом деле увидел торчащие из прибрежного песка крепления яхты и дымок, поднимающийся над скалой. Что это, дым от костра или вихри расходящегося тумана, определить было трудно, а потом и вовсе невозможно, потому что плавучий остров начал удаляться и заходить за оконечность большого острова.

— Ну, чего там? — нетерпеливо спрашивала Глафира. — Увидел что-нибудь?

— Не знаю, — задумчиво ответил Алексей. — Непонятное что-то, да и яхта наша лежит как будто в другой стороне, поближе к скале. А ведь она была привязана веревкой к дереву. Проверить бы не мешало, вдруг там такие же бедолаги, как и мы.

Когда остров прибыл на свою базу, в бухту острова Альмендралехо, все их обитатели, как судна, так и суши, высыпали на берега и приветственно кричали и махали друг другу руками. Дети по ту и другую сторону визжали от восторга — одни оттого что прибыли на родину, вторые от нетерпения встретиться с родными. Травянистые берега плавучего острова медленно сходились с берегами, покрытыми пышной растительностью острова Альмендралехо. Прямо посередине островной дуги с высоты падал небольшой, но очень красивый водопад. Покрытые растительностью и мхами камни напоминали декорации к спектаклю, до того чёткими и яркими они были. Контуры залива и самого плавучего государства почти полностью совпадали по очертаниям, и скоро они слились в почти сплошной массив.

Глафира с Алексеем стояли рядом с Николаем Васильевичем, который словно первооткрыватель новой неизвестной земли, с просветлённым лицом смотрел на берег и вдруг сказал со вздохом облегчения:

— Вот мы и дома.

Долго причаливали, устанавливали сходни. И вот уже все сцепились в дружеских объятиях, кричат, целуются, беснуются от радости. Чели обнимал какую-то низенькую старую женщину, видно, мать, и подбрасывал на руках девочку лет четырех. На причаливший остров взойшёл крепкий мужчина лет сорока, подошёл к Чиркову.

— С возвращением, Николай Васильевич.

— Спасибо, Костя.

Они обнялись и по-русски, троекратно облобызались.

— Как тут? — спросил Чирков.

— Ничего, жить можно.

Николай Васильевич показал на Подноветных.

— Вот, Костя, знакомься, наши утопленники: Алексей, Глафира.

Тот представился:

— Очень приятно. Курбатов, вулканолог. Мне Николай Васильевич рассказывал о вас по радиосвязи. Вы русские, из России?

— Да, мы из Москвы.

Курбатов выдохнул:

— Москва. Сто лет там не был, хотя прошло всего четыре года. Кстати, и в России столько же.

— А вы здесь каким чудом, Костя? — спросил Алексей.

— Ну, вот что, — Курбатов легонько стукнул Алексея по плечу, — давай-ка на “ты”, негоже землякам по-волчьи выть.

— Договорились, — ответил Алексей.

— Вот и хорошо. Я так понял, что вы на нашем острове ещё не были. Тогда проведём экскурсию, а я буду вашим гидом. Не возражаешь, Глаша?

— Нисколько, — смеясь, ответила Глафира. — Я очень люблю экскурсии.

Они шли по неширокой вырубленной просеке, выложенной пластинчатыми камнями, и поднялись на гору. Константин остановился и попрыгал на одном месте.

— Вот здесь, по пустотам течет небольшая речушка, вода из озера выливается в залив. Вы видели водопад? Красиво?

Они поднялись ещё выше, и перед ними предстал огромный кратер, заполненный голубой водой. Берега озера и склоны кратера заросли лесами, лишь на северной стороне, откуда светило солнце, зеленели поля, засеянные пшеницей и овощными культурами. У отлогого берега озера ровными рядами стояли сборные щитовые домики, окрашенные в разные цвета.

— А нам рассказывали, что здесь стоят жалкие халупы, — сказала Глафира.

— Ну, с тех пор из этого озера вытекли миллионы кубометров воды.

— Господи, какая красота, — зашлась от восторга Глаша.

Было от чего прийти в восторг. В кратере, словно на картине, написанной с верхнего плана, были видны лодки, плавающие по озеру. Рыбаки вытягивали сети и выбирали рыбу, у домов царило праздничное оживление и суета, кто-

то рубил на склоне дрова и относил к домам, кто-то под плетёными навесами нянчил детей, в сторонке от общего оживления сидели кружками старики и о чём-то беседовали, из труб поднимались столбы дыма. Совсем в стороне несколько мужчин разделявали туши свиней и коз. Только вся эта жизнь была не нарисованной, а живой: с запахами, движениями, звуками, человеческой речью, с радостью, заботой, с эмоциями и тихим уютом.

— Ну, что, пойдём ко всем остальным, — перебил созерцание гостей Константин.

— Пошли, — согласился Алексей. — Только я не пойму, Костя, а тебе-то что здесь делать. Ты же, будто, вулканолог.

— А вы не догадываетесь? — спросил Курбатов.

— Нет, — ответила Глафира.

— Тогда пойдёмте на мою станцию, я кое-что вам покажу и расскажу.

Они зашли в опрятный домик, построенный на склоне, и Костя пригласил их на чашку чая, вскипятив воду в чайнике.

— У вас и электричество есть, — удивилась Глафира.

— Да, есть у нас небольшой генератор.

— И на чём он работает? — спросил Алексей.

— На газе, обыкновенный газ метан из отходов человеческой жизнедеятельности. Ну, хотите знать, почему и зачем я здесь оказался?

— Конечно, — в один голос подтвердили супруги.

— Тогда слушайте. — Константин прихлебнул из чашки. — Вулканами я занимаюсь, можно сказать, с детства. Ещё мои родители, тоже учёные-вулканологи, ездили по свету и исследовали причины и признаки землетрясений и извержений. Я и родился-то чуть ли не в кратере. Но дело не в этом. Однажды я прочитал в интернете сообщение, что на корабль требуется учёный-вулканолог для изучения сейсмической деятельности на одном из неизвестных островов, желательно, с крепким здоровьем и не обременённый семьёй, владеющий русским языком. А почему бы и нет, подумал я тогда, я такой и есть, не обременённый, полный сил и желания открыть что-то неизвестное и увидеть что-то новое, да и русский язык с детства знаю. Я, откровенно говоря, даже не знал, зачем, кто и куда меня приглашает, я просто собрался и прилетел в Америку к Николаю Васильевичу Чиркову. Затем меня посадили на яхту и привезли на этот остров.

Представьте моё удивление, когда я обнаружил, что на острове обитают люди. Чирков и Делобель рассказали мне историю открытия этих островов, о приключениях этих людей, волей судьбы попавших сюда. Меня со всей аппаратурой и приборами оставили с помощником здесь. Постепенно мы стали находить язык с островными жителями. Сначала объяснялись жестами, потом начали разговаривать на простейшем младенческом языке. Их вождь, старейшина Бати, как мог, объяснил мне, что их остров иногда трясёт, а вода в озере становится горячей. Мальчишки показывали мне, как увеличиваются год от года разломы на вершине острова, как иногда улетают с острова птицы, а потом возвращаются, как дрожит земля.

Однажды я заметил, что жители стали выбегать из своих халуп, садиться в лодки и выплывать на середину острова. Я сначала ничего не понял, не ощутил, не почувствовал, но потом по приборам определил, что неболь-

шие колебания всё-таки были. Я долго допытывался у жителей, как они определили, что остров дрожит, но они только показывали мне на насыпанные кучи сухого песка, назначения которых я сначала не понял. Оказывается, именно по ним жители определяли, что остров начинает трясти. В момент колебаний песчинки начинали двигаться от вершины к основанию. Как только дети это замечали, они поднимали тревогу, и все жители выплывали в лодках на озеро, чтобы искать там спасения. Вы понимаете, эти люди, сами того не подозревая, изобрели точнейший сейсмический прибор!

Одним словом, присутствовали все признаки, что потухший сотни тысяч лет назад вулканический остров может снова возобновить свою разрушительную или созидательную деятельность.

— Это как понять: разрушительную или созидательную? — спросил Алексей.

— Ну, это с точки зрения геологии, — стал пояснять Константин. — Во время извержения вулканические острова могут расти и расширяться, а могут и просто разрушаться и исчезать под водой. Но для людей, населяющих остров, и первый и второй сценарий был бы, конечно, губителен: здесь невозможно стало бы жить. Во время моих наблюдений стало ясно, что такой исход неизбежен. Об этом я и сообщил Чиркову.

— Именно тогда и пришла идея построить плавучий остров? — предположил Алексей.

— Именно тогда, — подтвердил Курбатов. — Конечно, у Николая Васильевича были и другие причины, но эта всё-таки одна из главных.

— А я-то всё думала, — вошла в разговор Глафира, — и зачем нужно было такой огород городить. То есть, я имела в виду строить этот плавучий остров. Теперь понятно. Но ведь жителям можно было просто переехать на соседние острова.

— Вряд ли это их спасло бы, — прихлёбывая уже остывший чай, ответил вулканолог. — Это на поверхности океана острова как бы отдельно, а там, под водой — это один массив, один кристалл, взрощенный извержениями. Они погибли бы и там.

— И сколько этому острову осталось жить? — спросила Глаша.

— Этого не знает и сам господь Бог, — ответил Курбатов. — Наука ещё не дошла до такого совершенства, когда она могла бы определять точное время извержения или землетрясения. Это может быть и год, и всего несколько дней. Несомненно одно, что это рано или поздно произойдёт.

— А как же ты, Костя? — спросил Алексей. — Ты же постоянно живёшь на этом острове, тебе не страшно?

— Нет, я все данные передаю на плавающий остров. Вот сейчас, например, наступила фаза наименьшей активности вулкана, так что риск минимальный. Это происходит на глубине десятков километров, так что пока ничего страшного.

— Да нет, я не об этом, — настаивал Алексей. — Ты не боишься, что можешь погибнуть?

— Ну и что же, я фаталист, да ещё и русский.

— А при чём здесь русский? — удивилась Глаша.

— А при том. Вы, наверно, хорошо знаете про русское «авось». Оно не раз выручало русский народ. И все в мире почему-то думают, что это не что иное, как наплевательское отношение к себе. Но это не так, совсем не так. Это, если хотите, ребята, шестое чувство, которое говорит, что всё закончится хорошо. Вот так.

22

Прожив несколько дней на острове, Подноветные перезнакомились со всеми жителями острова, да и к ним, как к новеньким, интерес был повышенный. Но особенно к ним привязалась девочка лет десяти по имени Кела. Оказалось, что на островном языке её имя означало “красная”. Когда Глаша спросила, почему её так называли, Кела ответила, что в этот день был очень красивый красный закат солнца. Келу поразили Глашины золотые серёжки с рубином, и она не отходила от неё ни на шаг. Сидя вечером у костра в компании с девочкой и увидев её пристальный взгляд, сосредоточенный на украшениях, Глаша спросила:

— Тебе это нравится, Кела?

Девочка кивнула. Глаша увидела, как загорелись синие глаза девочки, она отстегнула серёжки и на ладони протянула их Келе. Та схватила их и стала прикладывать к ушам, но они то и дело падали на землю. Глаша стала терпеливо объяснять девочке, что нужно проколоть уши, чтобы носить такие украшения. Кела спросила:

— Зачем? Больно.

— Конечно, сначала будет больно, но зато потом ты станешь самой красивой девочкой на острове.

Кела убежала, а потом вернулась вместе с матерью и стала что-то объяснять на языке жестов, показывая то на Глафиру, то на серёжки, то на свои уши. Женщина улыбнулась, потрепала дочь по волосам и показала что-то жестом, после которого малышка запрыгала от радости. Когда мать ушла, Кела стала повторять, держась за мочки ушей:

— Делай дырку. Кела хочет быть красивой.

Поняв, что от девочки не отвертеться, Глаша прошипела:

— Чёрт, и дёрнул же он меня хвальбуниться перед девочкой. Всё, Лёшка меня убьёт, ведь это его подарок на день рождения. Вот так, мамочка, если приручила сестру свою меньшую, так и расхлёбывай, — добавила она самой себе.

Глаша выпросила у матроса большую иглу с суровой ниткой, у доктора Хайфенга обезболивающее и проколола Келе мочки, объяснив ей, что нитки надо держать до тех пор, пока уши не заживут, и продергивать их дважды — утром и вечером. Сначала девчонка орала от боли, но зато каков был результат: через неделю Кела красовалась с новыми серёжками, и от неё не отходил табун девчонок. Лёшка простил выходку жене, оформив своё прощение так:

— Не расстраивайся, это всего лишь металл и окрашенный природой камень. И, если даст Бог, я тебе подарю вот такие рубины. — И он сжал два своих кулака.

— Да после таких серёжек у меня уши будут висеть до земли, — смеялась Глафира.

— Зато впредь тебе будет наука, простофиля, — философски заметил Алексей.

Однажды они вспомнили про костёр на Свином острове.

— Слушай, а может, там всё же кто-нибудь живёт, мается, как и мы, и не знает, что делать, — сказала Глафира.

— Может, — равнодушно ответил муж и задумался. — Надо бы сплавать туда. Я спрошу разрешения у Делобеля. Думаю, что он не откажет.

— Конечно, не откажет, — горячо поддержала Глафира мужа. — Если на острове кто-то есть и мы спасём их, то это будет нашим долгом, который мы отдадим за наше спасение.

— Высокопарно, но точно, — согласился муж.

Разрешение было получено на следующий же день, тем более что подошло время дойки коз. Выделили им тот же самый мотобот, который впервые увидел Алексей на Свином острове. Алексей предложил Глаше остаться, на что она по детски отпаривала:

— Это ещё почему, я первая заметила костёр. — И тут же преподнесла сюрприз и продемонстрировала мелкую женскую месть, показывая на Келу: — Она тоже с нами поплывёт.

Алексей понял, что спорить с ней бесполезно, и согласился лишь из боязни, что Глафира из упрямства прихватит с собой ещё с десятка девчонок. Боцманом был назначен Чели. В последнее время с супругами Подноветных он стал особенно болтлив, и потому всё то время, пока они огибали Свиной остров, Чели без умолку говорил, поглядывая через бинокль на берег:

— Почему вы подумали, что здесь кто-то есть. Вы думаете, что если вы попали на этот остров, то здесь может появиться кто-то ещё? Таких совпадений дважды не бывает. И вообще у нас мало времени на занятие этой ерундой, мистер Ливе сказал, что проверить, конечно, надо, но такая вероятность слишком мала. Мистер Ливе самый умный, он не станет говорить зря...

— Слушай, Чели, перестань болтать, — прервала его Глафира. — Мы знаем, что для тебя мистер Делобель царь, бог и отец, но если ты плавание вдоль берега называешь поисками, то, значит, я — мать Тереза. Надо обязательно исследовать берег.

Но Чели упорно твердил:

— Дыма нет, лодки нет, откуда тут люди. Надо коз доить, надо свиней ловить. Мистер Ливе...

— Послушай, Чели, — резко оборвал боцмана Алексей. — Давай пристанем вон туда. — Он показал рукой на мыс, где они когда-то жили с Глафирой. — Если там никого нет, то мы вернёмся за твоими козами, хорошо?

— Хорошо, — согласился Чели и приказал матросам пристать к берегу.

Когда Алексей и Глафира вышли на берег, который спас их когда-то от неминуемой гибели, они его не узнали. Половинка их яхты лежала совсем в другом месте, наполовину занесённая песком, водорослями и щебнем. Иллюминатор, который служил им входом, был весь забит песком, и в него невозможно было даже заглянуть. Алексей приказал матросам очистить вход. Когда Алексей залез внутрь, он не узнал своего прежнего уютного жилища: почти на треть оно было забито мокрым песком, прибрежной галькой, полусгнившей растительностью, обшивка покорёжилась и почер-

нела, и здесь был такой тяжёлый воздух, что Алексей уже через минуту выскочил наружу.

— Ну, чего там? — нетерпеливо спросила Глафира.

— Ничего, — откашливаясь, ответил Алексей. — Всё забито песком. Никого нет. Ребята, — обратился он к матросам, — давайте пройдем по берегу, вы туда, а вы сюда. Встречаемся через полчаса. Если... Ну, вообще, через полчаса.

Пока две группы исследовали берег, Алексей с Глафирой сходили на то место, где стояла их палатка, и где долгие дни было их становище. Но от него не осталось и следа. Алексей нашёл лишь обрывок верёвки на стволе дерева, за который был привязан их ковчег. Его, видно, оборвало во время сильного шторма, а саму половину яхты не унесло в море только потому, что её затопило водой и заполнило песчаным балластом. Глафира, которая исследовала окраину леса, вдруг закричала:

— Лёша, иди сюда!

Алексей подошёл к ней и спросил:

— Ну, нашла чего-нибудь?

Глафира показала на землю среди деревьев:

— Гляди, что это такое?

Алексей увидел след волочения, который то обрывался, то возобновлялся. Он совершенно не походил на человеческий след, но в нём было что-то странное и неестественное, будто кто-то на ноги вместо обуви надел огромные козлиные копыта.

— Может, тут завёлся циклоп, — шепотом сказала Глафира и сама же испугалась своего предположения. — Ой, мамочки!

— Брось пороть глупость, — осерчал Алексей. — Давай лучше посмотрим, куда он ведёт.

Через два десятка метров след неожиданно исчез. Алексей в недоумении огляделся.

— Что за чертовщина.

Он попятился и наступил на обломок сухой коры. Треск под ногами заставил его посмотреть под ноги. Он поднял обломок коры, глянул на землю и неожиданно рассмеялся.

— Ну и недотёпы мы с тобой. Ведь всё так просто. Ты видела сухое дерево?

— Ну, видела, — ответила Глафира.

— Вот. Просто сильным ветром кусок коры оторвало от ствола и протащило его по земле. А мы гадаем, что за циклоп здесь появился.

Они оба расхохотались и пошли назад, не переставая хохотать до самого берега. Группы ещё не вернулись, и они сели на тёплые от солнечных лучей камни. Алексей сказал:

— Наверно, ошиблись мы, нет здесь никого. Принимаем свои желания и фантазии за реальность. Как ты думаешь, Глаша? — Глаша не отозвалась. Он посмотрел ей в лицо. — Ты чего?

Глафира не ответила, она лишь приложила палец к губам и прошипела:

— Ш-ш-ш. За нами кто-то наблюдает. Я кожей чувствую, что меня сверлит кто-то взглядом.

Алексей инстинктивно огляделся, посмотрел на Глашу — не свихнулась ли, ответил:

— Хватит чудить, пошли. Вон, наши уже возвращаются.

— Вот и плыви с ними, а я останусь, — заартачилась Глафира. — Я ж говорю тебе, на нас кто-то смотрит.

— И откуда? — с усмешкой спросил Алексей.

— Оттуда. — Глафира пальцем показала в сторону скал.

Скоро возвратилась группа Чели, Алексей спросил:

— Ну что, Чели?

— Там никого нет, — ответил боцман и посмотрел в небо. — Надо плыть, солнце уже высоко.

По солнцу, это знал Алексей, Чели, как и все жители острова, определяя время. Алексей подошёл к жене, приобнял её за плечи.

— Пойдём, Глаша, ты же видишь, никого не нашли.

Глаша неожиданно расплакалась, покорно встала и пошла к шлюпке. Все уже погрузились в шлюпку, а Глафира до последнего момента оставалась на берегу и всё посматривала на утёс, словно ждала чего-то. Наконец и ей помогли забраться на борт. Она встала и вдруг закричала, показывая пальцем в сторону горы:

— Вон, вон, там! Смотрите! — Глаза её победно сияли, словно она только что одержала великую викторию. — Я же говорила! Там есть люди! Скорее, скорее!

Все повернули головы в ту сторону, куда показывала женщина, и увидели жиденькую струйку дыма, поднимающуюся с самой верхушки горы.

Все моряки во главе с Чели спрыгнули с бота и бросились в ту сторону, где горел костёр. Алексей поцеловал жену в щёку и сказал:

— Ты у меня умница. — Но твёрдо добавил: — Но туда ты не пойдёшь. Хорошо?

Глафира лишь покорно кивнула головой, показывая этим жестом, что она свою миссию выполнила.

Почти у самой вершины, на гладком уступе, моряки обнаружили два человеческих скелета. К счастью, живых. Это были мужчины. Они были босы, в изодранной одежде, едва-едва прикрывающей их срамные места. Лица их заросли волосами, которые спутались так, что невозможно было определить, где находится рот, нос и глаза. Один из них лежал неподвижно, и его можно было бы принять за мертвеца, если бы не открытый чёрный глаз, видневшийся сквозь густую седую поросль, который вращался в орбите. Второй, лёжа у небольшого костра, протягивал к своим спасителям иссохшую руку и мычал что-то нечленораздельное. Двигаться, тем более на своих ногах, страдальцы не могли. Их, словно пёрышки, спустили вниз и принесли к боту. Один из них, седой, потерял сознание, а второй, с рыжим клубком вместо головы, всё тянул к кому-то руку и стонал.

Как мудр народ, однажды приметивший, что если с глаз долой, то и из сердца вон. У Алексея и Глафиры, уже прошедших свои приключенческие эпопеи и прижившихся среди людей с неизвестного острова Альмендралехо, даже сердце не ёкнуло, когда однажды к ним пришёл доктор Гао Хайфенг и с надоевшей уже улыбочкой на лице сказал:

— А у меня к вам скулплиз.

Глафира первая вскочила со своей кровати и замахала руками.

— Нет-нет, дорогой доктор, если это новый лечебный суп или новая лечебная ванна, то меня наверняка вырвет.

Алексей к сюрпризу доктора отнёсся спокойно, потому что сидел за компьютером и записывал свои последние впечатления. Он вполуха слышал разговор жены с доктором и сказал:

— Не тяните, милый, добрый доктор Гао, преподнесите свой сюрприз.

— Для этого, дологой Алёса, вам надо пойти со мной. Это действительно новый вид ванны, только совсем длугого свойства. Пойдёмте, пойдёмте.

— Кстати, — прервала Глафира, — как там наши спасённые крестники, они пришли в себя? Почему нам с ними не разрешают разговаривать.

— Не всё слазу, Гласа, — отозвался доктор. — Запомните, если делать всё слазу и много, мозно надолваться и повледить своему здолвью. Каздое дело нузно делать постепенно и в мелу.

Чтобы прервать надоевшие нотации доктора, Глафира закричала:

— Доктор, миленький, я заболела от ваших нравоучений и занудства. Ведите нас, даже если это будет гильотина. Я согласна на любые сюрпризы.

— То-то же. Идите за мной.

Доктор Хайфенг привел их к больничным боксам, открыл одну из дверей и пригласил:

— Входите. — Сидевшей там медсестре сказал: — А вы полцаса, нет, цас, мозете отдыхать. Вот, вы хотели видеть своих клестников, позалста. Мозете дазе поговорить с ними. Ну, я тозе, позалуй, пойду, у меня есё много дел.

Двое спасённых лежали на кроватях, прикрытые до пояса белыми простынями. Сейчас их было не узнать, потому что они были помыты, наголо пострижены, побриты, правда, так же истощены, как и неделю назад. Переглянувшись друг с другом, Алексей и Глафира сели на табуретки, долго молчали. Первая, как всегда, осмелела Глаша, спросила:

— Как ваши дела, как здоровье? — Не получив ответа, продолжала: — Это мы вас спасли. — Снова молчание. — Вы на каком языке говорите, на немецком, английском, испанском?

Черноглазый протянул иссохшую руку, ощерил рот с истончёнными губами, отчего его улыбка походила на оскал мумии, и слабым голосом, по слогам произнёс:

— Что, Глаша, не узнаёшь? Или мы так сильно изменились?

Глаша вздрогнула и открыла рот в испуге, но другой мужчина сказал:

— Не пугайся, Глаша. Тебе это вредно — пугаться. Лёш, а ты чего молчишь, ведь мы когда-то были хорошими друзьями.

— Данила? — неуверенно откликнулся Алексей. — Это ты?

— Ну а кто же, привидение, что ли.

Глаша будто проснулась, посмотрела на черноглазого и неуверенно спросила:

— Саид, дорогой, это ты? Господи, как я рада-то. А мы ведь думали, что вы погибли. Когда вас нашли там, на острове, у меня даже сердце не ёкнуло. Я совершенно вас не узнала.

Глаша прижималась головой то к Саиду, то к Даниле и постоянно повторяла:

— Как я рада, как я рада, мальчики. А исхудали-то, исхудали, как мартовские коты. Как же это мы вас не узнали!

Данила погладил рукой волосы Глафиры и ответил слабым голосом, полным бодрости:

— Не журись, Глаша, были б кости, а мясо нарастёт. Посмотри, сколько у нас костей, — шутил он.

После получасового общения Глаша с Алексеем поняли, что их друзья по несчастью сильно устали: они вяло отвечали на вопросы, прикрывали глаза, беспомощно поднимали руки. Глаша поняла это первой, она ткнула кулачком в бок Алексея и с улыбкой сказала:

— Ну, ладно, мальчики, мы пойдём, нам пора. А вы отдыхайте, набирайтесь сил, наращивайте массу, принимайте лечебные ванны и ешьте лечебные супы. Мы обязательно будем вас навещать. Ой, мальчики, как я вам рада, как рада...

На этот раз уже Алексею пришлось вытаскивать словоохотливую супругу из бокса. Супруги по несколько раз в день навещали своих друзей, рассказывали о своих мытарствах и приключениях, а Саид с Данилой рассказывали им о своих.

23

Они были не новы для этого мира. Сколько писателей, киносценаристов, рассказчиков и художников пытались рассказать о различных приключениях людей, и всё равно каждый рассказ был по-своему свеж, оригинален, неповторим и интересен. Так и у Саида с Данилой.

Когда корабль, таранивший их, появился прямо перед носом яхты, Данила с Саидом находились в рубке. Корабль появился неизвестно откуда: из мрака, из пенистых волн, или просто упал вместе с дождём и грозой с неба или ещё откуда-то — они так и не поняли. Не поняли мужчины и того, был ли этот таран намеренным или случайным. Корабль шёл прямо на них, никуда не сворачивая, и в этом океанском хаосе не было никакой возможности вернуться от него, чтобы избежать столкновения. Единственное, что они успели сделать, — это нырнуть в каюту и задрать люк. А потом удар, потеря сознания, небытие, мрак.

Сколько они пребывали в таком состоянии, они не знали, потому что все приборы, исчисляющие время, были разбиты. Судя по щетине, образовавшейся на их лицах, прошло трое или четверо суток. Единственное, в чём им повезло, так это в том, что половина их яхты повернулась таким образом, что люк оказался сбоку, а иллюминаторы сверху. По солнечным лучам, льющим-ся внутрь, по мерным амплитудам волн они поняли одно — шторм закончился, и они живы.

Беда заключалась в другом: все съестные припасы, вода и спасательное снаряжение осталось на второй половине катамарана. В спальном отделении яхты, в котором они оказались, Саид и Данила нашли лишь туалетные принадлежности, с десяток пачек галет, которые любила грызть Глафира перед сном, и несколько пластиковых бутылок из-под воды. Все они были пусты, но на доньшках плескалось несколько глотков. Ими они смогли лишь смочить свои потрес-

кавшияся, иссохшие губы. После долгих поисков нашли в пластиковой упаковке две полные бутылки. По уговору решили пить по два глотка два раза в день.

Открыв иллюминатор, они вылезли наверх и исследовали пространство вокруг своего плавучего прибежища: ни островка, ни судна, ни одного предмета, за который мог бы зацепиться взгляд, как за спасительный поплавок, лишь яркие, слепящие блики от солнца, шипящие волны и круговой пустой горизонт. Саид и Данила искренне были уверены, что их друзья погибли, и сильно горевали по этой потере. Но скоро горевания и сожаления заменились другими чувствами: чувствами жажды и голода. Голод ещё можно было терпеть, но постоянная жажда отнимала силы и иссушала мозги. Скоро пресная вода закончилась. Они стали пить маленькими глотками солёную морскую воду, бунтующий организм на время затихал, а затем начинал просить очередной, ещё большей порции. Им казалось, что появившись сейчас океан пресной воды, они выпили бы его весь.

В один из таких моментов, когда они, совершенно обессиленные, лежали на матрацах, на Саида вдруг нашло озарение, он вскочил, как бешеный, и закричал:

— Данилка, какие же мы с тобой идиоты. Мотор, мотор!

— Какой ещё мотор, — слабо отреагировал на вспышку радости Данила.

— Ты что, совсем спятил.

Саид подошёл к товарищу и стал его тормошить.

— Ты понимаешь, в моторе есть вода!

— Какая вода, откуда? — не понимал Данила.

— Охлаждение, охлаждение! В системе охлаждения вода, хорошая пресная вода.

Данила привстал со своего ложе.

— Ты шутишь? Ведь это же мотор для морских судов, в них вода для охлаждения берется из-за борта.

— Да нет же, нет! У этих моторов, которые мы поставили на яхту, своё, автономное охлаждение, — кричал Саид и показывал на моторный отсек. — Там, в рубашке, простая пресная вода. В расширителе она тоже должна быть, потому что всего два назад я наполнил его полностью, а там целых пять литров. — Он на несколько минут затих и с грустью добавил: — Если она, конечно не вытекла.

— Разве не тосол?

— Какой тосол, зачем тосол, мы же не в России живём, у нас морозов нет, зачем в Египте тосол. — Саид стал пританцовывать, изображая арабский танец. — А-ля-ля, а-ля-ля, а-ля-ля-ля, а-ля-ля! Ты понимаешь, друг Данила, у нас есть теперь вода. Пошли скорей, пошли, бери пустые бутылки.

Схватив Данилу за руку, он тащил его в моторный отсек. Забравшись туда, Саид потрогал пробку у радиатора охлаждения и ощутил на своих пальцах влагу. Он слизнул капли воды со своей ладони и закричал снова:

— Есть вода, есть! Давай скорее бутылку!

— Подожди, — остудил пыл товарища Данила, — дай-ка я посмотрю. Тут надо осторожно, а то вся наша водичка выльется к чёртовой матери.

Он отстранил Саида от мотора, долго изучал двигатель, ощупывал патрубки и, наконец, сказал:

— Неси, Саид, сюда все бутылки.

Инструмента никакого не оказалось, Данила еле стащил с трубки самый тонкий патрубок, и из него полилась вода, настоящая вода. Данила наполнил водой все бутылки и снова натянул гофрированный патрубок на трубку. Одну бутылку выпили сразу одним махом. Вода оказалась мутной, желтоватой, с привкусом горечи, пахла маслом, ржавчиной и ещё чем-то неопределимым, но всё же это была пресная вода, источник жизни. Саид потянулся ко второй бутылке, но Данила решительно пресёк это дело:

— Хватит, Саид. Ещё неизвестно, сколько нам придется качаться в этой морской колыбельке. Оттого, что ты будешь пить ведрами, жажда не уменьшится. Иногда хватает и глотка. А ты хочешь выпить всё и сразу.

Саид виновато улыбнулся:

— Извини, друг, ты, конечно, прав, но я очень сильно хочу пить. Дай мне ещё хотя бы три, нет, четыре глотка. Ты же понимаешь, я человек южный, горячий, чтобы меня остудить, воды надо больше.

Только сейчас до Данилы стало доходить, что Саид способен шутить, и засмеялся.

— Чертяка, ты меня напугал. Я и на самом деле подумал, что ты за один присест хочешь выдуть весь радиатор. И всё же нам придется экономить. Ты согласен?

— Конечно, конечно, дорогой мой друг, только ради Христа, не поминай всуе шайтана.

Они подсчитали, какой объём воды может оставаться в радиаторе, разделили на предполагаемый срок своего вынужденного путешествия, две недели, и получилось, что в день они могли потреблять не более литра. Чтобы организм не перегревался и не переохлаждался, они открывали на день иллюминаторы, а на ночь их закрывали. Оставшиеся после Глафиры галеты, которые она сосала во время путешествия, мало способствовали поддержанию организма в рабочем состоянии, и отшельники стали подумывать, как бы обеспечить себя пищей. Однажды Данила рылся в своём рюкзаке и нашёл моток рыболовной лески, которую он, как заядлый рыбак, на всякий случай засунул и совершенно инстинктивно засунул в рюкзак.

— Вот, — закричал он, — вот, смотри! Саид, мы будем ловить рыбу. Леска уже есть.

— А где возьмёшь крючок, наживку, а? — спросил Саид.

— Придумаем что-нибудь, — ответил Данила.

На это “придумаем” ушло ещё три дня. Поплавок сделали из куса пенопласта, который нашли под обшивкой каюты, крючок смастерили из шурупа, вывернутого из кровати. Правда, для отвёртки пришлось пожертвовать дюралюминевой расческой, с которой Данила не расставался со студенческих лет, и которую ему подарила его подруга Ленка. Затачивал он её об шероховатый корпус двигателя и при этом говорил:

— Если бы моя однокурсница Ленка знала, на что пойдёт её подарок, она убила бы меня в первый же день нашего знакомства.

— Э, друг, зачем смотришь только с одной стороны, — отвечал Саид, — Если твоя девушка узнает, что её расчёска спасла тебе жизнь, она будет

гордиться собой, а если ты выживешь, то ты найдёшь эту замечательную девушку, и до конца своей жизни будешь целовать ей ноги.

Данила обдумал такую возможность и перспективу и ответил:

— Может, вместо расчёски в качестве отвёртки я нашёл бы и что-нибудь другое.

— Может быть, — отозвался Саид. — Но тогда ты не вспомнил бы свою молодость и свою первую любовь.

— Слушай, Саид, на Востоке все такие философы и зануды, как ты?

— Конечно. Ведь недаром все древние мудрецы были родом с Востока.

Когда была готова снасть, Данила забрался на “палубу” и стал ловить рыбу. Мучился часа четыре, но ни одной поклёвки так и не дождался.

— Конечно, что она, дура, чтобы бросаться на пустой крючок, — ворчал он, спустившись вниз. — Нужна какая-то наживка, а нам самим жрать нечего. А, может, её тут и нет, этой рыбы.

Однажды Саид перебирал Глафирину косметику, которая осталась в каюте. Взяв карандаш помады, долго вертел его в руках, потом спросил:

— Послушай, Данила, а из чего делают натуральную косметику?

— А чёрт её знает. Кажется, из жиров, ну и добавки там разные. А что?

— А крем для рук? — спрашивал Саид.

— Вот пристал, — ворчал Данила. — Зачем тебе это: крема, пудры. Лучше бы ты ложился и не расходовал свою драгоценную энергию на пустые разговоры.

— А жир можно использовать для приманки?

Тут уж Данилавскочил с места, закричал:

— Молодец, Саид, ты настоящий восточный мудрец.

На следующей же зоре была первая поклёвка, но что это была за рыба, Данила так и не узнал, потому что она сорвалась с крючка. Тем не менее, Данила радовался, как ребёнок и кричал:

— Клёёт, клёёт! Саид, у нас обязательно будет еда, вот увидишь, вот только усовершенствую крючок.

Крючок он усовершенствовал ещё два дня. Для этого пришлось отвинтить еще девять шурупов, чтобы отделить от рундука два металлических крепления. С их помощью, словно на наковальне, он придал крючку нужную форму и сделал на конце что-то похожее на бородку, чтобы рыба не соскакивала с крючка. Затем выдрал из матраца кусочек поролона, обмазал его губной помадой и насадил на крючок.

Первая же поклёвка была удачной, Данила вытащил рыбу килограмма два весом. Он держал её дрожащими руками, ощущая биение силы и жизни, и кричал:

— Поймал, поймал!

Они разрывали рыбину руками и ели сырой. Пить уже не так хотелось, но и пищей это было назвать трудно. На второй же день их, что называется, “пронесло”. Они по очереди выскакивали на “палубу” и подолгу сидели на ней, сняв штаны. А потом лежали, обессиленные от поноса, и уже не разговаривали друг с другом. Затем они догадались вялить рыбу на солнце. Всё чаще, выбравшись наверх, они сидели спинами друг к другу и смотрели на горизонт, пытаясь высмотреть клочок суши или мачту какого-нибудь судна. Но

водный круг, на котором они обитали, как и предыдущие дни и недели, был пуст. Лишь однажды этот круг разорвался.

Саид первым заметил это, он встал, что-то замычал и показал рукой на север. Данила пригляделся и действительно заметил на горизонте какое-то движение. Это что-то то исчезало, то появлялось вновь, но оно приближалось к ним. У путешественников от бессилия и долгого молчания пропали голоса, но они оба встали, замахали руками и закричали. Но вряд ли это глухое мычание можно было принять за крик. Да и оно скоро прекратилось, потому что оба увидели, что к ним приближалась огромная колония китов.

Вот она приблизилась к ним, а затем проследовала мимо. Киты то ныряли, то вновь всплывали, выпуская фонтаны брызг и показывая могучие горбы своих тел. Но на путешественников никто не обратил внимания. Лишь один кит, как показалось Даниле, посмотрел на них и будто подмигнул, говоря: “Чего же вы здесь сидите, человеки, плывите с нами. С нами хорошо”. Но вот китовое стадо проплыло мимо них и скоро совсем исчезло за горизонтом. Данила не мог сдерживать слёз. Но слёзы эти были настолько скупы, что их хватило на две слезинки, скатившиеся с его щёк и упавшие в солёные воды океана. В те секунды Данила подумал, что океан, возможно, и состоит из миллиардов и миллиардов слезинок, которое человечество пролило за время своего существования.

Путешественники потеряли счёт дням и уже не выходили наружу. Запасшись сушёной и вяленой рыбой, они просто лежали и наблюдали за тем, как усыхают их тела, как с каждым днём всё лихорадочнее блестят их глаза, чувствовали, как меньше и меньше становится сил. Саид переносил своё состояние труднее, Данила часто слышал, как тот, засыпая, что-то кричал на арабском языке, словно зовя кого-то на помощь, иногда из его уст доносилась мусульманская молитва, хотя по вероисповеданию он был христианин, иногда что-то бормотал и гулюкал сквозь смех, словно играл с ребёнком.

Однажды Данилу вырвал из забытия какой-то странный, посторонний звук. Это был не шёпот волн и не стук катающихся по полу предметов, это не было то, к чему привык его слух. Звук доносился снаружи. Он напоминал звук, когда косарь останавливался на покосе, доставал оселок и начинал точить косу: шшиик-шшиик, шшиик-шшиик. Но откуда бы взяться косарям посреди океана. Данила прислушался — не показалось ли? Нет, не показалось, снова: шшиик-шшиик, шшиик-шшиик. Он осторожно поднялся на ноги, высунул голову из иллюминатора и совсем рядом увидел пёструю, сизо-зелёно-оранжевую птицу.

Птица, как ему показалось, удивлённо посмотрела на него, но не испугалась, не улетела, а начала клювом чистить перья, то и дело встряхиваясь. Данила обмер: боже, птица! Но если на их судне, перед его глазами, сидит птица, то, значит, должна быть и земля, где она обитает. Или это морская птица, которая живёт посреди моря и питается рыбой? Но всё равно рядом должна быть земля.

Данила стал нервно оглядываться вокруг, пытаясь увидеть что-нибудь, но на горизонте ничего не заметил. Откуда же взялась эта пернатая провозвестница. Он ещё раз, более внимательно и медленно стал взглядом осматривать окрестность и, наконец, увидел, как на юге, как раз там, куда плыли киты, в волнах то появляется, то исчезает предмет, похожий на кусок антрацита.

И этот кусок перемещался, он плыл! Но это не было останками разрушенного бурей судна. Кусок антрацита с каждой минутой всё больше и больше возвышался над водой, вот около него уже появляется зелёная полоска, и эта полоска становится всё выше и шире. Земля! Земля! Но эта земля смещается вправо, она может исчезнуть. Нужно что-то делать. Но что? Они бессильны что-либо предпринять, видно, сам рок, злой рок, уносит их от спасительного сухопутного прибежища.

Данила не помнил, как скатился вниз, как тормозил Саида, как что-то ему кричал, как они поднимались наверх. Он помнил только одно: страшный удар, перевёрнутое небо, всплеск воды, темнота. Он помнил, как чуть не захлебнулся, но не помнил, как они оказались на берегу. То ли помогло само провидение, то ли течение, которое проносило их мимо спасительной земли, прибило их к берегу, то ли потусторонние силы, которые помогли им доплыть. Этого он не помнил, не знал, да и не хотел помнить и знать.

Когда он очнулся и открыл глаза, то первое, что увидел: это берег с тёплым песком, на котором он лежал, чёрные скалы, зелёный лес и Саид, лежащий метрах в десяти от него. Только сейчас Данила посмотрел на себя и на Саида, будто со стороны. Вместо Саида на берегу лежал человеческий скелет, обтянутый серой кожей и прикрытый полуистлевшими обрывками одежды; заросшая, словно кокосовый орех, голова товарища была неестественно свернута набок, и что самое удивительное, черные, почти смоляные волосы Саида превратились в неестественно белые, такие белые, что даже на песке они выделялись ярким пятном. «Наверно, умер, — равнодушно подумал Данила про Саида. — Почему же он так быстро поседел?»

Данила осмотрел себя и усмехнулся: он был ничуть не лучше Саида — те же кости, та же серая сморщенная кожа, те же полуистлевшие обрывки на бёдрах, которые прежде были шортами. Но в отличие от товарища он был ещё жив и мог двигаться. Данила попробовал встать, но всё — море, берег, небо — вдруг перевернулись, закружились, куда-то упали, а потом вознеслись вверх. Он понял, что упал. «Похвалился, — угрюмо и зло подумал Данила, — вот тебе и живой». Вставать он больше не стал, пополз к лесу по-пластунски, как когда-то его учили в армии: правая рука, левая нога вперёд, толчок, левая рука, правая нога вперёд, толчок. Вот и первые кусты. Листья на них были сочными, свежими, даже мокрыми от испарений из земли. Данила срывал их пучками и жадно отправлял в рот, он не чувствовал ни вкуса, ни запаха, он просто чувствовал, что живот его набивается, а там, внутри, кто-то жадно и нетерпеливо, по тигриному, урчит, пережёвывая эту массу.

Еда отняла столько сил, что он, кажется, заснул. Или ему это показалось, может быть, он просто на минуту закрыл глаза, а потом открыл их. Во всяком случае, когда он сел и огляделся, то Саида не увидел. Он хотел крикнуть, позвать товарища, но вместо крика из горла вырвался лишь жалобное и хриплое «а-а-а». И тут он увидел Саида. Тот лежал у чёрной скалы, скрёб рукой по камням, словно хотел взобраться наверх. Данила нарвал листьев и, сжав их в кулаке, пополз к Саиду, но в листья тут же набился песок. Данила вернулся, наломал веток, сжал их зубами и снова пополз.

Когда он дополз до скалы, Саид уже затих. Данила перевернул товарища на спину, прислушался: слава богу, тот был ещё жив. Он стал бить его по щекам.

Саид открыл один глаз, вроде бы даже улыбнулся и открыл рот. Данила стал засовывать в его рот листочки, сначала один, второй, третий. Саид не реагировал, потом сделал первое жевательное движение, второе, третье. Затем его челюсть открывалась и закрывалась почти безостановочно.

— И даже когда у меня не осталось ни одного листочка, — рассказывал Данила Глафире и Алексею, — Саид открывал и закрывал рот. Это было так смешно.

— Не издевайся над больным человеком, — сказал Саид с соседней кровати. — Это большой грех.

— Ты хоть помнишь это? — спросил Алексей.

— Слава богу, ничего не помню, — ответил Саид и вздохнул. — Да и вспоминать не хочется.

— Подождите, ребята, — вмешалась в разговор Глаша, — а как же вы на скалу-то забрались? Там ведь высоковато даже для здорового человека.

На этот раз вздохнул уже Данила:

— Эх, Глашенька, ты даже не знаешь и не понимаешь, что такое жажда к жизни. Когда человек хочет жить, он способен на самое невероятное. Если бы сейчас меня заставили проделать то же самое, я бы не смог. А тогда... — Он на несколько секунд задумался. — Я даже не знаю, не могу определить, что тогда мною двигало. Просто помню, что весь следующий день мы карабкались по этим камням, мы сбили всю ноготь на руках и ногах, колени и локти были разбиты в кровь. И всё-таки мы добрались до верхнего уступа. На что надеялись, не знаю. Просто сверху мир виделся шире, дальше, там больше было надежды, вот и всё.

— А костёр, — не отставала Глафира. — Из чего вы разводили костёр и, главное, чем вы его разжигали?

— Это-то и было самым неожиданным и чудесным! — воскликнул Данила. — Когда мы поднялись на этот уступ, там уже была сложена большая куча хвороста, а рядом лежала газовая зажигалка.

Неожиданно Алексей засмеялся:

— Так вот где я её посеял. А я-то искал её и в песке, и в ковчеге, и у костра, и в палатке. А у тебя, Глаша, и на самом деле память девичья. Ведь это же мы раскладывали там сигнальный огонь на всякий случай. Да и вообще удивительно, что мы оказались на одном острове, правда, в разное время.

В это время в палату вошла медсестра и знаком приказала гостям удалиться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Секретарь Питера Черрика вошёл в кабинет шефа. Питер недовольно проворчал:

— Ну что за необходимость конфиденциального разговора, Марк? Ты же знаешь, что после пожара на верфи меня каждую секунду теребят страховые компании.

— К вам, сэр, рвётся на приём какой-то странный тип. Я ему говорил, что вы очень заняты, но...

— Что ему надо?

— Он не говорит.

— Так пошли его к чёрту, желательно к настоящему, если он ничего не желает объяснить.

— Так, сэр, но он передал вам вот это. — Марк протянул записку.

Питер раскрыл конверт и прочитал записку: "Питер, я знаю, что ты очень занят, но дело касается жизни и смерти твоего отца. Шелл". Нахмурился, откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза. Потом выпрямился.

— Хорошо, позови его, Марк. И постарайся, чтобы минут хотя бы десять нам никто не мешал.

На этот раз детектив был не в кроссовках и поношенных джинсах, а в приличном костюме стального цвета. Увидев удивление в глазах Питера, ответил:

— Мне, Питер, неприлично было являться в твой офис в рабочей одежде. — Он сел на стул, закинув ногу на ногу и обнажив длинные, почти до колен, темно-синие носки. — Я задержу тебя не больше, чем ты того захочешь.

— Что это за дело, касающееся моего отца? Ты что-нибудь о нём узнал или у тебя просто очередные догадки?

Шелл улыбнулся.

— Питер, давай не будем лукавить, мы оба знаем, где находится твой отец. Но, к сожалению, об этом скоро узнают и многие другие. Если уже не знают.

— Объясни.

— В одном военном ведомстве у меня есть, — он закашлялся, — ну, скажем так, хороший друг. Он работает секретарём у мистера Керри.

— Кто это?

— Это командующий военно-морскими силами.

— Ну и что?

— Так вот, этот хороший друг говорит, что военное ведомство сильно заинтересовалось неопознанным плавающим объектом.

— Так. Дальше.

— Подключаются очень серьёзные силы: разведка, спецавиация, космос. — Бёрн помолчал. — Я, конечно, не верю, что они сразу обнаружат этот остров, но будут рыть ему яму до конца. Ты же понимаешь, военные, особенно наши, не любят, если на планете Земля происходит что-то против их воли, тем более, непонятно и неизвестно откуда взявшееся. А если они не знают, то обязательно предполагают, что это может быть опасно.

Пытаясь не выдать своего внутреннего волнения, Питер спросил:

— А при чем здесь я, я-то что могу?

Шелли наклонился над столом, тихо сказал:

— Питер, ты должен понять, что я с тобой, с вами и с твоим отцом. Игры с государством опасны. Если, я подчёркиваю, если у тебя есть связь с отцом, предупреди его. Наша система стирает с лица земли целые государства, и она не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить плавающий остров.

Наступила пауза, долгая, гнетущая, после которой зазвенело в ушах. Питер долго сидел, закинув руки за голову. Да, он должен предупредить отца. Но как? Ведь у них связь односторонняя. Четверг завтра, но выйдет ли отец снова на связь, Питер не знал. Но сейчас Питеру предстояло решить, рассказать ли сыщику всё или подождать. В конце концов, часть правды — это тоже признание:

— Шелл, мне нет оснований не доверять тебе, но дело в том, что я на самом деле не имею связи с отцом. Вернее, она есть, но односторонняя. Я не знаю, почему отец так сделал, но это так. Лишь однажды он позвонил мне по сотовой связи, о чём я тебе уже рассказывал, и всё. Я не могу рассказать тебе всего, потому что поклялся отцу... Я сделаю всё, чтобы связаться с ним. Будем молить бога, что всё будет хорошо.

— Хорошо, Питер, — ответил сыщик, — я, со своей стороны, все сведения, которые касаются неуловимого плавучего острова и твоего отца, буду передавать тебе.

На этом они расстались, не подозревая, что в верхних эшелонах власти тоже разворачиваются события, связанные с этим делом.

Командующий военно-морскими силами США Керри уже разговаривал с руководителем аэрокосмических сил Верхайденом по секретной линии:

— Послушай, Роджер, даже если эти сведения не верны, лучше лишний раз перестраховаться.

Из трубки доносился гортанный насмешливый голос Верхайдена:

— Артур, ты сначала убеди меня, что этот мифический остров, который будто бы угрожает безопасности Соединенных Штатов, существует. Дорогой, то, что ты представил — это не более чем фантазии и инсинуации. Ну да, видели там что-то подозрительное, ну да, гипотетически оно может угрожать кому-то. А что, этот плавающий объект обладает атомным или каким-то другим сверхмощным оружием? Не смей меня.

— Но, Роджер, что тебе стоит перестраховаться и отдать приказ просканировать те участки океана, где был замечен этот объект?

— Просканировать океан, легко сказать! Ты это серьёзно? Ты говоришь так, будто ты хочешь положить фотографию своей блудницы в сканер и отпечатать её, чтобы получить рассмотреть её голую попу! Ты вспомни, как искали нашего знаменитого путешественника Стива Фоссета, который пропал на своём самолёте? Были привлечены огромные силы: самолёты, вертолёты, десятки поисковых групп, вся аэрокосмическая разведка, тысячи компьютерщиков-аналитиков. И что получили — шиш на постном масле! Были сделаны сотни и тысячи фотографий из космоса! А ведь искали Фоссета на территории в десятки раз меньшей той, на которой предлагаешь искать ты, Артур. Я тебе скажу, Артур, что искать этот остров в океане всё равно, что песчинку в

пустыне. В океане тысячи необитаемых островов и островков, и что ты прикажешь делать: высаживаться на каждый из них и шарить по джунглям — а не спрятано ли там секретное оружие?! Да и доказан ли сам факт, что такой остров существует?

— Хорошо, Роджер, ты как хочешь, а я подстрахуюсь, — сказал в ответ Керри. — Я предоставляю твоему ведомству все документы, какие у нас есть. Изучайте, анализируйте, принимайте решение, а я, как говорят, умываю руки. Кроме того, я пошлю аналитическую записку в администрацию президента, пусть там тоже посмотрят, — пригрозил в конце Керри.

— Подожди, Артур, зачем же так горячиться, — снизил свой тон Верхайден. — Зачем же сразу к президенту. А вдруг это обыкновенная газетная утка, ты же знаешь, как наше медиа-сообщество умеет раздувать сенсации из мыльных пузырей. Мыльный пузырь только поднимется да тут же лопнет, а ты лови его. Кроме того, это такие затраты...

— Значит, ты жалеешь денег, Роджер? А ты не жалеешь свою задницу, если вдруг облажаешься? Америка — это целый континент Земли, у неё денег столько, что если им устлать все пустыни, то они станут зелёными и цветущими. Так что ты надумал?

Скрежет зубов в трубке говорил о том, что Роджер Верхайден сдаётся, но он осторожно ответил:

— Хорошо, мы попробуем, но только после того, как ты перешлешь нам все материалы. Как ты понимаешь, бронезилет для моей задницы тоже не помешает. Сначала мы задействуем систему воздушную систему АВАКС и, если это ничего не даст, подключим космическую группировку. Ты доволен, Артур?

Керри хмыкнул:

— Сегодня моя крошка будет мной довольна.

* * *

... Сегодня Питер Черрик сидел в своей секретной комнате, как на иголках. После того, что сообщил ему Шелли Бёрн, он, пожалуй, впервые и всерьёз обеспокоился судьбой отца. Бёрн прав: если такое государство, как Америка, всерьёз заинтересуется этим плавучим островом, и если именно на нём находится отец, то... Питер не мог даже мысленно представить, что может тогда случиться. Такая мировая держава, как его родная страна, вряд ли оставит в покое противника, даже такого, как этот таинственный, призрачный плавучий остров. Питер не мог сидеть на месте, он ходил из угла в угол, постоянно глядя на циферблат часов, то подходил к окну, глядя на моросящий дождь, то тупо смотрел на монитор ноутбука и мысленно повторял одно и то же: "Ну, позво-ни же, папа, свяжись со мной. Ты мне очень нужен. Ну, пожалуйста, папа!" На часах уже без семи, без шести, без четырех, без трёх, без двух, без одной минуты восемь. Восемь!!! Одна минута, две минуты, три минуты девятого. Всё, ждать больше бесполезно! Отец всегда был пунктуален настолько, что по нему можно было проверять часы.

Питер со злостью захлопнул ноутбук и стал надевать свой бежевый плащ. Взял со стола ключи и взялся за дверную ручку. И в этот момент пропищал зуммер. Питер вначале даже не понял, то ли это загудел электропривод замка,

то ли скрипнули по полу подошвы ботинок. Но зуммер прозвучал второй раз, и тогда Питер бросился к аппарату космической связи.

— Да! — закричал он в трубку.

— Здравствуй, сынок, — зазвучал в ответ спокойный голос отца. — Ты извини, я сегодня немного запоздал. — Отец был таким же, как всегда, он извинялся за неудобства, причинённые другим людям. — Ничего серьёзного, просто забарахлила аппаратура.

— Здравствуй, папа, — снова закричал Питер, — я так рад слышать тебя.

— Я тоже, сынок.

— Ты так давно не говорил со мной. Что-то случилось?

— Нет, нет, ничего. Просто мои специалисты доводили аппарат телепортации до ума. А ты чем-то обеспокоен?

— Да, папа, очень, мне очень много нужно тебе сказать.

— Хорошо, сынок, но это немного попозже.

— Папа, ты не понял, это очень важно и очень срочно! Ты не можешь мне отказать! — закричал Питер.

— Ты меня тоже не так понял, сынок, — со стоическим спокойствием ответил отец. — Я сейчас буду у тебя. Включай приёмную аппаратуру.

Питер нажал кнопку. В стеклянном цилиндре появилось свечение, треск, и внутри него проявились контуры отца. Через несколько минут эти контуры превратились в плоть. Отец стоял в своём любимом синем костюме с серыми вертикальными полосками, в светло-голубой рубашке и галстук. Он знаком показал Питеру отключить установку и открыть дверку камеры.

Через некоторое время отец перешагнул порог и очутился в комнате. Питер бросился к нему, но тут же остановился, словно боясь чего-то. Отец улыбнулся.

— Не бойся, сынок, подойди ко мне. Обнимемся, что ли, сынку, — сказал он по тарасобульбовски.

Они обнялись и долго стояли так, словно впервые в жизни ощущая прикосновение друг к другу. Питер боялся, что тело отца будет неподвижным и холодным, будто у бесчувственного железного робота, но на самом деле оно было тёплым, податливым и нежным, как и прежде. Наконец, они оторвались друг от друга, отец посмотрел в сыновьи глаза и сказал:

— Ты всё такой же, Питер. Давай же сядем. — Они сели напротив. — Рассказывай, что хотел.

И Питер стал рассказывать: не спеша, по порядку, стараясь не упустить главного. Он рассказал о плавучем острове, о выводах, догадках и подозрениях Шелли Бёрна, о капитане Нормане, о военных лётчиках, о подводной лодке, о публикациях в прессе, о том, что этим объектом уже заинтересовались военные ведомства Америки, и в конце рассказа спросил:

— Это правда, такой остров существует на самом деле, или?..

— Это правда, сынок, — ответил отец. — Этот остров построил я. И я на самом деле живу на этом острове. Я знал, что рано или поздно о нашем плавучем острове станет известно всему миру, я подозревал, что его могли видеть в океане. Такое сооружение трудно утаить, даже если оно находится на самой окраине океана. Я надеялся, что всё это спишут на фантазии людей и выдумки бульварной прессы, но я не учёл главного — что на этой земле есть

мировой хищник, который никогда не допустит никакого соперничества и никакой вольности со стороны кого-то бы ни было. Эта безжалостная машина, которая называется американской демократией, на пути к мировому господству готова снести на своём пути всё.

— Папа, а ты мог бы рассказать об этом острове, почему и для чего ты его построил, какие люди там живут, для какой цели, в конце концов, он был создан? — горячо спрашивал Питер.

— Это очень длинная и непростая история, и мой рассказ занял бы очень много времени, чего я не могу себе позволить. — Черрик-старший вынул из внутреннего кармана пиджака несколько компьютерных мини-дисков и протянул их сыну. — Вот, здесь ответы если не на все, то на многие твои вопросы. Здесь записана вся хронология событий и моих действий. Ты можешь их посмотреть, когда я вернусь назад, но. — Николай Васильевич подчеркнул последнее слово. — Но, я прошу тебя пока до поры до времени никому этого не показывать. Если, если...

Черрик-старший замялся и смутился. Питер впервые видел своего отца таким неуверенным и растерянным, и он прямо спросил:

— Папа, вам угрожает опасность?

— Конечно, — на этот раз твёрдо ответил отец. — И ты это прекрасно понимаешь.

— Может быть, тебе не стоит возвращаться назад, может...

Под строгим взглядом отца Питер замолчал, а Николай Васильевич встал, прошёл к подоконнику и потрогал куст чайной розы.

— А, живёт, это хорошо. Вон, появились ещё два бутона. Живёт. — Он неожиданно повернулся. — Ты понимаешь, Петя, я не могу остаться здесь, я не могу бросить тех людей, которые надеются на меня и которые верят в меня. Ты это понимаешь?

— Понимаю, папа, — свесив голову, ответил Питер. Долго молчали. — Но мы с тобой ещё увидимся?

— Обязательно увидимся. — Неожиданно отец сменил тему. — Как поживает Аннушка? Я так по ней соскучился.

— Учится, пытается что-то писать, но у неё это пока неважно получается. Она передала мне твой подарок ко дню рождения. Спасибо, папа.

Отец неожиданно снова замялся, но всё же задал вопрос:

— А как Эмили? Она не обижается на меня, она вспоминает...

— Да, да, папа. Она... Вобщем, она очень изменилась за последнее время. — Отец удивленно приподнял свои кустистые брови. — Это правда. Она создала свой фонд и сейчас занимается благотворительностью. Ты же знаешь, что в ней целый вулкан энергии, и если она за что-то берётся, то у неё всё получается. Сейчас она создаёт фонд для помощи бедным фермерским семьям. К ней возвращаются прежние влиятельные друзья, они помогают ей. Вобщем, всё в порядке.

— Вот как, — задумчиво ответил отец. — Они читала моё письмо?

— Да, читала.

— И какая реакция у неё была?

— Сначала злилась, конечно, кричала и обзывала тебя...

— Русским медведем и чудовищем, — досказал отец.

Питер рассмеялся.

— Именно так. А потом она уединилась, долго плакала, размышляла, наверно. Неожиданно на несколько дней уехала, а потом вернулась. Кстати, ты не хочешь её увидеть, папа?

— Хочу, но не сейчас, — ответил Черрик и на несколько секунд задумался. — Теперь я буду связываться с тобой каждые три дня, а, возможно, и чаще, чтобы получать свежую информацию о том, что хотят предпринять в отношении острова наши доблестные военные. Конечно, мы могли бы затаиться, и наш остров никто и никогда бы не нашёл, но, к сожалению, этого сделать невозможно по ряду причин. Наш остров вынужден плавать. А теперь, Петя, мне пора...

2

Сегодня Николай Васильевич повёл четверых друзей показать ещё одну островную диковинку. Саид с Данилой оклемались на удивление быстро, уже через неделю они уверенно ходили по настоящему и плавучему островам и всему удивлялись, как дети: простому костру, истории народа острова Альмендралехо, озеру, водопаду, вкусной рыбе, немым старикам, тому, что на острове нет ни одного животного, если не считать птиц. Они были всё ещё сильно исхудавшими, но чувствовали себя довольно бодро. Когда Саид с Данилой стояли рядом, Глафира смеялась:

— Ребята, вы похожи на Штепселя с Тарапунькой, правда, выглядите несколько стройнее.

Данила постоянно нахваливал доктора Хайфенга:

— Вы представляете, после его микстур мы уже на третий день вставать стали! И никаких тебе уколов, систем. Правда, надоела эта барокамера, в которой постоянно чем-то воняло, и куриный бульон с каким-то странным вкусом. А так ничего, здорово.

— Погоди, Данила, наш доктор Хайфенг мастер на такие эксперименты, он накормит тебя лечебными супами, заставит дышать лечебным воздухом и принимать лечебные ванны, заниматься лечебной физкультурой, а потом делать только лечебную работу, — подначивала Глафира. — И превратишься ты в настоящего лечебного робота.

— А ты что скажешь, Саид? — спрашивал постоянно хмурого товарища Алексей.

Тот тяжело вздыхал и отвечал:

— Как там моя Наташа, дети. Наверно, похоронили уже меня, а Наташа вышла замуж. — Он сжимал кулаки и горячился: — Если она выйдет замуж...

Слов у него не хватало, но всем и так было ясно, что при возвращении домой быть беде. Об его состоянии Глафира как-то заговорила с Чирковым:

— Николай Васильевич, нельзя ли сообщить в Египет, что Саид жив, а? А то он себя изведёт и в гроб загонит. — Глафира помялась. — Да и о нас бы не мешало сообщить нашим родным. Они, наверно, с ума там сходят от неизвестности. Это возможно? Ведь у вас наверняка есть связь. А? — донимала Глаша.

Чирков надолго задумался, потрепал свою седую бородку, потом ответил:

— Я бы с удовольствием, Глаша, но как. Я не могу раскрывать тайну острова Альмендралехо да и плавучего острова тоже. Это может закончиться трагедией. По всем признакам, на нас начинается серьёзная охота.

— Охота! Какая ещё охота? Нам что, грозит опасность?

— Да, нам грозит опасность, поэтому я намерен в ближайшее время высадить вас, всех четверых, на какой-нибудь обитаемый цивилизованный остров. А оттуда вас переправят на родину. Это всё, что я могу сделать.

— А вы? — невольно вырвался вопрос у Глафиры.

— Мы? У нас есть некоторые пути возвращения, но их ещё нужно готовить, а для этого нужно время.

— А что же будет с островами, с его жителями?

— За жителей можешь не беспокоиться, я их ни за что и никогда не брошу.

В этом “ни за что и никогда” Глаша услышала такую твёрдость и непреклонность, что у неё не возникло и тени сомнения, что так и будет. Неожиданно, опустив взгляд на живот, Николай Васильевич тепло улыбнулся и спросил:

— А когда нам ждать ваших первенцев?

— Скоро, где-то через месяц, — смущённо ответила Глафира, потупив взор.

— Это хорошо. Дети — это прекрасно, это наша надежда, наше будущее, — сказал Чирков. — Интересно, оценят ли они то, что мы сотворили на этой земле?

— Почему вы так странно говорите, Николай Васильич, словно прощаетесь с нами, да и со всем миром? — спросила Глафира.

Чирков усмехнулся:

— Когда доживёшь до моих лет, тогда, дочка, и поймёшь. А вообще-то не в хандре и обречённости дело, дело в других людях. В тех людях, которые вокруг этих островов. — И Николай Васильевич сделал круговое движение рукой над головой, словно показывая, где находится это человечество. — Там, в том сообществе, люди словно не понимают и не ценят того, что подарила им природа, — саму жизнь. Зависть, злоба, грабежи, убийства, войны — всё это не что иное, как порождение цивилизации и плоды её перерождения.

— Но ведь так происходило во все времена, когда развивалось человечество, — возразила Глаша. — Люди дрались за пищу, за место обитания, в конце концов, просто защищались от нападения.

— Всё это так, — согласился Чирков. — Может быть, к старости я стал сентиментальным чудачком и мечтаю о чем-то несбыточном, но жители острова Альмендралехо научили меня большему, чем все светила мировой науки, больше, чем все мудрецы мира. Знаешь, чему?

— Нет, я не понимаю, — ответила Глафира.

— Человечности, цивилизованной человечности.

— Что же здесь странного, они и вышли из цивилизации, они были с ней хорошо знакомы.

— Вот и дело-то в том, что они выжили вопреки этой цивилизации, — горячо воскликнул Чирков. — Я долго вникал в их образ жизни на этом острове, изучал их быт, разговаривал с ними. И что меня удивило: у них за два с лишним столетия обитания здесь не было ни одного серьёзного конфликта,

они не разделились семьями, родами или кланами, они всё это время жили вместе, одним народом, если хочешь.

— Но что же здесь удивительного, — возразила Глаша, — вместе всегда легче выживать.

— Вот именно — выживать, — снова загорячился Чирков. — Ты нашла точное слово, Глаша! Но ведь им-то нужно было не просто выживать, а ЖИТЬ вместе. Мало того, не просто жить, в понимании существования, а развиваться, расти, совершенствоваться, конечно, в возможных для них пределах. Из нескольких десятков человек, которые попали на этот остров, колония превратилась в целый народ с населением почти восемьсот человек. А если бы они просто выживали, они бы поели друг друга.

— Почему бы поели? — воспротивилась Глафира, — они же не людоеды.

— А разве людоедами родятся? — тихо спросил Чирков и надолго замолчал. Потом вдруг предложил: — Знаете что, свожу-ка я вас на одну очень интересную экскурсию. И, кстати, очень поучительную. Как, согласна, Глаша?

— Конечно, согласна, Николай Васильевич. — Глафира помялась. — А ребятам рассказать можно про... про.

— Если ты о грозящей нам опасности, то не просто можно, но и нужно, Глаша. Не зря же мудрые говорят: если предупреждён, значит, вооружён. Конечно, с условием, что они не будут сеять панику, — погрозил пальцем Чирков.

На экскурсию их повели сам Чирков, Чели и ещё один человек, которого Николай Васильевич представил как археолога. Звали его Эдди Дихульстером, и был он родом из Бельгии. Эдди был живчиком, который постоянно при разговоре жестикировал и мимизировал, отчего его густые рыжие брови двигались, словно заведённые. Русской речью он владел великолепно, почти без акцента, если не считать акцентированного “эр”, отчего казалось, что он постоянно чем-то недоволен и каркает. Даже на ходу, пока группа гуськом поднималась в гору вслед за своим проводником Чели, он не замолкал ни на минуту:

— Это, друзья мои, величайшее открытие. Вы представьте себе, что это археологическое чудо находится не где-то на континенте или на обитаемых и давно заселённых и освоенных территориях, а на совершенно затерянном архипелаге, вдали от цивилизаций и морских путей. Сюда человек мог попасть только случайно, совершенно случайно. Чели, — кричал он, — мне кажется, что ты насведёшь в совершенно другую сторону! А впрочем... Для археолога это находка всей его жизни. Возможность изучить эту находку мне предоставил мистер Черрик. Прравда ведь, Николай Васильевич? Ну, вот. А я был бесконечно рад такой возможности. Чели, кажется, мы уже прошли нужный поворот!

Но Чели не откликнулся на замечания археолога, будто и не слышал его совсем. Группа перевалила через седловину, и Чели, наконец, остановился, показав на занавешенную густым плющом горизонтальную стенку скалы:

— Здесь.

После этого Чели с чувством исполненного долга сел на камень, уставился в небо и зашевелил губами. Неизвестно было, то ли он молился Богу, то ли

заучивал какое-то задание, которое дал ему учитель. А Дихульстер закрутился почему-то на месте, сквозь очки оглядывая окрестности и забормotal:

— Да, похоже, кажется, это действительно здесь. Да, определённо здесь. Но откуда же здесь эти зарросли.

— Выросли, — коротко ответил на его вопрос Чели.

— Да, очевидно, выросли, — забормotal археолог. — Как бы их убррать, они мешают. В пещерре и так темно.

Чели без слов подошёл к стене и стал обрезать большим ножом, похожим на мачете, свисающие ветви. Скоро все увидели в скале узкий вход, в который едва мог протиснуться человек.

— Ой, я туда не пойду, — испуганно закричала Глафира. — Там, наверно, темно, сыро и страшно.

— Тогда подожди нас здесь, — отозвался Алексей, — а Чели тебя покараулит. Да, Чели?

Чели лишь улыбнулся и утвердительно закивал головой.

— А может, и пойду, — изменила вдруг решение Глафира. — Так хочется посмотреть, что там. Только, чур, я не первая. — И добавила: — И не последняя. А змеи там есть?

Но вопрос её запоздал, потому что в чреве пещеры уже исчез археолог, Саид, Данила и Чирков. Алексей взял за руку жену.

— Пойдём, чудо моё. Если что, я тебя прикрою сзади и защищу от пещерного троглодита.

— Ой, — вскрикнула Глаша и, вдохнув полную грудь воздуха, словно собиралась нырнуть на большую глубину, согнувшись, вошла в пещеру.

При свете фонарей было видно, как узкий проход сразу же расширялся и превращался в большой грот, размером приблизительно двадцать на двенадцать метров. Потолок его местами провисал и доставал чуть не до пола. Серые неровные стены кое-где чередовались серыми, голубыми, охровыми и чёрными прожилками. Скрип камней под ногами в этом замкнутом пространстве превращался в дергающий нервы скрежет, а сама пещера напоминала большой каменный склеп. Здесь был слышны даже вздохи и выдохи людей, а когда раздался голос археолога, всем показалось, что под сводами прокатился гром:

— Вот, вот, посмотрите, прразве это не чудо!

Все сгрудились около стены, на которую показывал Дихульстер.

— Я ничего не вижу, — сказал Саид.

— И я тоже, — шёпотом отозвалась Глафира, — тут просто какие-то царапины.

— Да как же вы не видите, — возмущался археолог. — Вот линия и вот линия, и вот. Вместе они образуют что? Правильно, это стррела. Хотя историческая наука утверждала, что лук и стррелы появились всего несколько тысяч лет назад.

При громком, громоподобном голосе Дихульстера внутри пещеры стало как-то вдруг уютно и совсем не страшно.

— Этому ррисунку никак не меньше двадцати тысяч лет.

— А может, это просто трещины, — засомневался Данила. — Их тут вон сколько.

— Правильно, трещин много, — согласился экскурсовод, — но вы посмотрите, какие они неровные. В монолите и не может быть ровных линий, они все изломаны или волнисты, а эти линии прямые, и их мог оставить только мыслящее существо. Хорошо, вы не веррите, что это изображение стрелы, а тогда что же это? — Археолог показал на ещё один рисунок, который был очень похож на птицу. И хотя этот рисунок был выполнен всего двенадцатью штрихами, были видны и голова, и туловище, и хвост, и лапы, и даже глаз. — Скажете, что это тоже причуды природы? Ничего подобного. А вот это, вот это.

И экскурсанты видели человеческое лицо, причём, явно женское, рыбу, круги, руку с растопыренными пальцами, изогнутый лук с тетивой.

— Ну, хорошо, Эдди, вы нас убедили, что здесь обитали люди, — сказал Данила. — Сейчас есть предположения, что и Антарктиду когда-то населяли люди. А дальше-то что?

— Вот! — закричал вдруг археолог. — Вы, Данила, мыслите в верном направлении. Именно, что этот остров населяли когда-то именно люди с материка Антарктида, где в незапамятные времена было также тепло, как, допустим, в Африке или в Южной Азии. Вы понимаете, люди с другого материка, совершенно не связанные с людьми с других континентов. Если вы знаете историю развития человечества, то когда-то европейцы считали себя единственной расой, а Европу единственным континентом, ойкуменой. Но потом открыли Египет, Африку, Азию, Америку, Австралию, и оказалось, что там живут совершенно другие люди с другой культурой, с другим цветом кожи и другим разрезом глаз, с другими языками. Вы понимаете?

— Не хотите ли вы сказать, уважаемый Дихульстер, — вступила в разговор Глафира, — что здесь жили люди другой формации?

— Именно так, именно так! — закричал Дихульстер и после некоторого смущения добавил: — во всяком случае, я это подозреваю. Эта тема достойна более глубокого и всестороннего изучения. Да. А теперь пройдемте дальше, — предложил археолог, как будто он приглашал в другой зал петербургского Эрмитажа.

Все потянулись гуськом за ним, освещая себе путь фонариками. За поворотом Глафира вдруг остановилась и закричала, показывая на груды костей:

— Ой, мамочка, а это что?

Дихульстер с недоумением посмотрел на Глафиру и сказал:

— Извините меня, я не думал, что вы воспримите это, м-м, так эмоционально. Это всего лишь кости и череп, останки древних людей. Да.

— И что же здесь интересного, — проворчала Глафира, — я всё это видела в анатомическом и историческом музеях.

— А самое интересное вот в чём, — продолжал как ни в чём ни бывало Дихульстер. — Посмотрите, здесь кости лежат кучей, а здесь. — Он перевёл луч фонарика в другой угол. — А здесь лежит целый, нерасчленённый скелет.

— И что это значит? — спросил Данила.

— А то, что эти люди поедали самих себя.

— О, боже! — не сдержалась от эмоций Глафира. — Так они были людоедами?

— И да, и нет, — ответил археолог. — Это племя, неизвестно как оказавшееся здесь, по каким-то причинам не могло сообразоваться, сгруппироваться. Все его члены были разобщены, и вот результат. Их вражда переросла в самоуничтожение. Одна группа людей убила других и съела их. Здесь тоже могло быть несколько причин, почему они это сделали. Возможно, на острове не осталось достаточного количества пищи, и они стали поедать друг друга, чтобы продлить своё существование, а может быть, они были настолько разобщены, что по отдельности не могли добывать себе пропитание. Так или иначе, вывод один: эти люди не смогли жить в сообществе, и вот результат. Последний из могикиан убил последнего своего соперника, съел его, а потом и сам умер от голода. Вот почему один скелет остался цел.

Когда вышли из пещеры, Николай Васильевич присоединился к Глафиру.

— Помните наш разговор, Глаша?

— Конечно, помню, — ответила она. — И я всё поняла. Если бы эти изгнанники с острова Альмендралехо разобщились или, не дай бог, стали бы враждовать и убивать друг друга, они бы не выжили.

— Вы мудрая женщина, Глаша, — ответил Чирков.

Она лукаво, искоса посмотрела на Чиркова, сказала:

— А женщины всегда мудрее мужчин.

— Тут я с вами полностью согласен, — засмеялся Чирков. — Наверное, потому доля продолжать жизнь и доверена женщинам. Если бы это делали мужчины, человечество давно бы поело друг друга.

3

— А вы не думаете, что это блеф, мистер Керри, обыкновенная жёлтая утка, которую запустили газетчики, чтобы содрать с нас побольше долларов? — спрашивал у командующего военно-морскими силами США министр обороны.

Керри неуютно ёжился под сладким прямым взглядом почти бесцветных глаз своего начальника Джона Сайреса, хотел что-то сказать:

— Но, Джон...

— Джон я тебе там, за порогом Пентагона, — перебил его Сайрес. — А ты уверен, что это не происки русских и китайцев, ты уверен, что они могли создать нечто подобное? Надо же — плавучий материк! Может, скажешь, на этом острове размещено и ядерное оружие?

— Нет, я этого не утверждаю, Джон, — решил показать характер Керри, — но я этого не исключаю. Вот поэтому-то, чтобы исключить различные неприятные неожиданности и сюрпризы, я и прошу тебя проверить эту информацию. Допустим, что этот летучий остров действительно мираж, фантазмагория, игра воображения, так сказать. А если нет, и этот островок однажды что-то натворит, ты готов потом отвечать за последствия, Джон?

— Чёрт тебя побери, — вскочил с жёсткого стула, на котором ему приходилось сидеть из-за болезни, Сайрес. — Но что я предьявлю президенту? — Он взял со стола папку и хлопнул ею об стол. — Вот эти выдержки из жёлтой газетёнки, бред полусумасшедшего капитана, сообщения из российской военной газеты, вот эти сомнительные фотографии? Да ты с ума сошёл!

— Поэтому я и прошу дать распоряжение проверить эти факты, — спокойноотреагировал Керри. — Ты же знаешь, у меня таких полномочий нет. Роджер Верхайден тоже не хочет рисковать.

Сайрес сжал кулаки, хрустнув суставами, и снова сел. Замер на месте, задумался.

— Хорошо, я дам распоряжение, чтобы наши АВАКСы и подводные лодки в Африке и Австралии с помощью радиолокации пошарили в этих районах, где будто бы видели этот проклятый остров. Но... Но я не верю, чёрт возьми, что такое возможно. Это бред какого-то фантаста!

— Да, Джон, и не забудь про космическую разведку.

— Ты понимаешь, о чём просишь? Чтобы отсканировать такую территорию, понадобится тысячи снимков, миллионы долларов бюджетных денег. Ты помнишь, как искали нашего знаменитого путешественника Стива Фоссета? На клочке суши размером всего в несколько сотен квадратных миль его искали несколько недель, и то не нашли. — Эту песенку про поиски знаменитого путешественника Керри уже слышал от Верхайдена, но промолчал. — Тогда, я припоминаю, привлекали даже программистов со всего мира, чтобы они помогли исследовать космические снимки. А тут миллионы квадратных миль! Боже, во что я ввязываюсь! Да меня в случае неудачи потом съедят, как кролик морковку.

— А в случае удачи наградят, — вернул Керри и хмыкнул. — Не жадничай, Джон. Я уверен, что все затраты окупятся.

— Тебе легко говорить, — пробурчал Сайрес. — Сбросил все проблемы с большой головы на здоровую и радуется. А мне вот теперь решаю эту шараду.

— Ничего, Джон, у тебя голова крепкая, однажды выдержала удар бейсбольной биты, — намекая на давнее происшествие, когда при игре в бейсбол тогда ещё молодой офицер Сайрес получил удар битой по голове, после чего он почти месяц провалялся в госпитале, — а уж небольшой уколчик от президента тебе не повредит.

— Пошёл к чёрту!

— Значит, я правильно тебя понял: сегодня встретимся на дне рождения у Сары?

Такой разговор между министром обороны и командующим ВМС Соединённых Штатов произошёл почти две недели назад, и вот сегодня на стол мистера Сайреса легли сводки о разведывательно-поисковой операции в зоне возможного появления мифического острова. Как и предполагал Джон, ничего даже отдалённо похожего на существование такого объекта найдено не было. Самолёты АВАКС своими электронными щупальцами процедили пол-океана, но ничего подозрительного не заметили, если не считать каких-то слабых электрических импульсов на одном из отдалённых крохотных архипелагов, которые специалисты отнесли к разряду природных явлений. Эти импульсы могли генерировать как слои океанской воды, нагретые до разных температур, так и слабый источник электроэнергии, но никак не большой объект с мощной энергетической установкой, которая наверняка должна была быть на плавающем объекте. Специалисты космической разведки тоже не смогли найти ничего подозрительного.

Сайрес усмехнулся — значит, он был прав, и позвонил в штаб ВМС:

— Соедините меня с мистером Келли, Сьюзенн.

Ангельский голосок секретарши ответил:

— Прошу извинения, мистер Сайрес, у вас приватный разговор? — после некоторого замешательства добавила: — Сейчас мистер Келли проводит совещание.

— Хорошо, пусть он мне перезвонит, когда будет свободен, Сьюзенн.

Но поговорить с Келли ему так и не удалось, потому что министра обороны срочно вызвали к президенту. Пока Сайрес ехал в Белый дом, он напряженно искал повод, по которому его мог бы вызвать хозяин овального кабинета, но так и не находил. Ближний Восток был под полным контролем, строительство ракетных баз на Востоке Евросоюза идёт полным ходом, русские, как всегда, слегка порыпались по этому поводу, потом, спустив пар, затихли. Мелкие конфликты вшивых мелких государств в Африке, на островах Океании и на Балканах его не очень-то тревожили. После дробления мощной непокорной Югославии в Европе там не затихали межэтнические ссоры, но они уже никак не влияли на стратегические планы США. Всё-таки насколько дальновидным было решение раздробить Югославию, думал Сайрес. Теперь даже такие мощные державы Европы, как Германия, Франция, Италия побаивались перечить мировому жандарму. И всё-таки, по какому поводу его вызвал президент?

Советник президента провёл Сайреса в овальный кабинет. Хозяин сидел в своём кресле, положив одну ногу на другую, демонстрируя свои тёмно-синие носки со змейками на длинных паголенках. При этом он покачивался из стороны в сторону, словно медведь в неволе. Не прекратил он этих движений, когда вошёл и Сайрес, он лишь показал на кресло напротив. Когда министр обороны сел, спешно спросил:

— Как Джина, как её здоровье?

Сайрес удивился, почему вдруг президент вспомнил об его дочери, страдающей тяжёлой болезнью, но ответил:

— Слава богу, мы справляемся, сэр. Ей уже намного лучше.

— Хорошо. А что это за история с каким-то загадочным плавающим островом? — неожиданно спросил президент. Сайрес растерялся и не успел ничего ответить, а президент продолжал: — Мои помощники мне сообщают, что его создали русские, и он обладает таким вооружённым потенциалом, что один может разгромить целую морскую группировку. А ещё мне докладывают, что он беспрепятственно плавает, где ему вздумается и контролирует чуть ли не весь мировой океан. Это правда, Сайрес? И почему я об этом узнаю не от вас, отвечающего за безопасность нашей богоизбранной и благословенной державы, каковой являются Соединенные Штаты Америки, а от других людей?

Сайрес понимал, что ответ нужно дать незамедлительно, потому что президент не любил тугодумов и людей, не владеющих информацией по тем вопросам, которыми они занимались, но он почувствовал, как по всему его телу вскочили пупырышки озноба, потом его окатило горячей волной и под одеждой покатались капельки пота. Делая вид, что он глубоко задумался, вытирая платочком со лба пот, он внутренне поблагодарил деву Марию, а заодно и Келли, который заставил его владеть информацией по данному вопросу. Наконец, он с облегчением и твёрдо ответил:

— Сэр, я обладаю всей необходимой информацией по данному вопросу.

— Да? — удивился президент и опустил вторую ногу на пол. — Тогда просветите меня.

— Дело в том, сэр, что многое из того, что сообщили вам ваши помощники, не подтверждаются объективными данными. — Боковым зрением Сайрес заметил, как завожился в своём кресле президентский советник, и внутренне ухмыльнулся от удовольствия, что сумел вставить этому самодовольному пентхюу шпильку в зад. — Совсем недавно мы провели мониторинг того участка мирового океана, где будто бы, — он произношением подчеркнул последние слова, — был замечен неопознанный плавающий объект. Но ни космическая, ни наземная разведка не дала пока никаких результатов. — На всякий случай Сайрес решил подстраховаться: — Но это не значит, сэр, что такого объекта не существует. Мы усиленно занимаемся его поисками и обрабатываем всю информацию, которая у нас имеется на этот час, сэр.

— И много у вас этой информации, Сайрес? — с ехидцей спросил президент.

— Вполне достаточно, сэр, чтобы не строить догадок и не выдвигать неподтверждённых измышлений, — твёрдо ответил Сайрес. — Тем более, рано выдвигать предположения, кому принадлежит этот плавающий объект, каким вооружением он располагает и какую угрозу он несёт целостности и независимости нашей страны, сэр.

— И вы можете предоставить эти материалы в департамент? — спросил президент с удивлением в голосе, недовольно бросив взгляд на своего помощника.

— Конечно, сэр, — ответил Сайрес. — Если бы я знал, что вы вызываете меня именно по этому вопросу, я бы обязательно захватил их с собой.

Президент встал и подошёл к окну, чтобы насладиться видом зелёной лужайки, подстриженных деревьев и полуденного Вашингтона.

— Хорошо, Сайрес, чтобы завтра эти документы были у меня на столе. Я хочу сам ознакомиться с ними.

От президента министр обороны вышел с единственной мыслью сбросить с себя мокрое бельё и помыться в душе. И ещё он подумал, что его завистникам, которые уже не раз пытались сбросить Сайреса с его кресла, ещё рано праздновать победу.

4

На острове Альмендралехо жизнь шла своим чередом. Наступил март, время осени на южном полушарии. Вовсю шла уборка урожая. Пшеницу, кукурузу и овёс обмолачивали, перевозили в долблёных кадках через озеро и стаскивали на плавучий остров, где была небольшая мельница. Там зерно перемалывали в муку, а отходы переправляли на Свиной остров. Ребятишки и женщины выдёргивали из земли морковь, свеклу, выкапывали картошку, мужчины стаскивали их в кучи и тоже переправляли на плавучий остров. Работали все, кроме десятка матросов, капитана Делобеля и нескольких беременных женщин. Среди последних была и Глафира. Она повсюду носила с собой складной стульчик, садилась на нём в позе Клеопатры на троне и, поддерживая большой живот, командовала:

— Мальчики, хватит сачковать! Помните русское правило: бери больше, кидай дальше! Лёша, если ты так будешь работать, то не прокормишь жену и своих деток. А ты, Данила, чего присел, не привык к крестьянскому труду? Не перевязать ли тебе мозоли, а, Саид, я всегда думала, что на Ближнем Востоке самые трудолюбивые мужики на свете, а ты что-то бледненький ходишь.

При этом Глафира заразительно смеялась и один раз чуть не сверзнулась со своего трона. Мужчины реагировали по-разному. Алексей только ухмылялся, не обращая внимания на проделки жены, Данила ворчал:

— Попробовала бы сама, язва. Я так натаскался, что у меня спина как стеклянная, того и гляди переломится. А болит, проклятая, терпежу никакого нету.

Глафира ехидничала в ответ:

— Ишь ты, начал вспоминать исконно крестьянские слова и выражения. А то всё по-московски: “понаехали тут”, “дыхнуть нечем от этих колхозников”! Ну, как, почувствовал, как хлебушек-то даётся?

Саид, похоже, думал о чем-то своём и почти не реагировал на колкости Глафиры. Лишь иногда, когда до него, видно, доходил обидный смысл её слов, он рычал в ответ:

— Смотри, Глафира-ханум, вот вернись, расскажу Наташе, она тебе за меня все твои космы повывергает.

— Э-е-е, Саидик, до этого ещё дожить надо. Где мы и где твоя Наташа!

Чирков Николай Васильевич появлялся на людях не часто, но когда выходил из своего островного убежища, все замечали, что он рассеян, хмур и чем-то сильно озабочен. Лишь иногда он отдавал какие-то приказания. Но люди заметили одну странность: почти весь урожай теперь отправлялся на плавучий остров. Со Свиного острова свозились уже не живые свиньи и козы, а их обработанные туши, которые сваливались в морозильники плавучего острова. На все вопросы отвечал:

— Запас карман не тянет. Кто знает, когда мы ещё вернёмся сюда.

Лишь четверо наших путешественников, капитан Делобель да ещё несколько посвященных людей знали истинную причину происходящего — островам грозила какая-то опасность. Догадывался о чем-то и Чели, который постоянно крутился возле капитана и донимал его вопросами:

— Ливе, мы скоро пойдём в плавание? Ты научишь меня стать капитаном? Зачем нам столько еды, мы что, не вернёмся назад?

— Не болтай глупостей, мальчишка, — обрывал все расспросы Оливье. — В плавание мы пойдём обязательно, но для этого надо основательно подготовиться. Понял? И капитаном ты обязательно будешь. Настоящим капитаном, морским волком, как я!

Чели улыбался, он верил всему, что говорил ему его идол, и прижимался головой к широкому капитанскому плечу. А сам бездетный сорокапятилетний капитан от такой нежности расплывался в неловкой улыбке.

Чирков часто закрывался в своём кабинете с вулканологом Костей Курбатовым и о чём-то долго с ним беседовал. Впрочем, Николай Васильевич никогда не оставался один, ведь к нему, как к правителю островной империи, обращались все, кто хотел решить тот или иной житейский, хозяйственный

или ещё какой вопрос. Сегодня, например, к нему зашёл доктор Хайфенг, который с порога взволнованно, не поздоровавшись, сказал:

— Николай Васильевич, сегодня господину Бати стало совсем плохо. Мы, влади, ничего не можем сделать.

Чирков на несколько минут задумался, поерошил рукой свой седой, недавно стриженный ёршик и со вздохом ответил:

— Это плохо, Гао. Ему сколько лет?

— Никто не знает, да же он сам. Но если судить по зубам, то лет около ста. Позил, цего есё.

— Это плохо, не вовремя, — снова повторил Чирков и тут же пояснил: — Народ волноваться будет.

Бати умер к вечеру, когда, словно предвестник большого горя, догорала кровавая заря, а над островом в воздух поднялась вся пернатая живность. Мелкие грызуны всю ночь не давали покоя своим писком, они метались под ногами у людей и совсем их не боялись. Даже змеи, эти известные библейские недруги людей, стали выползать из расщелин поближе к человеческому жилью и бросаться в воды озера.

Хоронили старца на следующий день. На местном кладбище ему выбрали самое почётное и светлое место. Коренные островитяне скорбели и плакали, никого не стесняясь и ни перед кем не скрывая своих чувств, ведь Бати по праву считался отцом, дедом и прадедом всех их. Он был их мудростью, совестью, судьёй и покровителем в течение этих десятилетий. Не сдерживали слёз и наши путешественники, матросы, учёные и учителя. Один из островитян шептал над ним беззвучную молитву на непонятном языке. Тело старца завернули в саван и опустили в могилу. Вот земля скрыла его, лишь холмиком обозначая, что он стал частицей этой земли, этой планеты и этого мира. В изголовье поставили большой католический крест, изготовленный плотника-ми, с единственными словами: "Отец Бати".

После похорон Курбатов подошёл к Чиркову и, убедившись, что поблизости никого нет, тихо сказал:

— Николай Васильич, все приборы, да и приметы тоже, показывают, что скоро начнётся большое землетрясение. Очень сильно возрастает энергия упругих напряжений. Помните, я ставил датчики? Так вот, за несколько последних дней расщелины увеличились почти на три миллиметра. Это очень много. Посмотрите, как волнуются животные, птицы... Пора бы нам отсюда сматываться.

— Я что-то ничего не заметил, Костя.

— А я заметил. Птицы уже который день кружат над островами и почти не садятся. Целые косяки потянулись на северо-восток, по всей видимости, в Австралию. А ведь сейчас не время перелёта. А позавчера я заметил, что с острова начали уплывать змеи.

— Куда уплывать? — спросил Чирков. — Здесь и плыть-то некуда.

Курбатов лишь пожал плечами.

— Смотрите, Константин, никому ни слова! — жёстко предупредил Чирков. — Иначе, не избежать паники... Насколько сильным оно будет?

На этот раз Курбатов развёл руками:

— Один Господь знает. Но, судя по показаниям, очень сильное. Дело вполне может дойти до извержения.

— Сколько у нас времени?

— Николай Васильич, — умоляющим голосом протянул Константин, — вы требуете от меня невозможного, предугадать этого не может никто! Так что увольте.

Уже на следующий день все почувствовали, как остров задрожал, закачался. Островитяне-аборигены, давно привыкшие к таким явлениям, казалось, совсем не обращали на них никакого внимания. Но вот кто-то заметил, что вода в озере стала сильно нагреваться, местами над поверхностью поднимались струйки пара, на склонах возвышенности взлетали мелкие камешки, словно кто стрелял ими из рогатки.

Чирков, предусмотрительно отправивший супругов Подноветных, Саида и Данилу на ковчег, стал вместе с матросами зазывать народ на плавающий остров, объясняя, что на нём безопаснее переждать очередной катаклизм. Но люди, видно, почувствовали что-то неладное. Матери кричали, созывая к себе, словно клушки, своих детей, кто-то собирал в своих хижинах скарб и тащил его на остров. Матросы торопили людей, а некоторых тащили насильно.

Уже видно было, как в озере закипает вода, а на поверхности мечется ошпаренная горячей водой рыба. Несколько рыбин выскочили прямо на берег и бились теперь в предсмертных судорогах. В какой-то момент показалось, что остров начал крениться в сторону. Ковчег уже выходил из бухты, а люди стояли на его берегах, возвышенностях и, приложив ладони ко лбу, смотрели на постепенно удаляющуюся землю, которая была их единственной родиной. Кто-то откровенно плакал, не скрывая эмоций, кто-то просто смотрел, шевеля губами, видно, молясь, кто-то просто отвернулся, не в силах смотреть на происходящее.

Курбатов подошёл к Чиркову, тронул его за плечо, оторвав от бинокля:

— Николай Васильич, надо бы напомнить Делобелю, что нужно уходить в наветренную сторону, а то нас засыплет пеплом.

— Это что, так страшно? — спросил Чирков.

— Очень страшно. Люди могут просто задохнуться, да и остров может засыпать так, что по нему невозможно будет передвигаться. — Увидев недоверчивый взгляд, Курбатов добавил: — Я вполне серьёзно. Слой пепла при сильных извержениях достигает несколько метров.

— Хорошо, я позвоню капитану.

Когда плавающий остров находился в нескольких милях от земли, откуда-то вдруг донёсся глухой гул, и все услышали взрыв. Люди увидели, как водопад, берущий своё начало из озера, вдруг мгновенно иссяк, а перемычка над потоком рухнула вниз. Все, наблюдающие за катаклизмом, охнули. Плавающий остров, приподнятый огромной волной, погнало в открытый океан, он весь задрожал, словно пришпоренный наездником горячий конь. Все, кто стоял на острове, почувствовали запах серы, иногда издали доносился утробный подводный гул. Вот остров Альмендралехо всё дальше и дальше, видны лишь его вершины, укутанные парами и дымом, да отблески зарева от горящих лесов. Что-то непонятное творилось и на двух соседних островах, Свином и Безымянном: там не были пока видны ни пары, ни пожары, но над ними чёрными вращающимися тучами висели стаи птиц, которые, видно, не знали, куда им сесть.

Данила Агафодров, наблюдавший за катастрофой вместе со всеми, тяжело вздохнул и сказал:

— Как хрупок этот мир. Прямо на наших глазах исчезает земная твердь, на которой обитали люди, и они ничего не могут сделать. Неужели эти острова исчезнут?

Стоящий рядом с ним зоолог Дефаго включился в монолог Данилы:

— На самом деле не всё так трагично, как вы думаете.

Данила повернулся к нему.

— Что вы имеете в виду, профессор, для вас это не трагедия?

— Для жителей этого острова, да и для нас тоже, это, конечно, трагедия, но для планеты Земля это лишь небольшая царапина.

— Однако ж и нервы у вас, профессор, — недовольно, почти брезгливо отозвался Данила.

— Данет, вы не так поняли, Данила, — ответил Дефаго. — Просто я сейчас мыслю более масштабно, что ли, более отвлечённо от нашей трагедии. Понимаете, в истории Земли происходили более глобальные изменения, более трагические катаклизмы, на ней то возрождалась, то исчезала жизнь. Вспомнить хотя бы динозавров, которые погибли в очень короткий, по историческим меркам, период. Не будем сейчас гадать и предполагать, по каким причинам это произошло. Но я могу привести вам совсем недавний пример, если хотите.

— Разве есть такой пример, который вы могли бы привести из личного опыта? — с иронией спросил Данила. — Я что-то не припомню.

— Ну, не совсем личный, но недавний, довольно скрупулёзно описанный очевидцами и исследователями. Например, извержение вулкана Кракатау в конце позапрошлого века. После извержения на этом небольшом островке не осталось ничего живого, он был спалён огнем и расколот на несколько частей, на две трети он был вообще уничтожен, а слой пепла и лавы был такой толщины, что под ними могли бы исчезнуть целые города с высотными зданиями. Даже на соседних островах Ферлатене и Ланге не осталось ничего живого.

— Я читал про эту катастрофу, — прервал рассказчика Данила. — Но что вы хотите этим сказать?

— А то, что так же, как и вы, многие думали, что там никогда не будет жизни, — ответил Дефаго. — Ведь там остались лишь красно-бурые нагромождения лавы и пемзы да горы пепла, через которые дождевые потоки прорыли глубоченные каньоны. Даже корабли с исследователями, которые хотели приблизиться к Кракатау, вынуждены были продираться сквозь толстый слой пемзы, словно через льды. Казалось, что там уже никогда не будет ничего живого.

— И что же? — нетерпеливо спросил Агафодров.

— Уже через полгода биолог Котто нашел на острове паучка, через год ботаники нашли сине-зелёные водоросли, отмирая и сгнивая, они оставляли органические остатки, в которой прорастали кустарник, кокосовая пальма и пандан, папоротник и цветковые растения. А через шесть лет, представьте, Данила, всего через шесть лет на Кракатау уже шумели леса, над цветами и травами летали бабочки и мухи, по травинкам ползали жуки и клопы, а в паутинах качались пауки. На деревьях гнездились птицы, а у их корней ползали

вараны. А в двадцатых годах двадцатого века на острове обосновались сотни видов птиц, летучих мышей, насекомых, пауков, раков, моллюсков и червей.

— То есть, вы хотите сказать, Дефаго, что на остров Альмендралехо может вернуться жизнь? — с недоверием спросил Данила. — Сюда могут вернуться люди?

— Во всяком случае, я этого не исключаю, — осторожно ответил Дефаго. — Если, конечно, от островов что-то останется. Они могут вырасти ещё больше, а могут и навсегда исчезнуть в пучине океана. — После непродолжительной паузы добавил зоолог, глядя в пустоту океана: — Во всяком случае, мы будем надеяться на лучшее, мой друг.

Ещё долго моряки вместе с капитаном наблюдали, как в ночном небе играли всполохи огня, до их слуха докатывались звуки мощных взрывов, будто все громы и молнии спрятались в чреве земли, а сейчас пытались вырваться на свободу.

Вторую неделю ковчег блуждал по океанским просторам в поисках нового пристанища. Но пятидесятая параллель южной широты не очень-то изобиловала архипелагами и островами. Если и попадались острова, то они были или голыми скалами, торчащими над водой, или очень неудобными для обитания. Плавающий остров был вынужден идти как можно дальше от морских путей, по которым шли караваны судов. Станным выглядел этот поход: люди стремились к другим людям и в то же время прятались от них и опасались их.

Очень сильно похолодало, особенно ночью, когда южные ветра приносили из Антарктиды холод, иногда снег. Всё чаще по курсу попадались ледяные глыбы, оторвавшиеся от айсбергов, и целые заснеженные поля. Уклоняясь от встреч со льдами, плавающий остров попал во восточное течение Западных Ветров, иначе называемое Антарктическим круговым, и потому шёл по курсу очень тяжело. По каким-то причинам капитан плавучего гиганта выбрал именно этот курс, и люди терпели большие неудобства от холода и постоянных ветров, дующих с Запада.

Жизнь на острове замерла: мальнишки не играли в футбол, не грелись на солнце старики, не гуляли с маленькими детьми женщины; все сидели в своих комнатах-каютах и с мрачными лицами и беспокойством рассуждали о том, что их ждёт впереди. Чтобы убить время, каждый старался найти себе занятие. Кто-то с утра до вечера смотрел фильмы, кто-то уходил в спортзал и занимался на тренажёрах, дети большей частью находились в классах с преподавателями.

Алексей всё время проводил за компьютером, пытаясь уложить свои впечатления в тесные, уже надоевшие строчки текста своего путевого дневника. Глафира, выпросив в швейной мастерской машинку, пыталась постичь мастерство портнихи, и строчила рубашечки, ползунки, пинетки, пеленки, одеяльца и всё то, что могло пригодиться ей и её детям в недалёком будущем, которое она ждала со спокойствием и мудростью будущей матроны и многодетной матери. Сайд с Данилой почти всё время проводили за книгами, а когда им это надоедало, они ходили то к капитану Делобелю на капитанский мостик, то к Алексею и Глафире, пытаясь дать им бесполезные в своем большинстве советы, то ходили в бассейн и купались там до синей кожи, то забирались в сауну, пока не розовели и не краснели, словно новорождённые поросята.

Чирков почти не показывался среди народа, многие даже не знали, где он находится. Однажды он пришёл в капитанскую рубку и, приказав всем выйти, обратился к капитану:

— Оливье, настала необходимость соединиться с большой землёй, как наша секретная рация, она ещё работает?

— Рация в порядке, господин Черрик, — невозмутимо ответил Делобель. — Только не рано ли?

Николай Васильевич вздохнул:

— Нет, капитан, не рано. Боюсь, что не было бы поздно. Как ты думаешь, Оливье, за сколько дней они дойдут до нас?

— В зависимости от погодных условий — ветров, течений, от скорости хода — и при условии, что они будут идти круглосуточно, то дней за двенадцать-четырнадцать.

— Хорошо, открывай. — Чирков посмотрел на настенные часы. — Сейчас самое время: в Америке уже день, да и время для прохождения сигнала самое хорошее.

Делобель отодвинул штору у самого большого иллюминатора, за которой находилась дверца, открыл её своим ключом и достал трубку аппарата космической связи.

Взяв её в руки, Чирков спросил:

— Ты уверен, капитан, что нас не прослушают?

— Будьте спокойны, мистер Черрик, частоту устанавливал самый лучший специалист.

Чирков долго набирал длинный номер абонента, долго ждал, и наконец в трубке раздался бодрый голос мужчины:

— Слушаю вас, мистер Черрик.

— Доброе утро, дорогой Дарио.

— Я рад слышать вас, Николай Васильич, — почти без эмоций ответил собеседник.

— Ну как, господин Куатрини, наша касаточка готова к походу?

— Она всегда готова, Николай Васильич, — подтвердил капитан подводной лодки.

— Я надеялся на тебя, Дарио. Как там, тебя ищейки не сильно потрепали после нашего исчезновения с яхты?

— А разве это возможно, мистер Черрик? Они от меня отлипли уже через две недели.

— Спасибо, Дарио. — Чирков помедлил. — Ты, надеюсь, понимаешь, почему я тебе звоню?

— Конечно, мистер Черрик. И, признаться, я уже давно мечтал об этом дне, потому что наша касаточка совсем застоялась. Готов выполнить любое ваше приказание.

— Кстати, сколько людей может уместиться на подводной лодке?

— Восемьсот человек уместиться свободно. Если, конечно без багажа в виде острова, — капитан Куатрини и хохотнул. — Если будет необходимо, то возьмём ещё человек сто пятьдесят.

— Не бойся, багажа не будет. А ты не преувеличиваешь, Дарио? — спросил Чирков.

— Да нисколько, мистер Черрик. У нас же не атомный ракетносец, нет ни торпед, ни ракет, какая грузоподъёмность субмарины, вы тоже знаете. Так что доставим всех, и даже с комфортом.

— Хорошо, дорогой Дарио, ждём вас в условленном месте. Будьте на связи. Кстати, когда вы выйдете в море?

— Да мы уже. Пока мы разговаривали, наша касатка уже вышла из гавани. Так что до встречи, мистер Черрик.

— До встречи, до скорой встречи, дорогой Дарио, — сказал Чирков и повесил трубку.

Николай Васильевич собрал в своём кабинете самых близких и доверенных ему людей. Среди них были капитан Делобель, Алексей Подноветный, Данила, Саид, конструктор Гедрик Хейхаузен, островной архивариус Матэо Бертаззо, доктор Гао Хайфенг, физик Арвидас Крастиныш, зоолог Дидье Дефаго, вулканолог Константин Курбатов и другие. Когда все собрались, он встал со своего стула, обвёл всех глазами и сказал:

— Ну вот, друзья мои, и наступил тот момент, когда мы собрались для очень серьёзного и, возможно, последнего разговора. — Все загудели. Чирков поднял руку. — Тихо, тихо! Я сказал последнего, а не предсмертного разговора. — После этих слов все сдержанно засмеялись — В смысле последнего, когда мы собираемся вместе вот в таком составе. Все вы знаете, что наш плавающий остров лишился своего пристанища. Острова Альмендралехо больше нет, его уничтожило извержение проснувшегося вулкана. Если что-то там и останется после этого катаклизма, то жить на нём будет уже невозможно. Во всяком случае, в ближайшие десять лет. Так мне объяснил наш общий друг, вулканолог Константин Матвеевич Курбатов и мсье Дефаго.

— Так что же теперь нам делать? — спросил Данила. — Так и будем плавать посреди океана и прятаться ото всех?

— Ну зачем же так мрачно, друзья мои, представлять свои перспективы! Да, мы могли бы жить в океане десятки и сотни лет. Наше плавающее государство сделано прочно, можно сказать, на века, у него своё, автономное топливо. Со временем мы нашли бы в мировом океане новую гавань для нашего плавающего острова. Но дело в том, что человечество еще не готово принять его в таком качестве, даже если оно такое маленькое и совершенно безобидное. Ведь у нас нет никакого разрушительного оружия, у нас есть только стремление к независимости, к совершенству и желание жить так, как нам хочется. Но именно независимости нам и не может простить человечество в лице одного государства. Вы знаете, о каком государстве я говорю. В его руководстве размышляют так: почему это плавающее государство живёт не по тем законам, которые приняты у нас; да как они смеют отбиваться от человеческого сообщества и жить по своим понятиям и нравственным законам, а если их примеру последуют другие? Нет, мы не можем этого позволить никому! Эти идеологи вообще удивляются, почему великая русская река Волга впадает в Каспийское море, а не в бухту Лоуэр-Бей. Так они думают. Человечество еще не созрело, чтобы быть по-настоящему счастливым. Да, для нас наступил час икс. По всем данным, на нас охотятся, и на нас готовится нападение.

Все вновь зашумели, загудели, но Чирков поднял руку.

— Тихо, тихо! Но и у нас есть против них своё оружие.

— И какое же, палка? — спросил кто-то.

— Нет, не палка, — жёстко прервал Чирков, — а наша предусмотрительность и наш ум. Я предполагал, что вся наша затея может закончиться именно этим, и подготовил все пути отхода. К нам уже идёт подводная лодка, она всех заберет нас.

— А как же остров, Николай Васильич? — спросил Алексей. — Он что, утонет, исчезнет?

— Надеюсь, что нет. Но это меня беспокоит меньше всего. В конце концов, наш остров — это всего лишь плавучее сооружение, такое же можно построить ещё раз. Меня больше всего беспокоит судьба народа острова Альмендралехо. Поэтому я заранее позаботился о нём. Предполагая такое развитие событий, я ещё четыре года назад купил землю в Колумбии и построил там небольшое поселение. Там есть дома, школа, больница и всё необходимое для жизни. Там их уже ждут. Вы же, друзья мои, вернётесь на родину.

— Вы что же, гоните нас, господин Чирков? — язвительно спросил Бертаззо.

Николай Васильевич поднял руки, словно защищаясь от упрёка:

— Нет-нет, друзья мои, вы не так меня поняли! Вернётся тот, кто этого захочет. Тех же, кто пожелает работать вместе с нами и быть с островитянами, добро пожаловать на новую родину. Там вы найдёте всё необходимое для своей деятельности.

— Надеюсь, что там есть вулкан, — подал голос вулканолог Курбатов.

Все засмеялись, а Чирков ответил:

— Не беспокойтесь, Костя, найдётся применение и вашей профессии. Наша новая земля находится у озера Мар-Чикита, расположенного прямо в русле реки Рио-Дульсе, так что от этого места совсем рукой подать до вулкана Льюльяльякю.

— Да там же с тысячу километров будет, — заметил Алексей. — Мне приходилось бывать в тех краях. Это вы называете, совсем рядом?

— Ничего, для настоящего учёного тысяча вёрст — не крюк.

На этом совещание закончилось, и население вновь ожило, обсуждая предстоящие события.

(Окончание следует)

Хроники, события, факты

Заметки о димитровградской поэзии

Димитровградская поэзия, на взгляд автора этих строк, является весьма представительной не только в Поволжье. Она может конкурировать и с другими регионами России. И это сказано не ради красного словца. Достаточно познакомиться хотя бы с некоторыми стихотворными произведениями, чтобы убедиться в их поэтическом уровне. Разумеется, далеко не все стихотворения авторов можно считать шедеврами. Это и понятно. Поэтические жемчужины не валяются на дороге. Они являются неожиданно и редко даже для самих их создателей.

Заметки не предполагают развёрнутого литературно-критического анализа сочинений. Да, пожалуй, в этом нет и необходимости. В качестве обзора хотелось бы обратить внимание читателей на наиболее колоритных и ярких, как мне представляется, димитровградских поэтов. Четверо из них являются членами Союза писателей России, что уже говорит об их солидном стихотворном опыте. Две же поэтессы, Виктория Волконская и Наталья Глазунова, владеют таким громадным творческим потенциалом, что их появление в этом российском творческом Союзе представляется в ближайшем будущем. Валентин Манухин, Валерий Гордеев, Александр Осипов, Нонна Алиева входят в число очень известных димитровградских поэтов. Для первых трёх этих авторов присуще сочетание и гражданской, и «тихой» лирики. Обоими этими направлениями в поэзии Валентин Манухин владеет в совершенстве. Читая его стихи, пытаешься определить у этого поэта приоритет одного из этих направлений. Но его не существует. Ибо они тесно переплетены в его творчестве. Остаётся лишь волнующе «охать» и радостно «ахать», когда соприкасаешься с патристическими и глубоко лирическими, полными любви к родной природе стихами Манухина. О них не стоит рассказывать, их нужно читать и наслаждаться ими. Его замечательное стихотворение «Свеча» это украшающая корона его поэтического творчества.

Для Валерия Гордеева в гражданской лирике характерна пронзительность звучания, связанная с его искренней любовью к своему русскому народу.

Больше не было боли,
Ибо не было битв.
Было белое поле,
Словно марлевый бинт.
В дом вернулись солдаты,
Хорошо, что целы.
Ничего - хромоваты,
Ничего, что щербаты,
Ничего - кривоваты, -
Это все от войны!
В половодье весеннем
Врачуются раны,
И ручьи по траншеям
Гуляют в степи...
И взойдут на том поле,
Вчера еще бранном,
Голубые, скупые,
Полевые цветы.

В этом присутствует философское осмысление жизни, человеческая мудрость. Вместе с тем, он и сугубо лирический автор. Примером этому служит его «Письмо». На первый взгляд, оно может показаться простым, обыкновенным стихотворением, не претендующим на какие-то литературные высоты. На самом же деле, если внимательно его прочитать, это уже Поэзия. В «Письме» удивительно ёмко во времени и пространстве в сочетании с как бы мимо-лётной констатацией земной жизни: «Всполох каждой истины: грустной и простой, словно шорох лиственный осени пустой» представлен взаимопроникающий реализм и романтизм, что передаёт читателю поэтическую атмосферу стихотворения. А ведь далеко не каждый стих, пусть он будет даже, как говорится, без сучка и задоринки, можно причислить к поэзии.

Очень близок к этим двум поэтам по тематике и стилю стихотворных произведений стоит Александр Осипов. Высокая гражданственность, любовь к малой родине, умение увидеть в обыкновенных людях чистоту их индивидуальностей, самоирония, меткий взгляд, молниеносно определяющий суть человека и ситуации, в которой он находится, дружественная шутка – это всё делает стихи Осипова интересными и привлекательными. Но он не только талантливый стихотворец. Александр Осипов обладает большим поэтическим дарованием. Его блестящее стихотворение «Фламенко», полное экспрессивности, темпераментности, красочности, захватывающей стремительности, красноречиво подтверждает это. Если бы автор «Фламенко» ничего не написал бы, кроме этого стихотворения, то его можно было бы считать уже состоявшимся Поэтом. Почему? Да потому, что созданная им в этом стихотворении художественная реальность настолько живая, звучная, красочная, что она становится для нас на какой-то момент объективной, зримой, музыкальной реальностью. Такое волшебство художественной реальности и есть подлинная поэзия.

Стихи Нонны Алиевой – это продукт творческого мастерства, зрелости,

это сплав интеллектуальности и глубокой любовной лирики, которая по внутреннему драматизму достигает такого накала, что оставляет иногда за собой шлейф падающей звезды. У Алиевой много прекрасных, поэтических стихов, среди которых «Последнее рондо» является, как мне представляется, её поэтическим шедевром. «Последнее рондо» по своей вибрирующей интонации («по зеркалам промчалась дрожь...») заставляет вспомнить замечательное стихотворение талантливого русского поэта Георгия Иванова «Особняк», являющееся, на мой взгляд, одним из эталонов русской поэзии.

Приятно отметить, что к упомянутым мастерам стихов подплывает уже совсем близко на своей поэтической каравелле и Виктория Волконская. Со своими стихами, в которых, помимо всего прочего, подкупает её непреклонный характер, она стремится прибыть «в надёжную гавань», «в небесную пристань», где любовь растворяется «Навечно друг в друге». Её «Каравелла» не просто хорошее стихотворение, а это, безусловно, поэтическое произведение. Нарастающая динамика, цветовой колорит, земные и небесные явления, встречающиеся на пути стремительного скольжения к намеченной цели, придают «Каравелле» необычайную привлекательность и романтичность. Ощущение читателя, что он плывёт на этой каравелле, говорит о силе воздействия художественной реальности, представленной Викторией Волконской. В этом, о чём уже было сказано выше автором этих строк, и есть отличие поэзии от просто стихов.

На поэтическом небосклоне внезапно засверкала новая яркая звезда, имя которой Наталья Глазунова. Её поэзия удивляет, привлекает каскадом небесного звучания. Она не выдумывает стихи. Поэтесса лишь перекладывает музыкальные голоса, передаваемые кем-то для неё из потусторонней реальности, в стихотворную форму. Необыкновенные переливы этих голосов в исполнении самой Глазуновой очаровывают, околдовывают и уносят слушателя в беспредельную даль, откуда вихрем поднимают к сказочным, божественным высотам. Да и она сама, чувствуется, в такие моменты находится во власти этого волшебного полёта. По этому поводу поэтесса пишет:

Я подсажена на рифмы.
Я попала на стихах.
Монитор с обычным шрифтом.
В тексте – мысленный размах.
Что же это за мысленный размах?

В стихотворении «Чудное состояние» автор отвечает:

Мои мысли безграничны.
В них – Вселенная сама.

Совершенно точно! Поэзия Натальи Глазуновой имеет вселенский размах, эпицентром которого является великая любовь к миру, к человеку. Её стихотворение «Гимн любви» выражает символ жизни всего Мироздания. Находясь в земном притяжении, талантливая поэтесса обладает необыкновенной способностью улавливать отзвуки загадочной, божественной, потус-

торонней реальности, находящейся в безграничном космическом пространстве.

В период духовного кризиса, наблюдаемого в российском обществе, поэтическое творчество выше названных димитровградских авторов даёт основание считать, что любовь в их душах не разрушена. Значит, не всё так мрачно в нашей кризисной жизни.

Александр Надыктов.

Сразу три поэтические книги вышли в свет в Димитровграде

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Знаменательное событие произошло 20 марта. В выставочном зале НКЦ НИИАРа состоялась презентация первой книги члена Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, поэтессы, автора нашего альманаха Наталии Глазуновой. Книга духовной поэзии «Другая реальность или По ту сторону времени» посвящена автором самым близким и любимым людям: мужу В.Глазунову и сыну Илье. Издательский центр «ЮНИПресс» и Димитровградская типография постарались как можно удачнее и ярче подать читателю эту полноцветную книгу. Следует также отметить иллюстрации, использованные автором в оформлении издания. Это работы художников Н.Рериха и Р.Валиуллина, а также специально подаренные Н.Глазуновой иллюстрации картин уникального московского художника В.Животягова, прекрасно вписавшиеся в поэтическую канву и тематику автора.

Со словами приветствия и добрыми пожеланиями автору на презентации выступали хозяйка зала Н.Сучкова, критик А.Надыков, музыкант Л.Ватюкова, подруга поэтессы О.Еграшина, заместитель начальника налоговой инспекции Т.Парфенова, руководитель клуба любителей поэзии «Эхо» Т.Черпаева, предприниматель Е.Богачева, бизнесмен А.Перминов, художник Н.Винокурова.

В переполненном зале звучали стихи и песни, впечатляюще одарила чтением своих произведений собравшихся друзей и коллег Наталия Глазунова. Символично, что в это же время автор получила из Москвы еще одну книгу – из серии «Антология современной поэзии», изданную Академией российской литературы и Агентством «Московский Парнас». Именно во втором томе этого трехтомника «Рождены для вдохновенья», опубликована и подборка стихов «Я создатель и спаситель...» димитровградки Наталии Глазуновой, а это еще одна большая творческая удача литературы Причеремшанья.

В вечере-презентации принимали участие и члены ДПО: В.Гордеев, В.Манухин, А.Осипов, О.Григорьев, В.Волконская, М.Панкратова, Л.Перикова, Ф.Касимов, Н.Семина, А.Зайцева, А.Горшенин.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

В Димитровграде вышла в свет первая и любопытная не только любителям поэзии, но и музыкантам книга члена ДПО Алевтины Зайцевой «Поэзия и музыка любви». В ней два раздела. Первый – это собрание лирических и очень личных стихов поэтессы. Второй – собрание текстов классического типа романсов о любви и судьбе и подборка нот к ним. И то, и другое – творческая удача автора книги.

Наши читатели знакомы с произведениями А.Зайцевой по публикациям в альманахе «Совершенно НЕ секретно» и журнале «Черемшан». Человек она, несомненно, одаренный, со своим неповторимым голосом в русской поэтической мозаике, разноплановый в выборе тематики, настойчивый и целеустремленный. Поздравляя автора с удачным дебютом на «книжном рынке», мы рады за Алевтину Николаевну, которая уже готовит к изданию еще две книги стихов и прозы. В долгий путь!

В творческом багаже молодой и, скорее всего, самой одаренной поэтессы в нашем крае Виктории Волконской появилась третья книга стихов «Изгнанница из Рая». Книга получилась емкой, многоплановой. В ней подобраны произведения разных лет, потому что это стало книгой избранного творчества поэтессы.

Член Совета Димитровградского писательского отделения Союза писателей России Волконская в кругу творческой интеллигенции города более известна под фамилией Куликова. Ее произведения регулярно и более десяти лет назад начали появляться в разных изданиях. Виктория – победитель нескольких творческих конкурсов молодежной поэзии «Муза». Но так «крупно», как в своей очередной книге, она предстает перед нами впервые. Оценку «Изгнаннице из Рая» дал в напутственной статье в книге председатель ДПО, рус-

ский писатель В.Гордеев. В частности там отмечено: «Повзрослевшая поэзия Виктории – это и иное мироощущение, иное выражение чувств, иная оценка бытия и себя в море поэтического». Мы искренне надеемся, что наша «звездочка», вспыхнувшая на симбирском поэтическом небосклоне, действительно стала яркой планетой, населенной талантливыми произведениями...

Рады успехам наших партнеров

Во времена экономического кризиса редко услышишь добрую весть. Потому вдвойне рады мы – литераторы и писатели города и района – за наших деловых партнеров, принимающих участие в создании данного литературно-краеведческого и патристического альманаха – коллектив Димитровградского вентиляльного завода и его директора, мецената и депутата городской Думы Михаила Борисовича Воронова. Суть доброй вести в том, что завод получил целый комплект медалей на 13-й Международной специализированной выставке «Шины, резино-технические изделия и каучуки – 2010», проходившей в марте в Москве. Продукция наших парт-

неров – вентиляльного завода: золотник V 5-20, удлинитель УГ-17-1060 и вентиль Д-13-260 – удостоена соответственно золотой, серебряной и бронзовой медалей выставки. За 18 лет своего существования ДВЗ более тридцати раз был удостоен медалей разного качества за высокий класс своих изделий.

Хотим отметить еще один аспект в работе депутата Димитровградской городской Думы Михаила Борисовича Воронова. Сегодня, в предпобедные дни, он со своими помощниками и своей командой сумел дойти до каждого ветерана Великой Отечественной войны, которые уже с трудом передвигаются по собственной квартире, и не только на общих собраниях избирателей, но и на дому от имени Правительства Российской Федерации вручить фронтовикам заслуженные ими награды с 65-летием Великой победы. А это и есть самая плодотворная работа народного избранника.

ПОЗДРАВЛЯЕМ! Рады за вас, друзья и партнеры.

Фронтовая фотолетопись

В последние дни существования Советского Союза по всей большой стране еще проходили общие парады Победы.

На снимке: один из таких парадов в конце 80-х годов проходил и в столице Каракалпакши Нукусе. Участие в нем принимали и ветераны сформированной в Мелекессе 58-й гвардейской Краснознаменной, орденов Ленина и Суворова Крадноградско-Празжской стрелковой дивизии. Третий справа - Герой Советского Союза П.Сараев.

156

А это – общая фотография учителей Мелекесса-Димитровграда, ветеранов народного образования. Основная группа из них продолжала трудиться в годы войны на ниве просвещения. Но среди учителей города немало и тех, кто, проводив на фронт почти весь выпуск своих учеников, сами пошли в армию за своими воспитанниками. Многие учителя города с гордостью носят свои боевые награды – ордена и медали, полученные ими заслуженно, но совсем не за мирный труд...

Валерий ГОРДЕЕВ
Член Союза писателей СССР, Союза писателей России. Автор многих книг и публикаций. Лауреат нескольких литературных премий. Поэт, публицист, переводчик, издатель.

Владимир ЗИНОВЬЕВ
Член ДПО. Поэт, владеющий редким жанром - сатирических «гномов». Фотомастер, награжденный несколькими дипломами российских и областных выставок.

Екатерина КУЗНЕЦОВА
Родилась в Свердловской области, окончила Димитровградскую школу №5 и филиал УлГУ. По специальности социальный работник. Стихи пишет недавно, в основном лирику.

Александр НАДЫКТОВ
Учился в МГУ. Независимый публицист. Автор литературно-критических работ. Публиковался в журналах и газетах Украины и Ульяновской области. Член ДПО, живет и работает в Димитровграде.

Александр НИКОНОВ
Член Союза писателей России. Автор четырех книг прозы. Прозаик, сказочник, сценарист. Лауреат областного литконкурса.

Содержание:

Победа осталась за нами!	3
Слава героям! Списки живущих в городе фронтовиков	10
Василий Стрючков. «Немецкие «реактивные асы» против «Сталинских соколов». Очерк.	20
Фронтная фотолетопись	31
Генералитет Мелекесса-Димитровграда	38

Поэзия Победы

Евгений Ларин	49
Валентин Манухин	52
Алевтина Зайцева	56
Елизавета Парфенова	61
Виктор Сысуев	63
Виктория Волконская	67

Дебют в альманахе

Екатерина Кузнецова	72
---------------------------	----

Проза

Александр Осипов. «Лара»	77
Александр Никонов. «Ковчег острова Альмендралехо»	86
Хроники, события, факты	149

Литературно-публицистический альманах
Димитровградского писательского отделения Союза писателей России,
Ульяновского регионального благотворительного общественного
Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД
«ЭГИДА»

**Издается с декабря 2008 года при содействии и поддержке
депутата Димитровградской городской Думы первого созыва**

М.Б.ВОРОНОВА

ЗАО «Промсервис» (ген.директор А.А.МИНАКОВ)

ООО «ДПЗ» (директор В.В.ДЕГТЯРЁВ)

Редакция выражает им глубочайшую благодарность.

Шеф-редактор альманаха -
член Союза писателей России Александр НИКОНОВ

В выпуске принимали участие:
Литературный редактор - член Союза писателей России В. ГОРДЕЕВ
Фотомастер - В. ЗИНОВЬЕВ
Компьютерная верстка - Т. БЕРЕНДЕЕВОЙ

Посад
Москесс

ISBN – 5-85658-028-1

Адрес редакции:
433512, Ульяновская обл., г. Димитровград, пр. Ленина, д.30, оф. 24.
Телефон: 3-37-44.

Произведения авторов альманаха публикуются на безгонорарной основе.
Возможна публикация произведений самодельных авторов,
не заказанных редакцией. На договорной основе.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Выпуск отпечатан в Димитровградской типографии:
433510, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

Подписано в печать 15.04.10. Формат 60х90\16. Печ.л. 10,0.
Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 2402. ЦЕНА СВОБОДНАЯ.